

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ:
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И
ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2021**

УДК 81
ББК 81
Я 41

Серия
«Теория и история языкознания»

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия сборника:
Потапов В.В. – д-р филол. наук (отв. ред.),
Казак Е.А. – канд. филол. наук (отв. ред.),
Комалова Л.Р. – д-р филол. наук,
Опарина Е.О. – канд. филол. наук

**Язык в глобальном контексте: языковые кон-
такты и языковые конфликты в современном мире :**
Я 41 сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-
информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Потапов В.В.,
Казак Е.А. – Москва, 2021. – 226 с. – (Теория и история
языкознания).

ISBN 978-5-248-00943-5

Рассматривается проблематика развития национальных языков в рамках языковых контактов. Анализируются причины возникновения языковых конфликтов в полиэтнических государствах мира и последствия, к которым они приводят. Уделяется внимание типологии языковых конфликтов. Рассматриваются языковые конфликты в странах Северной и Южной Америки, а также в ряде стран Западной Европы. Подчеркивается значение языковой политики в решении национально-языковых проблем.

Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-248-00943-5

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

<i>Потапова Р.К.</i> О комбинаторно-конверсиональной сущности конфликтотгена	5
<i>Алпатов В.М.</i> О контактах и конфликтах языков	17
<i>Костева В.М.</i> Языковые конфликты в тоталитарных государствах	29
<i>Яковлева Э.Б.</i> Идеи глобализма Александра Македонского и древнегреческий язык как <i>lingua franca</i> эпохи эллинизма	42

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ: (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

На материале русского языка

<i>Потапов В.В., Маслова Н.Е.</i> О структурном моделировании провокационно-эвокационных словоформ русскоязычного сегмента Интернета	50
<i>Кедрова Г.Е., Гун Мин.</i> Контрастивно-языковое исследование сетевой коммуникации в русском и китайском сегментах Интернета	62
<i>Циммерлинг А.В.</i> Контакты и конфликты в языке посольских книг Ивана III	80
<i>Фролова О.Е.</i> Социальные контакты и речевые конфликты (На материале повести А. Платонова «Котлован»)	103

На материале английского языка

<i>Германова Н.Н.</i> Нормирование языка: Территория конфликта ..	120
<i>Раренко М.Б.</i> Трехъязычие в Шотландии как результат социально-политических трансформаций в стране и мире	134
<i>Беляевская Е.Г.</i> Фрейм «CONFLICT» в языке и тексте.....	145
<i>Шевченко Т.И.</i> Французский след в английском ударении: Конфликт или компромисс?	157
<i>Порохницкая Л.В., Теплякова С.М.</i> Интеракция vs конфликт концептов в семантике эвфемизма (На материале английского и французского языков)	168

На материале немецкого языка

<i>Гусейнова И.А.</i> Конфликтогенные факторы институциональной коммуникации	175

На материале испанского языка

<i>Моисеенко Л.В., Евдокимова А.А.</i> Контактующие языки и языковые конфликты (На примере языков Испании)	187
<i>Клименко О.К.</i> Испано-английские языковые контакты на территории США	208

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ

УДК: 81

Р.К. Потапова

О КОМБИНАТОРНО-КОНВЕРСИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КОНФЛИКТОГЕНА¹

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, rkpotapova@yandex.ru*

Аннотация. Статья содержит описание основных критериев построения модели, включающей коммуникативный элемент, называемый нами конфликтогеном, роль которого является решающей в динамике дальнейшего развития конфликта. В концепции учтены эндогенные и экзогенные особенности конфликтогена, оказывающие влияние на способы его коммуникативной экспликации, передаваемой с помощью поликодовых средств коммуникации. Модель основана на трех классических концентраторах «мысль – слово – дело», в каждом из которых происходит качественная трансформация конфликтогена, позволяющая рассматривать функционирование данной модели в циркулирующем возвратно-начальном режиме.

Ab ovo ... ad infinitum²

*Если бы всем одно и то же казалось вместе
прекрасным и мудрым, то не было бы
среди людей враждующего спора.*

Пиррон³

Предлагаемая концепция «конфликтоген» и его место в межличностной коммуникации базируется на основных философских воззрениях Древнего мира, позволяющих, по нашему мнению,

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом, проект № 18-18-00477.

² С самого начала ... до бесконечности (лат.).

³ Пиррон (около 365–275 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, основатель скептицизма.

«высветить ментальное ядро» процесса порождения конфликта в акте коммуникации и его дальнейшей экспликации с помощью различных семиотических систем: вербалики, паравербалики, невербалики, экстравербалики (по Р.К. Потаповой). Так, например, если обратиться к авестийской философии и конкретно к «Авесте» – древнеиранскому религиозному памятнику (≈ I тысячелетие до н.э.), содержащему свод религиозных и юридических предписаний, а также к учению зороастризма¹, то можно выделить квинтэссенцию данного учения, включающего этическую триаду: «благая мысль, благое слово, благое дело» (хумат, хукет, хуварст). Согласно данной триаде главным в зороастрийской философии провозглашается зависимость миропорядка и торжества справедливости от свободного выбора человека, что определяется, с нашей точки зрения, индивидуально-познавательным опытом человека, бихевиористским механизмом его жизнедеятельности, этническими и прочими особенностями участников коммуникативного взаимодействия, «встраиванием» акта коммуникации во временное пространство эпохи. Опора на авестийскую триаду применительно к нашей модели в ее усеченном варианте «мысль – слово – дело» дает возможность глубже понять и интерпретировать концепцию основополагающей социально ориентированной модели коммуникации с учетом индивидуальных особенностей личности.

На первичность мысли и вторичность различных знаковых средств (семиотики) в процессе ее экспликации указывается в различных религиозно-философских трактатах буддизма (VI–V вв. до н.э.), где истина определяется «восьмеричным путем правильности»:

- правильный взгляд – понимание благородных истин;
- правильная мысль – освобождение от злой воли и жестокости;

¹ Основатель учения зороастризм – авестийский пророк Заратуштра (Зороастр – др.-греч. вариант имени X–VI вв. до н.э.). Пророк – реформатор древнеиранской религии, реально существовавшая историческая личность [Мифы и религии мира, 2004, с. 103]. Основной принцип зороастризма – противопоставление двух начал: добра и зла, борьба между ними, что является содержанием мировых процессов. Зороастризму свойственна вера в конечную победу добра (там же, с. 428). Древнеиранским религиозным памятником в зороастризме является Авеста (1-я половина I тысячелетия до н.э.), являющаяся сводом религиозных и юридических предписаний, молитв, песнопений, гимнов зороастрийского божества [БЭС, 1997, с. 10].

- правильная речь – отказ от грубостей, лжи и сплетен;
- правильные действия – воздержание от убийства, насилия, воровства;

- правильный образ жизни – выбор тех занятий, которые не причиняют вреда ничему живому;

- правильное старание – преодоление дурных склонностей;

- правильное внимание;

- правильная концентрация [Религии мира, 2009, с. 212–213].

Развитие вышеупомянутой концепции наблюдается, например, в чань-буддизме – одном из самых популярных толков буддийской традиции Китая, оказавших влияние на буддийскую философию Японии, о чем свидетельствует один из классических чаньских памятников «Лес чаньских изречений» (XV в.), где особо подчеркивалось значение одной из составляющих триады – *слова*.

- Например, тот, кто говорит «одним словом», сообщает слову выразительность жеста;

- уплотнять речь – значит превращать речь в плоть [Малявин, 1991, с. 7].

Согласно китайской традиции соотношение между мыслью и словом двуедино: «понимание интуитивное, не формализуемое и понимание объективированное, логически упорядоченное, понимание предваряющее и понимание представленное едины и не едины, друг друга определяют и поддерживают» [там же, с. 10], что позволяет говорить об оппозиции первичного и вторичного в формировании мысли. «Традиция требует признать, что всякое непонимание есть в действительности недопонимание. Если согласно китайской традиции, мы в любой момент “уже знаем”, то мыслить и обозначать – значит всего лишь проводить межи в необозримом поле посредования смысла, т.е., по существу, проводить границы внутри предельности, ограничение, если угодно, – писать “белым по белому”. В таком письме все диктуется законом экономии выражения...» [там же, с. 11].

Примеры толкования составляющих триаду «мысль – слово – дело» мы находим также в трудах философов Древней Греции, где как в зороастризме и буддизме на начальной исходной коммуникативной позиции находится не слово, а мысль. Примеры [см.: Мудрость Древней Греции, 2007] для соотношения «мысль – слово»:

- принимайся говорить в двух случаях: или когда предмет своей речи обдумал ты ясно, или когда сказать о чем-нибудь необходимо... (Исократ, 436–338 гг. до н.э.);

- языком не упреждай мысль (Хилон, VI в. до н.э.).

Для соотношения «слово – дело»:

- слово – тень дела (Демокрит, ≈ 460–370 гг. до н.э.);
- за хорошими словами часто кроются дурные дела... (Эзоп, ≈ VI–V вв. до н.э.) [Мудрость Древней Греции, 2007, с. 193];
- стоит устам захотеть рассказать – и речь погибает... [там же, с. 33];
- всякое слово ничтожно, когда не увенчано делом. Всякое дело должно быть воплощением слов (Платон, ≈ 428–347 гг. до н.э.) [там же, с. 194];
- слово – тень дела (Демокрит) [там же, с. 193];
- если что-то можно доказать делом, то на это незачем тратить слова (Эзоп) [там же, с. 193].

На принципиальное расхождение между составляющими данной триады указывали буддийские философы:

- одну фразу, существующую до слов (т.е. мысль. – Р. П.), не передадут и тысячи мудрецов... (из книги «Избранные чаньские изречения») [Афоризмы старого Китая, 1991, с. 37];
- что невыразимо в словах, неистощимо в действии [там же, с. 32];
- достаточно, чтобы слова выражали смысл (Конфуций 551–479 гг. до н.э., из книги «Беседы и суждения») [там же, с. 21];
- люди в древности не любили много говорить. Они считали позором для себя не поспеть за собственными словами (Конфуций) [там же, с. 17].

Таким образом, если опираться на универсальную формулу «Competence – Performance», то исполнению планируемого действия предшествует работа мыслительного комплекса, вербально скомпрессированного в формате внутренней речи и напрямую зависящего от таких факторов, как память, ее ассоциативное наполнение, степень сосредоточенности на информационном «ядре» мысли, предварительный замысел, мотивация, тактика и стратегия реализации намерения совершить конкретные действия и т.д. От всей совокупности вышеуказанных составляющих зависит выбор знаковых единиц, т.е. единиц семиотически маркированных *систем*: вербальных, паравербальных (непосредственно «внедренных» в вербалику интонационно-просодических и тембральных сигналов для устной речи и пунктуационно-графемных сигналов для письменной речи), невербальных (мимических, жестовых, проксематических и др.), экстравербальных (сопутствующих, фоновых, внешних и внутренних составляющих деталей коммуникации)

[см., например: Потапова, Потапов, 2006; Потапова, Потапов, 2012; Potapova, 2015; Potapova, Potapov, 2011 и др.].

С нашей точки зрения, именно эта совокупность знаковых средств заложена в эмбриональном состоянии в возникшей мысли и лишь далее через внутреннюю «сжатую» вербалику (внутреннюю речь [например: Жинкин, 1964; Соколов, 1968; Леонтьев, 1969]) в процессе коммуникации осуществляется реализация комбинаторных знаковых средств внешней вербалики, паравербалики, невербалики. Экстравербалика наделена, с нашей точки зрения, комплементарной функцией.

Условно данный подход к соотношению «мысль → слово → дело» можно представить следующим образом с учетом функционирования *принципа экономии* следующим образом [Potapova, 2018]:

- ментально-церебральная фаза – субъективно-когнитивная готовность к возникновению мысли, действию (замысел);
- бихевиористская фаза, включающая мыслительную реакцию на внешний раздражитель (стимул);
- невербальная («эмбрионально»-когнитивная фаза), включающая избирательно ассоциативный механизм по сходству, смежности, контрасту;
- предвербальная фаза, соотносящаяся с нейрофизиологической активностью мозга с ориентацией на выбор средств иконического, индицирующего или символизирующего характера;
- смыслоформирующая вербальная фаза в комбинации со смыслоформирующими паравербальной, невербальной и экстравербальной фазами с учетом различных типов дистрибуции: свободной, включенной, дополнительной, контрастной.

Можно предположить, что конфликтоген как универсальный феномен жизнедеятельности организма, его возникновение, «динамика передвижения» в процессе коммуникации по пути развития или затухания связаны с блоком «мысль», так как *именно здесь* конфликтоген выступает как результирующее умозаключение, являющееся следствием самых различных комбинаций мыслительного процесса.

Если попытаться умозрительно проанализировать процесс порождения конфликтогена в I центре «мысль», то можно выделить некоторые эндогенные (внутренние нейропсихофизиологические) и экзогенные (внешние) причины, реакция на которые приводит к вероятностному зарождению конфликтогена, например:

1. Эндогенные (внутренние) причины зарождения конфликтогена:

- различного ряда фобии;
- повышенная фрустрация личности;
- аффективная реакция на различного рода стимулы: от нейтральных до эмоционально окрашенных (например, истерия);
- различного рода мании (от неистовства, восторженности и др. – до патологической страсти);
- сублимация;
- нереализованный акмеологический императив;
- фанатизм;
- инстинкт;
- генетическая (наследственная) предрасположенность к антисоциальному типу коммуникации;
- наличие стресса;
- эмоции и эмоционально-модальные реакции на стимул;
- особенности социогенеза;
- социобиологическая составляющая, соотносящаяся с данными социологии, психологии, антропологии и этнографии личности;
- психологическая несовместимость коммуникантов¹.

2. Экзогенные (внешние) причины зарождения конфликтогена:

- социально-моральная дисгармония между коммуникантами;
- концептуальное расхождение во взглядах на тот или иной объект действительности;
- расхождение социально-статусного типа;
- реакция на провокативные и эвокативные действия партнеров по коммуникации;
- индивидуальная (политическая, экономическая и др.) установка коммуниканта на происходящие события;
- наличие эффекта депривации в широком диапазоне функционирования (карьерного, финансового и др.);
- отсутствие языковых компетенций в акте коммуникации.

Таким образом, расхождения между особыми вышеперечисленными эндогенными и экзогенными признаками порождения конфликтогена идиосинкразического, индивидуально-познавательного, бихевиористского этнокультурологического характера ведут к развитию когнитивной энтропии [Потапова, Потапов, 2006; По-

¹ Некоторые из вышеприведенных профессионально ориентированных терминов [см.: Dirks, 1970, S. 94–95].

тапова, Потапов, 2019; Potapova, 2015; Potapova, Potapov, 2016; Potapova, Potapov, 2017 a; Potapova, Potapov, 2017 b; Potapova, Potapov, 2018 и др.] и как следствие к процессам либо недопонимания, либо непонимания.

Семиотические системы кодирования конфликтогена разнообразны и включают, как уже указывались ранее, вербалику, паравербалику, невербалику и экстравербалику. Все знаковые средства могут функционировать как в эксплицитной, так и в имплицитной формах, дополнять друг друга, реализовываться как в монокодовом, так и в поликодовом режимах. При этом важно подчеркнуть, что мощное воздействие поликодовости, например в Интернете, «помогает» реализации конфликтогена в мегамасштабах. Более того, конфликтоген, возникший в ментальном пространстве человека и являющийся реакцией человека на п-факторы экзо- и эндоприродного происхождения, в определенных коммуникативных условиях может *маскироваться* знаковыми средствами как вербалики, так и паравербалики, невербалики и экстравербалики. Знаковые средства *маскировки конфликтогена* порождают систему экспликации лжи, реализующуюся с помощью ее вариформ, например, аферы, блефа, вероломства, демагогии, измены, предательства, иллюзии, клеветы, навета, оговора, лести, подхалимства, лицемерия, лукавства, хитрости, мистификации, мошенничества, подлога, притворства, симуляции, ханжества и т.д. (см., например: Егоров, 2012, с. 24–25; Щербатых, 1999). Б.Ф. Егоров отсылает нас к работе Ю.М. Лотмана [Лотман, 2002], где постулируется мнение, согласно которому ложь появилась только в знаковом мире: «...внутренняя противоречивость знаков лежит в основе феномена лжи, во вне- и дознаковом мире лжи нет, ложь входит в мир вместе с языком, ложь творят знаки. Как утверждал Руссо, а до него, по слухам, еще Эзоп, язык создан для обмана» (там же, с. 8–9).

К ненадежности «слова» (вербалике) постоянно обращались писатели в своих произведениях, давая тонкую и в то же время глубокую интерпретацию расхождения между «мыслью» и «словом». Так, например, в своем дневнике писатель Леонид Андреев (1897–1901) мастерски передает тончайшие нюансы состояния «лесть», подчеркивая полное несоответствие между внешней лестью и внутренней лестью. Здесь же мы находим описание эндогенной природы выражения лести у автора: «Человек очень пристрастный, субъективный, склонный к преувеличениям и пафосу, Андреев льстил ей *сознательно* и *бессознательно* (курсив наш. – Р. П.). Бессознательная лесть заключалась в том, что он,

придавая своей любви “мировое” значение, естественно возбуждал догадку о том, что в человеке, которого так любят, должно быть что-нибудь особенное. Обходя молчанием истинную причину всякой любви, коренящуюся в сфере бессознательного, обильно рассыпая громкие слова и увлекаясь ролью романтично-влюбленного, он искажил действительность» [Андреев, 2009, с. 224].

Специальное исследование феномена «ложь» не входит в данном случае в содержание статьи, но этот аспект имеет прямое отношение к процессу зарождения конфликтогена и дальнейшего его развития в рамках модели «мысль – слово – дело» и использования поликодовых средств в процессе актуализации этой модели.

Обобщая основные положения разрабатываемой нами концепции, целесообразно отразить ее в многокомпонентной комбинаторно-конверсиональной модели конфликтогена в акте коммуникации. Концепция «конфликтоген и его место в модели коммуникации» базируется на древнейшей философской триаде «мысль – слово – дело» и поликодовых знаковых средствах экспликации или импликации (маскировки, шифрования) этих средств в акте коммуникации. Возникшая мысль может при определенных условиях самой различной этимологии (от депривационной установки экзогенного характера до психофизиологической идиосинкразии и других свойств эндогенного происхождения) содержать *конфликтоген*, понимаемый нами как источник ментального процесса, применительно к адресанту, направленного на достижение определенной коммуникативной цели в ущерб адресату.

Дальнейшие этапы алгоритма соотносятся с выбором знаковых средств эволюции конфликтогена, включающих вербалику, паравербалику (интонационно-просодические и тембрально-голосовые знаки устной речи), невербалику (мимику, жестику, проксемику и т.д.) и экстравербалику (символику внешнего дизайна, музыкальное сопровождение, освещение, специфические типы шума и др.). Схематически условно этот процесс можно представить следующим образом (см. рис.).

Обращаясь к сфере коммуникации в социальной сети, можно наблюдать, что существуют дополнительные поликодовые средства маскировки конфликтогена, которые с помощью вербалики, паравербалики, невербалики и экстравербалики (по Р.К. Потаповой) содействуют превращению социума в его макро- и микроформах в социум лицедеев. «Сдуйте, соскоблите маскировку, сотрите глянец и обнаружите в подтексте все тот же обман, соперничество амбиций, утверждение заведомой неправды (внутри которой возникают

отдельные попытки этой неправде противопоставить): делят призы, награды, звания, деньги, ищут и находят партнеров и партнерш для постельных забав, самонарекаются мессиями... И так во всем, во всех сферах бытия. Взаимовыгодные сделки, обмен баш на баш прикрываются (более или менее умело, удачно, пафосно или под сурдинку) мнимым общепринятым благообразием...» [Яхонтов, 2019, с. 6].

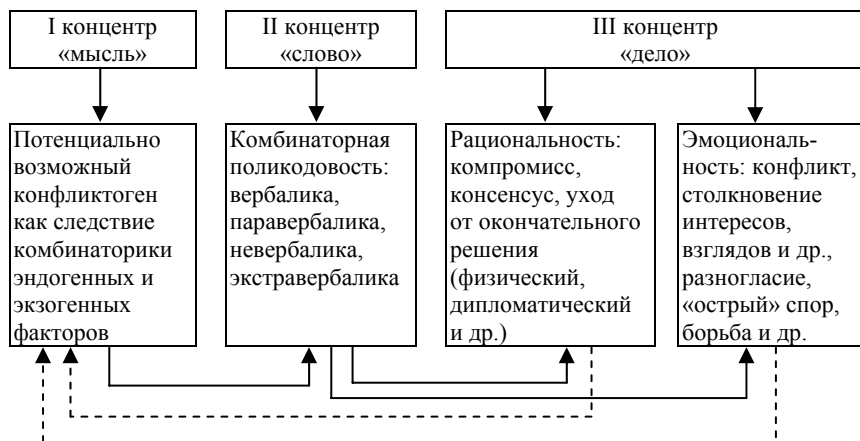

Рис. Многокомпонентная комбинаторно-конверсиональная модель зарождения, эволюции и функционирования конфликтогена в процессе коммуникации

В связи с вышесказанным хотелось бы подчеркнуть, что «...социальная среда – источник формирования и изменения психики человека, она – не только условие его существования, но и условие приобретения социального опыта и человеческого познания. В то же время социальная среда является причиной осложнений, подвижности и изменчивости психики человека (разрядка наша. – *Р. П.*)» [Тутунджян, 1966, с. 45].

Особо тонкий инструментарий конфликтоген обрел в Мировой сети. Если раньше, до развития социальных сетей, развитие конфликтогена реализовалось с помощью открытой травли, бойкота, провокационных и эвокационных действий, то в социально-сетевой коммуникации появились «хейтинг», «моббинг», «сталкинг», «троллинг» и др. Все эти виды развития конфликтогена с помощью вербалики появились в Интернете с самого начала его

эволюционирования и, как установили психологи, являются порождением тех, кому недостает признания в профессии, творчестве, личной и общественной жизни. «В эпоху Интернета таких людей условно называют “недолайканными”, не получившими публичного признания (или восхищения). Жертвами “недолайканных” считаются так называемые “недобаненные” – т.е. те, чья личная жизнь либо вовсе отсутствует, либо скучна и сера» [Голубицкая, 2016, с. 5]. На благоприятной почве анонимности процветают различного рода «хейтеры, мобберы и сталкеры – люди, для которых травля ближнего стала образом жизни...». «И преследователь, и жертва – это, по сути, один и тот же психотип... Людей такого типа не тревожит, что популярность сомнительная, им не важно ее качество, а важно быть в центре внимания и “на коне” – т.е. преследовать врага или, наоборот, “быть героем”, который ради правды готов сносить всяческие преследования». По данным психологов, и те и другие чаще всего одинаково демонстративные и эгоцентричные личности с *истероидным складом психики*, любящие быть в центре внимания и страдающие от его отсутствия, с циклотимией – резкой сменой настроений: от эйфории и агрессии до апатии и депрессии, мнительные, легковозбудимые и подверженные разнообразным фобиям [там же, с. 5], а также повышенной аффективной реакцией на обычные стимулы (истерией).

Анализируя особенности функционирования конфликтогена с учетом предлагаемой модели в рамках Интернета, следует подчеркнуть, что, учитывая в целом безграничные возможности реализации межличностной коммуникации в Сети, а также в on-line режиме, можно утверждать, что возникновение и функционирование конфликтогена приобрело космические масштабы. При этом появилась и стремительно развивается массовая зависимость от виртуальной коммуникации, ведущая не только к негативной реакции на развитие конфликтогена, но и к стрессу, фобиям, маниакальным проявлениям и т.д. в поведении социальных групп. Для нормальной жизнедеятельности человека должны учитываться «подводные камни» обитания в «цифровом пузыре», т.е. определенные условия в сфере развития валеологии, направленные на сохранение и развитие генетических, физиологических, психологических и интеллектуальных резервов организма человека.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что опора на классическую религиозно-философскую триаду, нашедшую отражение в трудах философов Древнего мира, дала возможность переосмыслить роль каждой из составляющих триады с по-

зий современного Знания. Место конфликтогена определяется всеми составляющими (концентрами) циклической модели коммуникации. Возникнув в первом концентре модели (условно «мысль») и перейдя с помощью одного из способов передачи информации или комбинаторики этих способов (условно «слово») к целевому концентру (условно «дело»), конфликтоген либо провоцирует возникновение нового ответного конфликтогена, либо способствует его нейтрализации. Весь этот процесс можно представить в виде вращающегося колеса, обеспечивающего эволюционно-революционный путь развития социума в целом и отдельных представителей этого социума в частности.

Список литературы

- Андреев Л.Н.* Дневник: 1997–1901 гг. / подгот. текста Козьменко М.В., Хачатурян Л.В., при участ. Затуловской Л.Д.; сост., вступ. ст. и коммент. Козьменко М.В. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 296 с.
- Афоризмы: Древний мир. Античность / сост. Кондрашов А.П. – М.: Рипол Классик, 2000. – 512 с.
- Афоризмы старого Китая. – Изд. 2-е, испр. – М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1991. – 79 с.
- БЭС: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Прохоров А.М. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1997. – 1456 с.
- Голубицкая Жанна.* Ты и я: Недолайканные и недобаненные // Моск. комсомолец. – 2016. – 28 мая. – С. 5.
- Егоров Б.Ф.* Обман в русской культуре. – СПб.: Росток, 2012. – 192 с.
- Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26–38.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
- Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство, 2002. – 768 с.
- Малявин В.В.* Язык сердца: Афоризм и китайская традиция // Афоризмы старого Китая. – М., 1991. – С. 5–38.
- Мифы и религии мира / сост. и ред. Неклюдова С.Ю. – М.: Рос. гос. гуманитарн-т, 2004. – 432 с.
- Мудрость Древней Греции / сост. Бельмис Е.В. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славян. культуры, 2006. – 496 с.

- Потанова Р.К., Потанов В.В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славян. культур, 2012. – 464 с.
- Потанова Р.К., Потанов В.В.* От идиосинкразии – к когнитивной энтропии // Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: Сб., посвящ. 70-летию В.З. Демьянкова. – М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2019. – С. 413–419.
- Религии мира: пер. с фр. / ред. Красновская О. – М.: Махаон, 2009. – 260 с.
- Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. – М.: Просвещение, 1968. – 248 с.
- Тутунджян О.М.* Психологическая концепция Анри Валлона. – Ереван: Айастан, 1966. – 211 с.
- Щербатых Ю.В.* Искусство обмана: Популярная энциклопедия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 544 с.
- Яхонтов А.* Настоящее ненастоящего, или Происходит совсем не то, что происходит: Коллекционер жизни // Моск. комсомолец. – 2019. – 27 апреля. – С. 6.
- Dirks H.* Psychologie: Eine moderne Seelenkunde. – B. etc: Bertelsmann Lexikon-Verl., 1970. – 400 S.
- Potapova R.K.* From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication // Global science and innovation: Materials of the 6-th International scientific conference. – Chicago, 2015. – Vol. 1. – P. 129–137.
- Potapova R.K.* Das kognitiv-semiotische Modell der sprechsprachlichen Tätigkeit // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – М., 2018. – Вып. 6 (797). – С. 73–83.
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Kommunikative Sprechfähigkeit: Russland u. Deutschland im Vergleich. – Köln etc: Böhlau Verl., 2011. – 312 S.
- Potapova R., Potapov V.* Polybasic attribution of social network discourse // SPECOM 2016. – Switzerland: Springer, 2016. – P. 539–546. – (LNAI; vol. 9811).
- Potapova R., Potapov V.* Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner // SPECOM 2017. – Cham: Springer, 2017 a. – P. 253–261. – (LNAI; vol. 10458).
- Potapova R., Potapov V.* Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach) // SPECOM 2017. – Cham: Springer, 2017 b. – P. 407–416. – (LNAI; vol. 10458).
- Potapova R., Potapov V.* Main determinants of the acmeologic personality profiling // SPECOM 2018. – Switzerland: Springer, 2018. – P. 542–551. – (LNAI; vol. 11096).

В.М. Алпатов

О КОНТАКТАХ И КОНФЛИКТАХ ЯЗЫКОВ

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
v-alpatov@ivran.ru*

Аннотация. Контакты языков часто приводят к языковым конфликтам. При наличии на той или иной территории нескольких языков всегда возникает противоречие между желанием говорить на привычном языке и необходимостью коммуникации между носителями разных языков. Особенно существенны конфликты между господствующими (в том числе государственными) языками и языками меньшинств. Их результаты могут быть различными; есть факторы, способствующие языковому сдвигу, и факторы, тормозящие его. Языковой сдвиг может приводить к исчезновению более слабого языка, но в тех или иных ситуациях процесс может быть повернут вспять.

Языки в контакте легко делаются языками в конфликте.
J. Edwards. Multilingualism. – L.; N.Y., 1994. – P. 89.

Данное высказывание, безусловно, справедливо. Не раз мы слышали, особенно в советское время, о «гармоничном развитии языков» и «дружбе народов», но время показало, что даже при длительном отсутствии открытой фазы конфликтов они могут загоняться вглубь, а затем выходить наружу, как это случилось в нашей стране со второй половины 1980-х годов. Помимо того, что язык часто выступает одним из компонентов конфликтов, имеющих политические и / или экономические причины, существуют и собственно лингвистические факторы, которые способствуют возникновению и развитию конфликтов. Прежде всего, это объективное противоречие между потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания, о которой я уже не раз писал; см., например, [Алпатов, 2000, с. 11–12].

Потребность идентичности заключается в том, что «и для общества, и для отдельного индивида комфортнее пользоваться одним языком, преимущественно родным, освоенным в детстве, так как не нужно прилагать усилий при усвоении второго и третьего языков» [Михальченко, 1994, с. 223]. Предельный случай удовлетворения потребности идентичности – одноязычие. Потребность взаимопонимания заключается в том, что в ситуации языкового общения каждый из ее участников желает для успеха коммуникации без помех общаться с собеседниками; для этого необходима понятность языка.

Обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью одноязычном обществе, которое в современном мире представляет собой скорее исключение, чем правило. Чаще приходится искать разные способы компромисса. Но в любом случае страдает какая-то из потребностей (или обе): недостаточное владение «чужим» языком затрудняет коммуникацию, а необходимость говорить на «чужом» языке требует дополнительных усилий и часто вызывает ощущение этнической второсортности, особенно если приходится говорить на «своем» для собеседника языке. Поэтому конфликты неизбежны, хотя степень их остроты, конечно, может быть различной.

Среди видов двуязычия (многоязычия) выделяются добровольное и вынужденное двуязычие [Skutnabb-Kangas, 1983, p. 75–80]. Добровольное двуязычие обычно, если вторым языком является иностранный, а вынужденное – если второй язык – официальный (в том числе, государственный) язык страны, в которой человек живет. Конечно, в современном мире знание иностранного языка не вполне добровольно, поскольку в обязательную школьную программу очень часто входит соответствующий предмет, и провал на экзамене может вызвать неприятности, однако в дальнейшей жизни иностранный язык может оказаться не нужным. Например, практически все японцы сейчас учат в школе английский язык, но, по данным 1990-х годов, лишь 9% читают англоязычную литературу по специальности, а 56% признались, что полностью его забыли [Loveday, 1996, p. 175–176]. Добровольное двуязычие, если оно действительно добровольно, редко порождает языковые конфликты, однако в ряде случаев и знание иностранных языков может становиться вынужденным. Знаменитый датский лингвист Л. Ельмслев в 1943 г. издал свой главный научный труд по-датски, но десять лет спустя его новое издание ему пришлось напечатать на английском языке. В малых странах Европы все чаще

вынуждены публиковать научную литературу по-английски, а теперь этот процесс дошел и до России, особенно по естественным наукам. Разумеется, такого рода языковые контакты приводят к конфликтам.

Тем более конфликтные ситуации создаются, когда контактируют официальный язык, особенно если он является и языком большинства, и язык меньшинства. Носители официального языка (например, русского в СССР и современной России, английского в США и Великобритании) обычно не задумываются над языковыми проблемами; они могут знать иностранные языки и применять это знание, но редко им бывает нужно использовать языки меньшинств, живущих в их стране, и потому они ими не владеют. Для меньшинства потребность идентичности серьезно нарушается, что во многих случаях компенсируется престижностью языка большинства, но так бывает не всегда, а языковые ситуации могут резко меняться, как это было в 1980-е годы в СССР. Нередко языковой конфликт ведет к исчезновению более слабого языка.

Исчезновение языка – последняя стадия языкового сдвига, основанного на языковых контактах. Промежуточные стадии связаны с двуязычием (многоязычием). Эти промежуточные стадии могут сохраняться надолго, и процесс может быть повернут вспять, что чаще связано с изменением границ.

Результатом контактов может стать либо вытеснение одного из языков при сохранении другого, либо образование нового языка. Однако сосуществование языков в конфликте может сохраняться веками. Если вытеснение языка к настоящему времени еще не дошло до полного исчезновения, то можно предсказывать разные варианты развития событий. Но прогнозы всегда делать очень сложно, поскольку все факторы трудно учесть, а в будущем могут появиться новые. Многие прогнозы в этой области оказывались ошибочными. Например, британский специалист в 1989 г. предсказывал, что в 2017 г. в Латвии русский язык будет преобладать над латышским, а в Эстонии позиции русского и эстонского языков будут примерно равны [Knowles, 1989, p. 164]. Очевидно, что он произвел экстраполяцию в будущее развития языковой ситуации в Латвийской и Эстонской ССР в 40–80-е годы XX в., но появились не учтенные им факторы, изменившие ход событий. И дело не в способностях авторов прогноза: ошибались здесь и Ф. Энгельс, и Е.Д. Поливанов, о чем будет сказано ниже.

Можно выделить как факторы, способствующие языковому сдвигу, так и факторы, тормозящие его. Среди первых:

- 1) завоевание;
- 2) изменение границ;
- 3) освоение территории;
- 4) языковая политика.

Завоевание тех или иных территорий издавна приводило к языковым конфликтам, результаты которых могли быть разными. Язык могли в разных ситуациях сменить либо победители, либо побежденные: в V в. н.э. практически вся территория Западной Римской империи была завоевана германцами, но теперь здесь есть и германоязычные, и романоязычные государства. А бывает и так, что в результате конфликта меняют язык все, и создается третий язык. Так, по-видимому, произошло в Японии. Первоначальное ее население говорило на австронезийском языке, генетически находившемся ближе всего к языкам аборигенов Тайваня. В первые века новой эры на острова вторглись алтайские кочевые народы, ставшие там оседлыми. Алтайцев численно было меньше, но они передали завоеванным свой язык. Однако новый язык не был полностью освоен австронезийцами: они восприняли алтайскую грамматику и базовую лексику, но упростили более сложную алтайскую фонетику. Появился новый язык с алтайской грамматикой, алтайской базовой лексикой, некоторым количеством австронезийской (в основном не базовой) лексики и австронезийской в основном фонетикой. Выдающийся ученый С.А. Старостин доказал алтайское происхождение большинства японской базовой лексики, а именно она определяет принадлежность к семье языков, поэтому японский язык – алтайский.

В современном мире чаще, чем завоевания, происходят изменения границ, что может приводить к превращению языков меньшинств в господствующие и наоборот. В зависимости от ситуации они могут оказывать разные воздействия на языковые сдвиги.

И все большее значение приобретает такой фактор, как освоение той или иной территории. Примером может служить языковая ситуация в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах России. Они были образованы в 1930 г., когда здесь основное население составляли ханты, манси и ненцы, сохранявшие традиционный, прежде всего оленеводческий, уклад. При сохранении административного деления здесь с начала 1960-х годов активно развернулась добыча нефти и газа, и теперь это важные индустриальные территории России. Однако вся индустрия ведется силами приезжего населения, говорящего на русском языке.

Ханты, манси и ненцы не играют заметной роли в нефтяной и газовой промышленности и в основном сохраняют традиционный уклад, который, однако, теперь имеет в регионе второстепенное значение. Это не способствует сохранению коренных языков, и трудно что-либо этому противопоставить (хотя ни один из выше-названных языков пока не вымер). И это общий процесс, наблюдаемый не только в России.

Наконец, жесткая языковая политика может ускорить языковой сдвиг. Языковая политика ведется везде, стихийно и / или сознательно. Она может идти через прямое вмешательство государства, систему образования, бизнес, средства массовой информации, человеческие контакты и т.д.; основным органом, ее осуществляющим, является государство, у которого имеется некоторая идеологическая основа (не всегда прямо формулируемая). Однако языковая политика ведется не только государством, но и (чаще бессознательно) коллективами людей и отдельными людьми. Переезд по собственному желанию русских газодовиков и нефтяников на территории, раньше занимавшиеся ханты или ненцами, – это тоже языковая политика. А при господстве рыночной экономики «потребности экономического оборота сами собой *определяют* тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений» [Ленин, 1965, т. 23, с. 424].

В большинстве случаев языковая политика бывает направлена на массовое удовлетворение необходимой в едином государстве потребности взаимопонимания, но ситуация очень часто осложняется дополнительными обстоятельствами вроде языкового шовинизма носителей господствующего языка, в том числе представителей власти, их пренебрежительного отношения к меньшинствам и их языкам. Это могло происходить вместе с демократическими мерами в других отношениях: во Франции жесткая языковая политика, направленная на распространение стандартного (литературного) французского языка и вытеснение всех других языков и французских диалектов, сложилась со времен Великой французской революции. В XIX в. эталоном демократии считалась Великобритания, но там в это время школьников били за речь на ирландском, уэльском или гэльском языке даже на переменках.

А в России наиболее жесткая языковая политика, получившая название обрусения, сложилась при Александре II, т.е. в эпоху, которую сейчас иногда считают чуть ли не самой прогрессивной в русской истории. Она сохранялась в полной мере до 1905 г. Правда, она имела разную степень жесткости: активно обрусение

шло в Польше или на Украине, но не у горцев Кавказа или жителей Средней Азии: считалось, что «инородцы» еще «не доросли» до массового использования русского языка.

А в США место принудительных мер занимала, по сути, не менее жесткая идеология «плавильного котла». Государственная политика здесь всегда была направлена на культурную, в том числе языковую ассимиляцию. Считалось, что американцем может стать любой, но при условии забвения прежних привычек и перехода на единую культуру и английский язык, желательно вместе с отказом от других языков. Двуязычие (и тем более одноязычие на другом языке) традиционно связывается с бедностью и неспособностью преуспеть в американском обществе. При постоянном в последние десятилетия в этой стране стремлении к защите прав меньшинств и речи не идет о защите такого меньшинства, как люди, не владеющие английским языком.

Такая политика может приводить к полному или частичному вытеснению более слабого языка. Ирландский язык не только не вымер, но в XX в. после провозглашения независимости Ирландии стал одним из государственных. Однако он играет роль национального символа и отчасти занял место латыни в католическом богослужении (английский язык ассоциируется с протестантством), но английский язык сохраняет преобладание в общении. Вернуть позиции, имевшиеся у ирландского языка до английского завоевания, нереально.

Но язык может быть вытеснен полностью, как это случилось с единственным языком исконного меньшинства в Японии – айнским. До второй половины XIX в. у него почти не было контактов с другими языками, язык был устойчив. Большая часть острова Хоккайдо заселилась японцами лишь во второй половине XIX в., и у айнского языка начались активные контакты с японским. А политика японской власти до середины XX в. была очень жесткой: айны считались неполноправными гражданами, и их заставляли учить японский язык, в результате айнский язык начал вымирать. В середине XX в. во время американской оккупации айнов уравнивали в правах, политика вытеснения их языка прекратилась. Тем не менее уже после этого язык вымер. Этот пример показывает, что языковая и национальная политика не всегда все определяет: получив равноправие, японские айны сами предпочли вписаться в японское общество, что требовало полной ассимиляции.

Еще один вопрос, связанный с языковым сдвигом, уже затрагивавшийся при анализе примера с японским языком: насколько полно при этом происходит сдвиг. Это, прежде всего, зависит от того, является ли переход стихийным или сознательным. При стихийном процессе система осваиваемого языка закрепляется в мозгу не полностью, и элементы прежнего языка (именуемые в лингвистике субстратными) сохраняются. В Японии в итоге получился новый язык. Во многом подобным образом рассматривал развитие русского литературного языка после революции Е.Д. Поливанов. В 1931 г. он предсказывал: «Через два-три поколения мы будем иметь значительно преобразенный (в фонетическом, морфологическом и прочих отношениях) общерусский язык, который отразит те сдвиги, которые обуславливаются переливанием человеческого моря – носителей общерусского языка в революционную эпоху» [Поливанов, 1931, с. 77]. Однако «через два-три поколения» можно было констатировать: «Язык русской культуры, литературный русский язык отстоял себя и в новых социальных условиях» [Панов, 1990, с. 15].

С чем связан ошибочный прогноз крупного ученого? Он исходил из преобладавшей в прошлом стихийности процесса. Однако русский язык в СССР усваивался не только через бытовое общение, при котором сдвиг сохраняет какие-то черты первоначального языка или диалекта, но еще в большей степени через школу и СМИ. Плюс к этому сознательное стремление многих говорить по-русски правильно, иногда доходившее до полного отказа от прежнего языка, как часто было в 1920–1930-е годы с носителями идиша. А советская государственная политика в области русского языка, несколько менее активная в 1920-е годы, в эпоху ломки традиций, с 1930-х годов была направлена на распространение единых строгих литературных норм. Их осваивали и носители других языков, и люди, первоначально знавшие лишь русские диалекты или просторечие. «Переливание человеческого моря» не победило. В результате русский литературный язык мало изменился по сравнению с XIX в.

Это не значит, что языки сейчас стихийно не меняются под влиянием контактов. За пределами литературной нормы мы имеем «суржики» и «трасянки», а в русской разговорной речи что-то может также появляться. Вот фраза, сказанная русской женщиной из Астрахани: *Поедем на такси-макси*. Так вряд ли скажут в Москве, но в Астрахани живет много татар, в языке которых окка-

зиональная редупликация с начальным носовым во второй части распространена много чаще, чем в русском.

Однако существуют и факторы, противостоящие языковому сдвигу. Их неучет также может привести к ошибочным прогнозам, которые и здесь могут давать и крупнейшие ученые. Ф. Энгельс в 1851 г. писал про чехов, хорват (далматинцев) и словенцев (каринтийцев), что «неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями», в том числе и в языке, поскольку у них «почти с незапамятных времен для всех надобностей цивилизации нет иного языка, кроме немецкого» [Маркс, Энгельс, 1957, т. 8, с. 84].

Такой прогноз, который давал не только Энгельс, основывался опять-таки на экстраполяции в будущее реального процесса в прошлом. Например, Чехия в 1620–1918 гг. находилась под властью Австрии, и чешский язык активно вытеснялся немецким. Прекратилась литература, язык был исключен из официальной жизни, в городах чехи стали говорить по-немецки. Говорили по-чешски лишь в деревне, и казалось, что скоро перейдут на немецкий язык и там. Однако к середине XIX в. началось культурное возрождение. Деятели чешской культуры создали новые нормы литературного языка и нашли возможность использовать его «для всех надобностей цивилизации», развилась литература. Затем было выдвинуто требование «культурно-национальной автономии» в составе Австрии (с 1867 г. Австро-Венгрии), в которую должно было входить и расширение прав языков меньшинств. Затем с 1918 г. независимость. Аналогичные процессы происходили у словаков, словенцев, хорват. Вопреки Энгельсу и многим другим наблюдателям пошло обратное движение. Сыграли роль два фактора: сначала подъем национального самосознания, а затем изменение границ.

Наряду с факторами, способствующими языковому сдвигу, имеются и факторы, ему противостоящие. Это:

- 1) изменение границ;
- 2) национальное самосознание;
- 3) «эффект бабушки»;
- 4) языковая политика.

Изменение границ и языковая политика могут в зависимости от ситуации и способствовать, и противостоять языковому сдвигу. Национальное самосознание, как показывает пример чехов и других восточноевропейских народов, значит очень много. И наоборот,

его отсутствие у айнов способствовало вытеснению языка. Ситуацию, обратную освоению территории, в современном мире представить трудно. Даже в России трех последних десятилетий, где происходит деиндустриализация, она редко доходила до того, чтобы с территории полностью ушло русскоязычное население.

Остановлюсь на «эффекте бабушки», о котором писал известный исследователь языков российского Севера Н.Б. Вахтин [Вахтин, 2001, с. 284]. Оказывается, что одна и та же женщина, знающая малочисленный язык, ведет себя по-разному в качестве матери и бабушки. Как мать она, прежде всего, заботится об успехах своих детей и следит за тем, чтобы они осваивали господствующий язык. Однако, став бабушкой, она же начинает думать о том, чтобы ее язык не пропал, и старается в какой-то степени передать его внукам.

«Эффект бабушки» – одна из причин того, что часто очень трудно установить точную дату «смерти языка». Айнский язык «хоронили» несколько раз начиная с 1950-х годов, но и много позже обнаруживали людей, которые его помнили. Язык орочей на Дальнем Востоке уже считался мертвым, но несколько лет назад экспедиция МГУ и РГГУ нашла целую группу его носителей.

Наконец, языковая политика может если не остановить, то хотя бы замедлить сдвиг. Здесь, прежде всего, надо вспомнить языковое строительство в СССР в 1920–1930 гг. Тогда впервые в противовес принципам царского времени была предпринята попытка положить в основу языковой политики потребность идентичности.

Народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин в 1918 г. говорил: «Никакого обязательного “государственного” языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях» [Сталин, 1947, т. 4, с. 70]. «Школа, суд, администрация, необходимые политические мероприятия, формы и способы проведения общих декретов применительно к национально-бытовым условиям, – все это на родном, доступном для населения языке» [Сталин, 1947, т. 4, с. 89].

Такая политика способствовала сохранению языков меньшинств, но в ее программе было немало утопического. Недостаточно учитывалась объективная необходимость взаимопонимания между людьми различных национальностей СССР, а общим языком

в рамках всей страны мог быть только русский. Со второй половины 1930-х годов под руководством того же И.В. Сталина политика была изменена в сторону большего распространения русского языка. Это была необходимая мера, но все это делалось за счет других языков страны. Однако прежние лозунги сохранялись, и полного возврата к политике обрусения все-таки не было. За советский период достоверно можно говорить о полной утрате одного языка – камасинского. Правда, при не всегда определенной границе между языком и диалектом возможны и некоторые добавления, но, во всяком случае, за эти годы в СССР исчезло намного меньше языков, чем в США, где в то время господствовала идеология «плавильного котла». Сейчас, после краткого всплеска в конце 1980-х – начале 1990-х годов борьбы за права малых языков, вымирание этих языков ускорилось: «потребности экономического оборота», действующие в сторону русского языка, часто ничем не корректируются. Поддержка малых языков – принципиально нерыночная мера; недаром ей много занимались в СССР, а за рубежом больше всего – при социал-демократических правительствах.

Особо надо рассмотреть языковую политику в Швейцарии. Это государство исторически сложилось не «сверху», а «снизу», через объединение административных единиц – кантонов, где говорили на разных языках: существуют немецкие, французские и один итальянский кантоны. Языковая политика, основанная на официальном многоязычии, за последние столетия остается неизменной. Там каждый государственный чиновник по закону обязан отвечать по-немецки, по-французски или по-итальянски в зависимости от того, на каком языке к нему обращаются. Швейцарский опыт, безусловно, повлиял на разработку языковой политики в Советской России и затем в СССР, хотя языковая ситуация там была существенно другой. Официальное двуязычие стало соблюдаться в последние полвека и в Бельгии в результате длительной борьбы фламандцев за свои права. Во фламандской части государства сейчас нельзя увидеть вывески на французском языке и не так часто можно услышать французскую речь. Сходна ситуация в Канаде с английским и французским языками.

В последнее время в европейских странах языковая политика все чаще основывается на принципах мультикультурализма, предпринимаются меры по защите малых языков. Такие меры в самое последнее время начинают вводиться даже в США, особенно на Аляске, хотя и сейчас очень многие нормой жизни считают

одноязычие, естественно, на английском языке. Международная роль этого языка только усиливает такое представление.

Но, разумеется, никакие меры не могут заставить говорить на малом языке за пределами собственного этнического круга; эти языки во многом играют символическую роль, хотя для малововлеченных в общественную жизнь граждан, особенно для женщин, язык меньшинства может быть и наиболее употребительным. Языковой сдвиг можно замедлить, в определенных условиях он может быть повернут вспять, как это случилось с языками Восточной Европы, но прекратить его нельзя.

И встает вопрос: нужно ли во что бы то ни стало сохранять вымирающие языки? Существует так называемая лингвистическая экология, считающая эту задачу приоритетной. В то же время уже упоминавшийся Дж. Эдвардс указывает на «тяжелую дилемму»: что лучше – жить отсталой сельской жизнью или терять язык [Edwards, 1994, p. 107]. Эта проблема актуальна для многих.

И учитывать надо и другую сторону проблемы, о которой говорят сами носители малых языков. Норвежская саамка: «Я хорошо говорю по-норвежски, но плакать я могу только по-саамски, и во время депрессии только саамский язык мне помогает» [Skutnabb-Kangas, 1983, p. 48–54]. Жительница Мартиники, где до недавнего времени господствовал креольский язык, сейчас вытесняемый стандартным французским языком: «Я использую креольский язык, когда я раздражена, поскольку чувствую себя комфортнее в выражении своих эмоций» [Невежина, 2019, с. 77]. Иногда говорят о сентиментальной функции языка в отличие от инструментальной, язык меньшинства часто сохраняется в сентиментальной функции дольше, чем в инструментальной.

Если нельзя спасти язык, то можно хотя бы успеть его описать, как это удалось сделать с айнским языком в 1950–1960-е годы. Руководивший масштабным исследованием айнских диалектов академик С. Хаттори говорил об этом: «Мы успели на последний автобус». А теперь есть люди (и среди айнов, и среди японцев и даже американцев), которые учат язык по этим публикациям.

Конфликты между контактирующими языками, к сожалению, неизбежны. Их нельзя избежать, но можно хотя бы минимизировать.

Список литературы

- Алпатов В.М.* 150 языков и политика: (1917–2000). – М.: КРАФТ+ИВРАН, 2000. – 223 с.
- Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. – СПб.: Европейский ун-т, 2001. – 337 с.
- Ленин В.И.* Сочинения. – Изд. 5-е. – М., 1965. – Т. 23. – XXIV, 594 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. – Изд. 2-е. – М., 1957. – Т. 8. – 705 с.
- Михальченко В.Ю.* Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994. – С. 221–236.
- Невежина Е.А.* Метод анкетирования в изучении этнолингвистического дискурса: (На материале французского языка) // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: Проблемы метода: Сб. науч. ст. по материалам 3-ей Междунар. науч.-практич. конференции. – Пенза, 2019. – С. 75–78.
- Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1990. – 456 с.
- Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – 182 с.
- Сталин И.В.* Сочинения. – М., 1947. – Т. 4. – 461 с.
- Edwards J.* Multilingualism. – L.; N.Y.: Routledge, 1994. – 237 p.
- Knowles F.* Language planning in the Soviet Baltic republics: An analysis of demographic a. sociolinguist trends // Language planning in the Soviet Union. – L., 1989. – P. 10–20.
- Loveday L.J.* Language contact in Japan: A socio-ling. history. – Oxford: Oxford univ. press, 1996. – XII, 238 p.
- Skutnabb-Kangas T.* Bilingualism or not: The education of minorities. – Clevedon: Multilingual matters, 1983. – 404 p.

В.М. Костева

**ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ
В ТОТАЛИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВАХ**

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, vmkosteva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена языковым конфликтам в тоталитарных государствах XX в. Причина их возникновения исследуется с точки зрения «тоталитарной» лингвистики, в которой выделяются дискурсивные практики, присущие языковой политике тоталитарных Италии, Испании, Германии, Албании, Румынии, Китая и СССР периода правления И.В. Сталина. В работе приводится ряд конкретных примеров реализации этих дискурсивных практик, определяются тип и основные характеристики языковых конфликтов, анализируются способы их урегулирования.

В современной социолингвистике под языковым конфликтом понимается «столкновение между языковыми сообществами (общностями) людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 276]. Тема языковых конфликтов не теряет актуальности на протяжении многих лет и нашла свое отражение в специальном разделе социолингвистики – лингвистической конфликтологии.

Собранный в рамках нашего исследования лингвистики тоталитаризма материал представляет возможность выявить роль и характер языковых конфликтов в тоталитарных государствах XX в., определить их особенности с точки зрения так называемой «тоталитарной» лингвистики, под которой мы понимаем особую лингвистику, зарождающуюся и развивающуюся в тоталитарном государстве, независимо от его временных рамок, и отличающуюся

от лингвистики других периодов [Костева, 2012, с. 59–67]. В общем и целом под «тоталитарной» лингвистикой понимается:

а) совокупность дискурсивных практик (в трактовке М. Фуко), характерных для лингвистики тоталитарных обществ, оказывающих влияние на формирование тематики, направления и методы теоретической и прикладной лингвистики;

б) совокупность лингвистических концепций тоталитарного общества, воплощающих господствующую идеологию;

в) система доминант языковой политики и лингвистики тоталитарного государства.

В фокусе нашего исследования находится лингвистика следующих тоталитарных государств XX в.: фашистская Италия, национал-социалистическая Германия, Советский Союз во время правления И.В. Сталина, Испания при режиме генерала Ф. Франко, Китай периода правления Мао Цзэдуна, Албания времен Э. Ходжи, Румыния при Г. Георгиу-Деже и Н. Чаушеску.

Рассматривая языковую политику тоталитарных государств, отметим преимущественно полиэтнический состав их населения. Так, по результатам Всероссийской переписи населения 1926 г., в СССР насчитывалось более 177 национальностей [Всесоюзная перепись населения, 1926, электрон. ресурс].

В Китае на период правления Мао Цзэдуна таковых было более 70 [Москалев, 1981]. В Испании в переписях населения фигурировали такие народы и народности, как баски, кастильцы, андалузцы, арагонцы, галисийцы, каталонцы, цыгане, евреи и т.д. В соответствии с бытующей в научной литературе традицией каталонцы, галисийцы и баски представляют собой национальные меньшинства, а остальные народы-этноты Испании являются испанцами [Кожановский, 2003].

В Германии национальные меньшинства были представлены лужицкими сербами, проживающими в районе города Бауцена, а также, в соответствии с данными переписи населения от 1933 г., поляками, чехами, датчанами, евреями и другими национальностями [Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1919–1941/42, электрон. ресурс].

В Италии помимо коренного населения проживали немцы, албанцы, словенцы, ретороманцы, французы и др.

В Румынии наиболее крупными представителями национальных меньшинств были венгры (7% от общего числа проживающих) и немцы (2,2%). Помимо этого, в стране проживали турки, евреи,

болгары, украинцы, сербы, чехи, армяне и другие народности [Eberhardt, 2015, p. 316].

Наиболее однородно было население Албании – 95,8% составляли этнические албанцы, но, помимо них, на территории страны к моменту образования Народной Социалистической Республики Албания проживали греки (2,4%), македонцы, сербы, черногорцы (1,2%), цыгане и др. народности (0,6%) [Stoppel, 2003, S. 19].

Нации и народности тоталитарных государств использовали как общегосударственный язык, при наличии такового, так и свои определенные национальные языки и / или диалекты, а также национальные языки в форме совокупных диалектов, находящихся на период становления тоталитарного государства на различных ступенях развития.

Основной целью тоталитарного государства является полный (тотальный) контроль «над всеми сферами жизни общества» [Тоталитарное государство, 1977, с. 124]. К одному из признаков, позволяющих соотнести то или иное государство с тоталитарным типом, относится монополия одной официальной идеологии, которая «существует, прежде всего, в языке и посредством него внедряется в сознание и функционирует в обществе» [Купина, 1995, с. 7]. Официальная идеология воздействует на общество через языковую политику, под которой понимается «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, в государстве» [Дешериев, 2002, с. 616]. Продолжая свою мысль, автор подчеркивает, что «идеология связана с сознательным воздействием на язык, его функционирование и развитие» [там же].

Исследователи лингвистики тоталитарного общества [Brumme, 1993; Klein, 1986] полагают, что языковая политика в таких странах весьма специфична и охватывает лишь такие области, как отношение государства к диалектам и языкам национальных меньшинств, пуризм и языковая экспансия. Но, на наш взгляд, список этот далеко не полон. Кроме вышеуказанных параметров можно отметить и другие общие характеристики, например, подготовку и реализацию орфографических реформ тоталитарных обществ, решение вопросов языкового образования в школе, лексикографическую практику и др.

Сопоставительный анализ языковой политики вышеуказанных государств позволил нам сделать вывод о том, что в ней прослеживаются два четких, совершенно отличных друг от друга этапа, касающихся отношения к национальным языкам и диа-

лектам, а также к языкам национальных меньшинств, идущих параллельно с изменениями в политической сфере и национальной политике [Костева, 2010, с. 121].

На первом этапе, который соответствует периоду становления тоталитарного государства, как правило, проводится политика поддержки и развития национальных языков и диалектов, а также языков национальных меньшинств, что минимизирует возможность возникновения языковых конфликтов, ограничивая их сферу действия в основном бытовым дискурсом.

Наиболее яркие примеры языковых конфликтов мы можем наблюдать на втором этапе реализации языковой политики, определяемом сменой национальной политики и новыми приоритетами государства, что проявляется, прежде всего, в языковой унификации. Основными дискурсивными практиками данного этапа являются:

- 1) запрещение специальными указами использования языков национальных меньшинств в той или иной сфере, в том числе в области культуры. Крайней формой проявления можно считать запрет на использование родного языка в бытовой сфере, например, запрет на собственные личные имена на национальном языке;
- 2) отмена обучения на родном языке, строгий контроль над использованием общегосударственного языка;
- 3) введение системы наказаний вплоть до тюремного заключения и штрафов за «языковое неповиновение»;
- 4) использование авторитета церкви и СМИ;
- 5) снижение статуса национальных языков до уровня диалектов и создание условий и преимуществ для использования общенационального языка;
- 6) крайняя форма борьбы с диалектами – диалектофобия.

Использование этих дискурсивных практик мы можем проследить в каждом исследуемом нами тоталитарном государстве, но их интенсивность зависит напрямую от условий реализации, в том числе в большей степени от отношения правящих кругов к той или иной национальности, проживающей на территории тоталитарного государства.

Полагаем, что все из перечисленных выше дискурсивных практик прямо или косвенно являются источником возникновения языковых конфликтов. Главной их особенностью является целенаправленное создание конфликтных ситуаций и жесткие, порой карательные меры для достижения цели. Таким образом, в тоталитарных государствах мы имеем дело с лингвопрагматическими

языковыми конфликтами, которые возникают «как результат целенаправленных действий политиков, представляющих, как правило, интересы либо наиболее многочисленной в данном административно-территориальном образовании этнической группы, либо группы, занимающей по тем или иным причинам главенствующее положение (обычно это бывает титульный этнос) в сфере политики или экономики, и создающих для этой группы наиболее благоприятные социальные и политические условия [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 105]. В нашем случае целенаправленные действия осуществляются руководителями тоталитарного государства, использующими язык в качестве инструмента для осуществления государственных геополитических и экономических планов, направленных на установление и далее на поддержание тоталитаризма. Применяемые ими дискурсивные практики тоталитаризма напрямую зависят от направленности национальной, социальной политики, а часто и от личных предпочтений. Уместно привести здесь высказывание современного философа К.М. Мамардашвили, который отмечал, что «тоталитаризм есть, прежде всего, лингвистическое подавление» [Мамардашвили, 1992, с. 72].

В зависимости от преследуемых целей правящих кругов язык предстает либо как карающее орудие, направленное против определенной нации / народности / народа, либо как орудие, поддерживающее развитие той или иной нации / народности / народа.

Следовательно, особенностью данного типа конфликта в тоталитарном государстве является его системность и интеграция в языковую политику.

Конфликтные ситуации в тоталитарных государствах связаны с несколькими аспектами языковой политики, среди них: введение на законодательном уровне государственного языка, выбор которого определяется в основном правящими кругами. Так, в Албании в ситуации, когда ни один из существующих диалектов объективно не мог претендовать на роль литературного стандарта [Standard Albanien, 1982, p. 8], окончательная унификация албанского литературного языка была осуществлена на базе южного наречия тосков с некоторыми элементами гегского диалекта. Такой выбор объяснялся не объективными историческими, политическими или экономическими предпосылками, а южным происхождением большинства коммунистических лидеров [Nehring, 2002], которые писали практически все политические заявления и прокламации на тоскском диалекте. Специальным указом тоскский

диалект был объявлен официальным государственным языком с использованием его во всех сферах общественной жизни, включая школьное обучение. Принятие этого закона вызвало сопротивление населения, особенно в областях с гегским языком, что потребовало от правительственных кругов поиска дополнительной аргументации и обеспечения поддержки предложений со стороны профессионального сообщества.

В наибольшей степени языковые конфликты связаны с политикой ассимиляции населения, которая вошла в лингвистико-графию под названиями италянизация, германизация, испанизация или русификация населения.

Во франкистской Испании после отмены автономного режима Каталонии декретом от 5 апреля 1938 г. началось массовое наступление на каталонский национализм и соответственно на каталанский язык. В 1938–1939 гг. вышел ряд постановлений и распоряжений, запрещавших использовать языки, «которые не являются кастильским», в официальной жизни и любого рода документах.

Отметим также распоряжение франкистского министра юстиции от 18 мая 1938 г. о запрещении гражданам Испании записывать свои имена на каком-либо ином языке, кроме испанского. Все прочие записи, сделанные ранее на других бытующих в Испании языках, этим распоряжением аннулировались [Кожановский, 2003, с. 22]. В соответствии с этим повсеместно ликвидировались каталанские вывески, объявления, плакаты. Рядом декретов правительство Испании запретило использование каталанского языка в фильмах, в международном телеграфном сообщении [Gergen, 2008, S. 160]. Каталонский язык был изгнан из школьного образования и государственной службы. Ослушавшиеся учителя немедленно изгонялись из школ; чиновники, использовавшие каталанский язык на службе, даже в устной коммуникации, также подлежали увольнению [Кожановский, 2003, с. 22].

Языковую политику Франко активно поддерживала церковь. По утверждению российского этнолога А.Н. Кожановского: «Церковные иерархи воздействовали своим авторитетом на приходских священников, добиваясь монополии испанского языка в храмах» [Кожановский, 2003].

В Румынии после венгерского восстания (1956) отношения венгерского населения в Венгерской автономной республике с правительством обострились. В 1959 г. университет Боляй (Bolyai) в главном городе автономии Клюже был объединен с румынским университетом Бебис (Babeş). Языком, на котором велась адми-

нистративная работа и большая часть преподаваемых предметов, стал румынский. Венгерский язык допускался при изучении таких предметов, как венгерский язык и венгерская литература. Это слияние повлекло за собой снижение численности профессорско-преподавательского состава из числа венгерского населения, их уход в отставку (исследователи отмечают и случаи самоубийства некоторых профессоров), а также студентов, говорящих на венгерском языке. После ликвидации территориального образования и последующего заселения данной территории румынами было затруднено получение школьного образования на венгерском языке, несмотря на формальное разрешение властей обучаться на родном языке. Надписи на уличных вывесках и указателях на венгерском языке были также заменены на румынские [Balas, 2008, p. 366–367].

История тоталитарных государств предоставляет нам сведения о многочисленных конфликтах, связанных с ограничением сферы использования диалектов в общественной жизни страны.

В Италии в 1931 г. вступил в силу запрет на использование в печатной продукции диалектов и любых «диалектных» продуктов (*produzionedialette*) [Klein, 1986, p. 52]. Так, было запрещено публиковать отзывы и рецензии на сборники диалектальной поэзии, прозы, спектакли диалектного театра. С наибольшей силой «диалектофобия» [Golino, 2010, p. 59] итальянского фашизма проявила себя в школьном обучении, когда в рамках фашизации школы диалект был исключен из школьной программы, методических и дидактических пособий. Устранение диалектов, по мнению идеологов, должно было автоматически способствовать итальянизации населения (*italianizzare automaticamente*) [Foresti, 2003, p. 21].

Пример снижения статуса диалектов и их превращения в иностранные языки наглядно демонстрирует история языка идиш в национал-социалистической Германии, рассматривавшегося в обиходе как своего рода диалект немецкого языка. Этот статус он сохранил до 1935 г., т.е. до принятия в сентябре 1935 г. «арийских» параграфов Нюрнбергских законов. После этого он стал иностранным языком, а евреи – иностранцами со всеми вытекающими для них последствиями.

В Китае во времена «культурной революции» малочисленные языки были подвергнуты дискриминации. Владение родным языком было соотнесено с некой «дурной привычкой» [Москалев, 1981, с. 131], от которой следовало избавиться путем уничтожения языков неханьских народностей.

Интересным представляется, на наш взгляд, конструирование языковых конфликтов при проведении политики пуризма, когда борьба против политических противников увязывается с языковой тематикой. В оппозиции «свой / чужой» к «чужим» относятся, например, ученые, использующие иностранные термины; представители буржуазии, речь которых также содержит иноязычные слова (Италия), евреи, элементы языка которых ищут в немецких словах (Германия). В тоталитарных государствах, где речь идет о становлении нации, основанной на общности судьбы (Италия, Испания), осуществляется борьба с внешним «заклятым» врагом (Франция, Англия) [Brumme, 1993, S. 399] и соответственно против заимствований именно из этих языков.

К крайней форме проявления языкового конфликта в тоталитарном государстве мы относим языковой империализм – подавление родного языка народного меньшинства государственными способами, установление идеологических барьеров внутри одного языкового сообщества [Радченко, 2004, с. 156]. В качестве примера приведем политику, проводимую правительством А. Гитлера в Эльзасе начиная с 1940 г., которая вошла в лингвистикографию под именем *Entwelschungs-Kampagne* («Кампания по искоренению всего романского»). Использование немецкого языка распространилось на все области общественной и частной жизни. Онемечиванию подвергались французские имена, названия улиц, вывески магазинов, а также надписи на памятниках истории и культуры и надгробных камнях, формы приветствия и прощания.

Возникновение языковых конфликтов мы можем проследить в отдельных случаях реализации языковой политики, в частности, в орфографических проектах и реформах. Как пример приведем реформу орфографии румынского языка. В основе румынской графики лежал этимологический принцип, которым руководствовались вплоть до 1953 г., когда вновь созданная Румынская Академия начала работу по созданию новых орфографических правил. Орфографическая реформа 1953–1954 гг. ввела фонетический принцип в качестве основного. Решением Совета министров новая орфографическая система стала законом и была внедрена во все сферы общественной жизни. Реформа преподносилась ее инициаторами и приверженцами как победа нового над старым [Muntenau, 2006, S. 1441]. В действительности же режим правящей коммунистической партии преследовал несколько иную цель, в частности, была реализована установка на всяческое подчеркивание исторической связи с СССР, в том числе и через на-

личие общих славянских корней и параллелей в языке. В среде интеллигенции эта реформа воспринималась как попытка славянизации или русификации румынской графики. Очевидно, под влиянием реформы русского языка в румынском правописании была проведена рокировка букв румынского алфавита *Â* и *Î*, фонетически и функционально идентичных. Их основное отличие заключается в том, что наличие в слове графемы *Â* в большинстве случаев указывает на латинское происхождение слова. Согласно новым правилам буква *Â* была практически выведена из обихода и исключена даже в названии самой страны. Отныне она писалась *Romîna* [Frucht, 2005, p. 726].

К языковому конфликту мы можем причислить переход народов Средней Азии с арабской письменности на латиницу в период языкового строительства и далее на русскую графику.

Отметим еще одну особенность языковых конфликтов в тоталитарных государствах, а именно обязательное участие и поощрение инструмента реализации языковых предписаний, в качестве которого использовалась та часть населения, язык которой не подвергался гонениям и иным видам преследования. Так, в Испании при обнаружении использования каталанского языка доносчику полагалась сумма, равная $\frac{1}{4}$ налагаемого штрафа.

Важную роль в разрешении языковых конфликтов в пользу государственного курса играли и так называемые «письма читателей», выступающих, например, в Албании за запрет региональных театров, в репертуаре которых были пьесы с диалогами на диалектах [Fiedler, 2006, S. 129].

Для урегулирования конфликта правящие круги прибегали к использованию авторитета ведущих лингвистов, выступлениям самих лидеров тоталитарных государств по языковым вопросам. Например, в качестве апологета тоскского диалекта был избран писатель и литературовед Д. Шутерики (D. Shuteriqi), пишущий на южногегском диалекте, который для обоснования правильности решения правящих кругов выдвинул несколько причин, важных, с его точки зрения, для придания тоскскому диалекту статуса литературного языка. Среди них, например, были следующие: тоскский диалект понятен всем, говорящие на гегском диалекте легко его перенимают; тоскский диалект един сам по себе [Fiedler, 2006, S. 123].

В Италии Б. Муссолини активно поддержал предложение писателя и журналиста Б. Чиконьяни (B. Cicognani), чье творчество принадлежало к официальной фашистской литературе, вы-

ступившего за отмену использования местоимения «*Вы*» (*lei*) по причине его несоответствия образцам классической итальянской литературы и причислившего его к остаткам «итальянского подбострастия к иностранным захватчикам и выражением буржуазного снобизма» («*residuo del servilismo italiano verso gli invasori stranieri ed espressione di snobismo Borghese*») [цит. по: Krefeld, 1988, S. 318]. Личное местоимение «*ты*» (*tu*) было представлено как универсальное христианское и романское обращение, а использование местоимения «*вы*» (*voi*) рассматривалось как знак уважения и иерархии [там же]. Эта мысль была поддержана Б. Муссолини, что впоследствии (1939–1940) привело к запрещению использования местоимения *lei* в текстах.

Отметим также попытки умерить реализацию дискурсивных практик, проявляющихся в ряде послаблений, на которые были вынуждены пойти правительственные круги. Так, например, после дискуссии о литературном языке в Албании гегскому варианту были сделаны определенные уступки, его преподавание было временно разрешено в начальных школах гегской диалектальной области.

В Германии в период накануне и во время Олимпийских игр 1936 г. прослеживается временное ослабление борьбы с диалектами, что носило конъюнктурный характер.

В нашей концепции «тоталитарная» лингвистика представляет собой объект нескольких дискурсов, в том числе и агрессивного. При этом речь идет об инструментальной агрессии, т.е. хорошо продуманной, регулируемой определенными нормами и осуществляемой в определенных рамках [Rule, 1974]. Ее нормы возникают постепенно и связаны как с идейно-политической, так и экономической жизнью государства.

О жестокости предпринимаемых мер свидетельствуют, например, и такие факты, как использование в борьбе с негосударственными языками в Каталонии практически средневековых методов – публичное сожжение книг на каталанском языке или их изъятие из библиотек. Издательства были вынуждены сократить или вообще прекратить выпуск книг на каталанском языке. Если в 1936 г. число отпечатанных книг на каталанском языке составило 865 экземпляров, то уже в 1940 г. их было 20, причем девять из них вышли за пределами Испании [Gergen, 2008, S. 160]. В качестве одного из методов борьбы с диалектами правящий режим использовал переименование улиц и площадей. Например, в Ката-

лонии Plaza de Cataluña (Площадь Каталонии) превратилась в Plaza del Ejército Español (Площадь испанской армии).

Многие пожилые испанцы вспоминают, что во время диктатуры Франко в Барселоне, например, человека могли забрать в полицию только за то, что он на улице говорил на каталанском, а не на кастильском (испанском) языке. Жесткой дискриминации были подвергнуты языки басков и галисийцев [Аршба, 2001], несмотря на то что сам Ф. Франко был галисийцем.

В Эльзасе исполнение приказов по внедрению немецкого языка строго контролировалось соответствующими государственными структурами. За неповиновение можно было попасть в концентрационный лагерь или подвергнуться иным репрессиям.

Обобщая вышеизложенное, считаем, что языковые конфликты составляют неотъемлемую часть «тоталитарной» лингвистики и представляют собой разновидность лингвопрагматического типа конфликта, носящего как внутриэтнический, так межэтнический характер.

Список литературы

- Аршба О.И. Инструменталистские концепции этничности. [Электрон. ресурс] // Ломоносовские чтения МГУ. – 2001. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru> (дата обращения: 22.10.2010).
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. [Электрон. ресурс]. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 16.07.2010).
- Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энциклопедия, 2002. – С. 616.
- Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX в.: (Опыт автономизации и национального развития). [Электрон. ресурс]. – М.: РАН, 2003. – 187 с. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/2794668-pall.html> (дата обращения: 14.06.2016).
- Костева В.М. К вопросу о языковой политике тоталитарных государств // Вестн. ИГЛУ. Сер. Филология. – Иркутск, 2010. – № 1 (9). – С. 120–125.
- Костева В.М. О термине «тоталитарная» лингвистика // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – М., 2012. – № 1. – С. 59–67.
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: ЗУУНИ, 1995. – 144 с.

- Мамардашвили К.М.* Мысль под запретом // *Вопр. философии.* – М., 1992. – № 4. – С. 70–78.
- Москалев А.А.* Политика КНР в национально-языковом вопросе: (1949–1978). – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.-ры, 1981. – 211 с.
- Радченко О.А.* Комментарии // Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Радченко О.А. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 185–196. – (История лингвофилософской мысли.)
- Словарь социолингвистических терминов* / отв. ред. Михальченко В.Ю. – М.: Науч.-исслед. центр по нац.-яз. отношениям, 2006. – 312 с.
- Тоталитарное государство* // *Большая советская энциклопедия.* – М., 1977. – Т. 26. – С. 124.
- Balas E.* Will to Freedom: A perilous journey through fascism a. communism. – Syracuse: Syracuse Univ. press, 2008. – 469 p.
- Brumme J.* Die «Einheit Spaniens» und die «Einheit der Sprache» im Diskurs der Falange: (1936–1939) // *Bochmann K.* Sprachpolitik in der Romania: Zur Geschichte sprachpolitischen Denkens und Handelns von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. – B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 1993. – S. 382–407.
- Eberhardt P.E.* Ethnic groups and population changes in twentieth century Central-Eastern Europe. – L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 559 p.
- Fiedler W.* Einführung in die Albanologie. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.albanologie.uni-muenchen.de/downloads/einfuehrung> (дата обращения: 14.09.2014).
- Foresti F.* Le varietà linguistiche e il «Languageplanning» durante il fascismo: Un bilancio degli studi (1977–2001): Credere, obbedire, combattere: Il regime linguistico nel Ventennio. – Bologna: Pendragon, 2003. – 154 p.
- Frucht R.C.* Eastern Europe: An introduction to the people, lands, and culture. – Santa Barbara (Calif.): ABC-CLIO, 2005. – 928 p.
- Gergen Th.* Sprachgesetzgebung in Katalonien in Geschichte und jüngster Gegenwart // *Generalitat de Catalunya: Escolad'administració pública de Catalunya*, 2008. – Barcelona, 2008. – S. 143–178.
- Golino E.* Parola di duce. – Milano: RCS LibriS. p.A., 2010. – 207 p.
- Klein G.* La politica linguistica del fascismo. – Bologna: Ilmulino, 1986. – 234 p.
- Krefeld T.* Italienisch: Sprachbewertung // *Lexikon der romanistischen Linguistik.* – Tübingen: Niemeyer, 1988. – Bd 4. – S. 312–326.
- Muntenau E., Șuteu F.* Sprachplanung, Sprachlenkung und institutionalisierte Sprachpflege: Rumänisch // *Romanische Sprachgeschichte: Histoire linguistique de la Romania* / Ed. by Ernst G. et al. – B.; N.Y., 2006. – T. 2. – S. 1440–1445.
- Nehring G.-D.* Albanisch // *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens.* Wieser Enzyklopädie des Europäischen Ostens. – Klagenfurt: Wieser Verl., 2002. – Bd 10. – S. 47–65. – Mode of access: <https://eeo.aau.at/wwwg.uni-klu.ac.at/eeo/Albanisch.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

- Newmark L., Hubbard Ph., Prifti P.R.* Albanien: A referential Standards nice grammar for students. – Stanford (Calif.): Stanford Univ. press, 1982. – 347 p.
- Rule B.G.* The hostile and instrumental functions of human aggression // Determinants and origins of aggressive behavior / Ed. by Wit J., de, Hartup W. – P., 1974. – P. 125–145.
- Sprachpolitik in der Romania: Zur Geschichte sprachpolitischen Denkens und Handelns von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart* / Ed. by Bochmann K. – B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 1993. – 528 S.
- Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1919–1941/42.* [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.digizeitschriften.de/dms/toc> (дата обращения: 12.12.2016).
- Stoppel W.* Recht und Schutz der Minderheiten in Albanien: Eine zeitgeschichtlich-juristische Studie. – Tirana: K & B, 2003. – 95 S.

УДК: 81

Э.Б. Яковлева

**ИДЕИ ГЛОБАЛИЗМА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК LINGUA FRANCA
ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА**

*Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана, Институт научной информации
по общественным наукам РАН, Москва, Россия,
jakovlevaemma@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются идеи глобализма А. Македонского, его попытки объединения греческой и персидской культур, создав единую европейско-восточную империю. Раскрывается роль древнегреческого языка как lingua franca эпохи эллинизма.

Интеграция во всех сферах человеческой жизни присутствовала во все времена истории человечества. Обозначаемые в настоящее время термином «глобализация» процессы имели место и в глубокой древности. Великая греческая колонизация, идеи глобализма А. Македонского, Великое переселение народов, Крестовые походы, Великие географические открытия и др. – все эти события, так или иначе, способствовали масштабному расширению контактов на широких пространствах и открытости миру. Глобализация – это многогранный феномен, находящий отражение в разных аспектах жизнедеятельности человеческого коллектива, в том числе и языковой практике. Она предполагает перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и не мыслится вне языковых, коммуникативных рамок.

Характерной чертой истории многих культур Древнего мира, в частности истории Древней Греции, была глобальная политика колонизации новых земель, основание поселений на чужих территориях. Апогеем колонизационной деятельности греков является

эпоха Великой греческой колонизации в VIII–VI вв. до н.э. Глобалистские территориальные устремления Древней Греции охватывали три основных направления. Самыми значительными были два – северо-восточное и западное.

В северо-восточном направлении путь шел к Малой Азии, где у греков было самое большое количество колоний, особенно в западной части полуострова, т.е. на нынешнем западе Турции (Фокея, Милет, Эфес, Смирна и многие др.) и по берегам Черного моря (Пантикапей, Тиритака, Китей, Киммерик, Мирмекий, Феодосия и др.). На окраине Севастополя сейчас находятся развалины греческого города Херсонес.

Много колоний греки основали на северном побережье Черного моря. Самое мощное государство, которое здесь возникло около 480 года до н.э., – Боспорское царство (Боспор – античное рабовладельческое государство в Северном Причерноморье на Боспоре Киммерийском (Керченском проливе). Столица – Пантикапей. Образовалось в результате объединения греческих городов на Керченском и Таманском полуостровах. Позднее расширено вдоль восточного берега Меотиды (Меотидского болота, Меотидского озера, совр. Азовского моря) до устья Танаиса (Дона). С конца II в. до н.э. в составе Понтийского царства, затем вассал Рима. Уничтожено гуннами¹). Боспорское царство владело обширными плодородными землями и было богато хлебом.

Западное направление включало Сицилию, Южную Италию, Южную Галлию и Испанию (в основном ее восточную часть). Многие города в этих регионах Европы основаны греками (Неаполь, Тарент, Сибарис, Кротон, Посейдония, Массалия (Марсель), Эмпориони и др.).

На юге, в Африке, греки также основали несколько колоний, самыми важными были Кирена и Навкратис.

Великая греческая колонизация оказала глобальное влияние на дальнейшее развитие всего мира. Контакты греков с другими народами, создание новых греческих государств, развитие мореплавания, ремесел, торговли не могли не способствовать широкой экспансии древнегреческого языка в данной ойкумене еще задолго до А. Македонского и эпохи эллинизма. Континуитет этой экспансии будет наблюдаться еще много веков до нашей и нашей эры.

¹ Режим доступа: <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/bos-porskoe-tsarstvo.html>

Рис. Греческая колонизация и торговля, 800–500 гг. до н.э.

Восточный поход А. Македонского ознаменовал начало нового этапа в истории стран и народов Восточного Средиземноморья – эпохи эллинизма. Взойдя на македонский престол 20-летним юношей, Александр был полон юношеских амбиций. Сначала поход на Восток задумывался как месть греков персам за их многолетние нападения на Грецию и притеснения греков в Малой Азии как части территории империи Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.). Молодой Александр ощущал себя избранником богов, мстителем за Грецию и греков. Напомним, что многие области Греции в то время были подчинены Македонии (политика Филиппа II, отца Александра) [Беккер, 2012]. Александр, будучи прекрасно образованным по меркам того времени, считал Афины столицей цивилизации, влияние которой он хотел распространить на весь мир. Таким образом, постепенно пангреческое мировоззрение Александра, отражая его идейный настрой, способствовало формированию его глобалистских идей: уже после первых побед на Востоке он стал мечтать о мировом господстве. Ведь Дарий III не единожды посылал к нему послов с предложениями о мире, суля при этом взамен за отказ от его притязаний земли и деньги.

Однако всякий раз получал отказ. Это доказывает, что Александр вынашивал далеко идущие планы и свидетельствует о существенных изменениях в его менталитете. Теперь им двигала уже не месть, а идея создания всеэллинской единой державы. Последняя битва с Дарием при Гавгамелах открывала перед Александром широкое поле для реализации его честолюбивых замыслов, поскольку непобедимая персидская армия была уничтожена. Несмотря на юный возраст, Александр проявил себя как зрелый стратег и выдающийся полководец.

И вот Восток завоеван, Александр обосновался в Вавилоне. Перед ним стояла задача наладить управление огромными владениями. Имевший высокое представление о собственной власти, он намеревался объединить все завоеванные государства и племена в единую эллинистическую цивилизацию, в превосходстве которой он был убежден. Но как обустроить свою великую империю? Во время походов он основал множество новых городов, которые были названы в его честь Александриями. В них селились греки и македонцы. Это способствовало распространению греческой культуры и языка на огромных территориях.

Не все соратники и друзья Александра понимали его политику ассимиляции, смешанных браков и не все разделяли его представления о мире, установленном на всей земле, благодаря смешению этносов и языков, варваров и эллинов.

Для укрепления созданной империи Александр стремился примирить греков-македонцев и персов, особенно знать. По его приказу в один день пышно отпраздновали свадьбу 10 тыс. его воинов с местными девушками. Сам он также трижды был женат на восточных девушках (Роксана, Статира, Парисатида). Он мечтал о том, что «спустя много лет родится и начнет процветать новое поколение людей, вобравшее лучшие качества народов, его образовавших. С этой целью и были устроены грандиозные церемонии коллективных свадеб в Сузах, а сам он подал пример, выбирая себе жен среди туземных женщин» [Шмидт, 2015, с. 290].

После завоевания Персии Александр мог бы и успокоиться, однако он оставался в плену своих глобалистских амбиций и честолюбия. Считая себя потомком Геракла и Диониса, которые оба достигли океана, Александр верил, что он просто обязан пойти по их стопам, повторить их легендарный путь и достичь края Земли, который, по представлениям древних, символизировала Индия. Александром двигало желание не только обогатиться в сказочной стране, но и стремление проложить новые торговые пути, укрепить

уже существующие, превратить Восток в неисчерпаемый источник благ, сокровищ, земель и, конечно же, распространить эллинистическую культуру и греческий язык на завоеванной территории.

После тяжелых боев северные территории Индии были завоеваны, однако полностью эллинизировать оккупированные владения не удалось по причине отказа греко-македонских солдат продолжать поход к «краю земли». На завоеванных землях Александр после своего ухода из Индии оставил несколько гарнизонов, которые и распространяли новые для индийцев культуру и язык. Однако задуманный эллино-ориентальный синкретизм не получился.

Возвратившись из Индии в Сузы в 324 г. до н.э. Александр намеревался создать новые греческие колонии в Азии, «перевезя при этом азиатов в Грецию, чтобы перемешать расы и религии и править смешанной империей» [Шмидт, 2015, с. 254]. Однако данному проекту не суждено было осуществиться.

Александр, в отличие от своих соратников, полюбил Восток, а его жителей не считал варварами. Очевидно, он представлял себе свою империю как государственное образование взаимопроникающих контактов: «Когда я переправлялся из Европы в Азию, я надеялся присоединить к своей империи много славных племен, большую массу людей. И я не обманулся в том, что поверил молве о них. К этому прибавилось еще то, что я вижу храбрых людей, непоколебимо преданных своим царям. Я раньше думал, что все здесь утопают в роскоши и от чрезмерного благополучия предаются страстям. Но, клянусь богами, вы несете военную службу честно и ревностно, проявляя преданность духа и тела и, будучи храбрецами, верность почитаете не менее храбрости. Сейчас я говорю об этом впервые, но знаю это уже давно. Поэтому я произвел среди вас набор молодых людей и включил вас в состав моего войска. У вас та же одежда, то же оружие, но послушание и дисциплинированность гораздо выше, чем у других. Я сам взял себе в жены дочь перса Оксиарта, не погнушался иметь детей от пленницы. Позднее, когда я пожелал произвести более обширное потомство, я взял в жены дочь Дария и ближайшим друзьям своим дал совет народить детей от пленниц, чтобы таким священным союзом стереть всякое различие между победителями и побежденными. Поэтому знайте, что вы мои прирожденные воины, а не наймиты; в Азии и в Европе единое царство, и я даю вам македонское оружие. Я заставил забыть о вашем иноземном происхождении: вы мои граждане и воины. Всё сравнялось. Как персам не

следует порочить нравы македонцев, так и македонцам не должно быть стыдно перенимать нравы персов... Одинаковы должны быть и права всех, кто будет жить под властью одного царя...» (Курций Квинт) [цит. по: Шмидт, 2015, с. 262–263].

Возможно, мечта Александра объединить Европу и Азию, Запад и Восток утопична, но проводя политику смешения этносов, рас, он объединял интеллектуальные, политико-экономические и культурно-нравственные потенции двух величайших полюсов того времени. Создавая гибридные идеалы, он намеревался направить человечество по совершенно новому пути. Утопия подобного синкретизма очевидна. После его смерти диadoхи доказали, что столь многообещающий проект их кумира и друга невыносим в реальности. Конечно, Александр верил в превосходство греческой цивилизации, считал, что эллинизм послужит культурной спайкой между народами, что на завоеванных землях местное население будет говорить по-гречески, а греко-македонские воины будут с уважением относиться к местным культурам.

На завоеванных территориях был введен греческий язык. Около 30 тыс. молодых персов из знатных семей обучались греческому языку и военной науке. После смерти Александра его бывшие соратники, диadoхи, продолжили его политику эллинизации огромной империи. Греческий язык продолжал играть роль *lingua franca* в Персии и при Селевкидах (312 г. до н.э. – 64 г. до н.э.). В качестве языка общения и торговли он служил на протяжении всего Парфянского периода (250 г. до н.э. – 220 г. до н.э.). В Птолемеевском Египте также широко распространилась эллинистическая культура и греческий язык, Александрия стала культурной меккой эллинистического мира. В эллинистическую эпоху греческий образ жизни и греческий язык были прочно восприняты негреческим населением империи Александра.

Благодаря его великому походу начался интенсивный процесс слияния и взаимообогащения культур многих народов Запада и Востока. Симбиоз эллинской и восточной культур способствовал распространению лучших достижений этих культур во всем мире. Именно сложившаяся синкретическая эллинистическая культура впоследствии стала фундаментом европейской и ближневосточной арабской культур [История Древнего мира, 2010]. Этот марш на Восток помог разрушить политико-экономические, социально-культурные, этнические и языковые перегородки между западной и восточной цивилизациями. Расширение географического, этнографического, естественно-научного и лингвистического кругозора

эллинов дало мощный толчок дальнейшему развитию «греческого чуда»: военного дела, науки, производственной техники и ремесла, искусства и литературы. Громадное значение имело при этом формирование греческого койне (на основе аттического диалекта), постепенно вытеснившего из литературного языка другие диалекты. Общность языка была одним из весьма действенных способов культурно-этнической гибридизации.

Александр, ученик Аристотеля, продолжая политику своего отца Филиппа II объединения всех эллинов, пришел к идее всемирного распространения эллинизма. Великий полководец за свою короткую и бурную жизнь поменял ход истории и попытался претворить в жизнь свою идею глобализации мира.

Но этот революционный проект был непонятен завоеванным народам, имевшим совершенно другую культуру, другой уклад жизни, другие национальные традиции. Эллинизация оккупированных территорий проходила не всегда в плодотворном синкретизме. А после смерти Александра диадохи в ходе кровавых войн разделили его империю и в конце концов приняли национальный уклад жизни того государства, где правили [Яковлева, 2017].

Александр Македонский создал прообраз единой эллинистической цивилизации, подражать которой будет, в первую очередь, Древний Рим как наследник древнегреческой античной культуры. Именно ему суждено было аккумулировать, синтезировать, а затем и передать следующим поколениям величайшие достижения Античности.

После Пунических войн Рим стал господствовать в Средиземноморье, и, постепенно превращаясь в огромную империю, все дальше продвигался на Восток, где греческий продолжал выполнять функции *lingua franca*. Римская империя была многоязычным государством. Функции официальных языков в империи выполняли латынь и древнегреческий. Использование этих двух важнейших языков внутри империи было дифференцировано географически и функционально. В конечном счете это привело к постепенному обособлению западной и восточной частей Римской империи в 395 г. Во времена расцвета империи представители высших сословий стремились овладеть обоими официальными языками.

В Восточной Римской империи – Византии сформировался среднегреческий, или византийский греческий язык, язык многочисленного греческого и другого эллинизированного населения раннесредневековых государств Восточного Средиземноморья, официальный и разговорный язык Византийской империи.

Список литературы

- Беккер К.* Древняя история. – М.: Изд. Альфа-книга, 2012. – 947 с.
- Боспорское царство. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/bosporskoe-tsarstvo.html> (дата обращения: 10.09.2019).
- История Древнего мира: Восток, Греция, Рим. – М.: АСТ СЛОВО, 2010. – 576 с.
- Шмидт Ж.* Александр Македонский. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 302 с.
- Яковлева Э.Б.* Миграции: Гипотетический взгляд на языковое будущее современной Европы // Человек: Образ и сущность. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2017. – № 1/2 (28/29). – С. 161–172.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ: (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

На материале русского языка

УДК: 81

В.В. Потапов*, Н.Е. Маслова**

О СТРУКТУРНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОВОКАЦИОННО-ЭВОКАЦИОННЫХ СЛОВОФОРМ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА ИНТЕРНЕТА

**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, volikpotapov@gmail.com*

***Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, Natalia.maslova277@gmail.com*

Аннотация. Статья содержит некоторые наблюдения в области использования деривационных¹, субституциональных, графемо- и морфемоперестановочных (метатезы) средств русского языка, позволяющих реализовать в Интернете провокационно²-эвокационные³ установки части пользователей, характеризующихся априорной фрустрирующей социальной позицией, что непосредственно связано с конфликтными⁴ ситуациями. Установлено, что для сетевой вербалики подобного рода пользователей

¹ Деривация (лат. derivation – отведение, отклонение) – образование новых слов при помощи словообразовательных средств и в соответствии со словообразовательными моделями данного языка [Словарь иностранных слов, 1986, с. 156]. Деривационная морфемика. Деривация – производность (в широком смысле), выводимость одного из другого, создание одних языковых единиц (дериватов) на базе других (исходных), например, лексическая деривация, синтаксическая деривация, семантическая деривация. То же, что аффиксальное словообразование. Деривационные процессы [Васильева, Виноградов, Шахнарович, 1995, с. 31].

² Провокация (лат. provocatio) – предательское поведение; подстрекательство; побуждение кого-то к заведомо вредным для него действиям; искусственное возбуждение каких-либо признаков болезни [Словарь иностранных слов, 1986, с. 400].

³ Эвокация (лат. evocatio) – вызов, призыв к оружию [Дворецкий, 1986, с. 293].

⁴ Различение контекстов конфликтного дискурса происходит, как правило, в зависимости от случаев их прагматического употребления [Белоус, 2008].

характерны высокая степень экспрессивности, деривационный и субституциональный подходы к словотворчеству, использование целого ряда окказионализмов и т.д., позволяющих широко применять стилистические ресурсы словообразования русского языка. Показано, что область деривационной и субституциональной морфемки неологизмов вышеуказанного процесса находится в прямой зависимости от провокационно-эвокационного детерминизма пользователей Интернета.

Исследование посвящено описанию некоторых деривационных, субституциональных и перестановочных (метатеза) средств провокационно-эвокационного социолекта, функционирующего в Интернете. В работе намечена концепция развития нетипичных для флективных языков способов словообразования, таких, например, как агглютинация, апеллятивация и аналитизм, а также развития значения словообразующих формант от нейтрального к отрицательному, распространения эрративации – сравнительно нового способа образования окказионализмов. Полученный в ходе исследования эмпирический материал (с преобладанием общенного дискурса) подтверждает точку зрения, согласно которой новообразование содержит информацию не только о денотате, но и об индивидуальной модальности пользователя [Маслова, 2014; Маслова, 2015; Maslova, Potapov, 2017].

Смысловой фокус данного исследования соотносится с провокационно-эвокационной вербаликой определенного слоя пользователей Интернета. Корпус эмпирических данных формировался в ходе анализа интернет-коммуникации, предметом которой являлись различные социальные проблемы современной России. Социолект пользователей Сети включал словоформы, образованные с помощью разнообразных языковых средств морфемки. Главным отличием анализируемого материала является его ярко выраженная провокационно-эвокационная направленность¹: пользователи, как правило, являлись фрустрирующими² индивидуумами социума.

¹ Провокационно-эвокационная дискурсивная речевая деятельность может быть отнесена в определенной пропорции к политическому дискурсу.

² Фрустрация – (лат. *frustration* – обман, тщетное ожидание; психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания... Возникает в состоянии конфликта, когда, например, удовлетворение потребности наталкивается на непреодолимые или труднопреодолимые преграды... Возникновение фрустрации не только обусловлено объективной ситуацией, но и зависит от особенностей личности... Частые фрустрации ведут к формированию отрица-

В нашем исследовании особым объектом является не политический дискурс, а конкретный провокационно-эвокационный социально-сетевой дискурс (ССД – по Р.К. Потаповой), направленный на подстрекательство, побуждение к заведомо деструктивным действиям, призывы к неповиновению и т.д. в зависимости от провокационно-эвокационного детерминизма пользователей Сети. Более подробно ознакомиться с лингвистическим освещением вопроса о свойствах интернет-дискурса можно в работах [Потапова, 2014; Потапова, 2017; Потапова, Потапов, 2019 а; Потапова, Потапов, 2019 б; Potapova, 2015; Potapova, Potapov, 2016; Potapova, Potapov, 2017]. Особая характеристика интернет-дискурса, а точнее, дискурса социальных сетей (ССД), дается Р.К. Потаповой, которая рассматривает этот феномен как «продукт комплексной полифункциональной человеческой деятельности, как систему, которая включает все компоненты психофизической, функционально-моторной и умственно-интеллектуальной подсистем, учитывая научные знания биологии, физиологии, биомеханики, антропофоники, семиотики, когнитологии, когитологии и социофизиологии» [Potapova, 2015, p. 129]. Нельзя не заметить, что данную классификацию отличает от работ предыдущих лингвистов совершенно новый подход, включающий в себя расширенный диапазон факторов, в результате чего возникает более выпуклая, многофакторная картина дискурса социальных сетей как продукта комплексной полифункциональной активности человека.

Неинституциональность дискурса реагирования обуславливает следующие особенности:

- отсутствие эвфемизации (впрочем, этому способствует и канал общения – виртуальные форумы), неопределенности и намеренных намеков;
- стремление к эсхрофемизации (как следствие из предыдущего утверждения);
- отсутствие «работы на публику», театрализованности (не следует путать с «маскарадностью» интернет-общения, о которой пишут многие исследователи, в частности, М.М. Бахтин в его книге о Рабле [Бахтин, 1990], Н.Г. Асмус [Асмус, 2005, с. 103];
- словотворчество (пользователи стараются проявить свою оригинальность, используют альтернативные средства выражения эмоций).

тельных черт поведения, агрессивности, повышенной возбудимости [Психологический словарь, 1996, с. 406].

Исследование показало, что все лексемы создаваемого словаря относятся, в терминах Е.И. Шейгал, к знакам агональности, т.е., знакам, маркирующим «чужого» для говорящего (в отличие от знаков ориентации, указывающих на программу «своих», и знаков интеграции, обозначающих представителей «своей» идеологии) [Шейгал, 2000, с. 63].

Исследуемый сегмент дискурса (а именно неформальный дискурс реагирования, реализованный в интернет-общении) отличается высокий уровень **оценочности**. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, оценочность является неотъемлемой характеристикой политического дискурса в целом. На это указывает Ю.А. Сорокин, включая оценочность, идеологичность в самоопределение ПД: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен... Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс» [Сорокин, 1997, с. 57]. На это указывается также и в работе [Шейгал, 2000, с. 378].

Во-вторых, оценочность пронизывает **неологизмы**, а исследуемый сегмент дискурса характеризуется высокой долей неологизмов. Как пишет В.А. Марьянчик, «оценочность – очевидное и закономерное свойство неологизма, обусловленное его прагматической функцией: новообразование содержит информацию не только о денотате, но и об отношении автора к нему» [Марьянчик, 2006, с. 203].

В-третьих, *отонимические образования (окказионализмы, образованные от имен собственных)* без исключения несут в себе *оценку*. Так, Л.И. Зубкова считает, что «эмоционально-оценочный аспект является специфической частью прагматического потенциала антропонимов» [Зубкова, 2007, с. 149]. Однако некоторые лингвисты не берутся принимать данное утверждение за аксиому. Например, согласно Т.В. Максимовой, «имя собственное *может* (выделено нами. – В. Потапов, Н. Маслова) перейти на основании ассоциативных связей от предметной номинации к предметной оценке» [Максимова, 2006, с. 94]. Тем не менее большинство лингвистов склоняются к тому, что отонимические образования неизбежно приобретают оценочный компонент. Объяснение этому они находят в следующем механизме: слово, образованное путем вторичной номинации на основе абсолютной единичности (т.е. от имен известных общественных деятелей), получает «устойчивое ассоциативное содержание, весомый экстралингвистический аспект».

Эти закреплённые ассоциативные связи и сообщают слову определённую оценку денотата [Шокина, 2010, с. 129].

Согласно [Рабибурская, Торопкина, 2013, с. 187], оценочность может быть выражена лингвистическими средствами (т.е. ингерентная оценочность) и экстралингвистическими (т.е. адгерентная). При ингерентной оценочности экспрессивный компонент может находиться: а) в словообразовательной основе; б) в форманте; в) в обеих частях слова.

Существует и вторая классификация новообразований – классификация людям [по Е.Н. Галичкиной 2001, и М.С. Рыжкову 2009]. С этой позиции все людемы рассматриваются с учетом того, средства какого языкового уровня задействованы для создания людемы. Словоформы, входящие в словарь сленга пользователей Сети, были классифицированы в соответствии с критерием места выражения экспрессивного компонента.

Ниже будут рассмотрены примеры неологизмов, образованных с помощью графического уровня, где экспрессивный компонент лежит в словообразовательной основе.

Графико-орфографические языковые игры весьма популярны в Сети. Нам Хе Хён [Нам Хе Хён, 2013, с. 39] называет новообразования, созданные средствами графического уровня языка, гибридами и выделяет три вида гибридов:

- буквенные гибриды (pesh.com);
- графико-морфемные гибриды (пере3,14 сали);
- графико-лексические гибриды (pooshkin).

Их ключевой особенностью является гибридность знаков: применение дуалфавитных знаков, а также знаков разных семиотик, например цифр. Последний случай как раз представлен во втором примере (контекст: «*Неужели не всем ясно, что все уже ...3,14...¹?*»), где пользователь успешно уходит от цензуры сайта, выражая бранное слово с применением знаков неалфавитной семиотической системы.

Примером графических средств выражения экспрессии является также выражение «*Расия вперрррёёёёёд!!!*» Данное высказывание иллюстрирует такую особенность виртуального нефор-

¹ В данном случае «просматривается» использование математического знака π (3,14) для создания обценной лексики. «...фиксация бранных идиом, будучи одним из этапов изучения обценного дискурса, дает языковеду материал для дальнейшего лингвистического описания этого... материала» [Буй Василий, 1995, с. 283; см. также: [Русский мат (Антология), 1994].

мального дискурса, как повторение знаков пунктуации и букв для выражения сильной степени эмоциональности, о которой писали Е.Н. Галичкина [Галичкина, 2001, с. 181], А.Г. Абрамова [Абрамова, 2005, с. 10]. Это повторение является «графической фиксацией экс-прессивных средств фонетического уровня» [там же]. «Отрицательный» заряд словосочетанию придает намеренная ошибка в написании названия страны. Г. Гусейнов называет такой прием *эпративами*: «это слова, которые подверг осознанному искажению носитель языка, владеющий литературной нормой» [Гусейнов, 2015].

Как бы ни популярны были неологизмы, образованные с помощью графических средств, они встречаются не так уж и часто. Гораздо легче найти неологизм, образованный с помощью привычных словообразовательных средств. Среди них лидирует суффиксальный способ, затем префиксальный, и, наконец, конверсия и словосложение, что, впрочем, является традиционным распределением долей этих средств в деривационных процессах русского языка. Далее следует остановиться на описании словообразовательного гнезда, выявленного в результате анализа данного сленга. По данным исследования, проводимого В.М. Шокиной [Шокина, 2010, с. 132], доля этих способов в словообразовании составляет 83%, 11, 1 и 1% соответственно. Л.В. Рацибурская и А.А. Тимофеева [Рацибурская, Тимофеева, 2010, с. 687] отмечают некоторые тенденции, характерные для виртуального неформального дискурса XXI в., а именно: рост употребления аффиксов греко-римского происхождения, что объясняется явлением интернационализации, влиянием на русский язык английского языка как пионера в виртуальном пространстве; трансформация некоторых иноязычных слов и корневых морфем в аффиксоиды; активизация нетипичных для языка словообразовательных способов и моделей, а именно «рост агглютинативности и аналитизма в славянских флективных языках» [там же, с. 689].

Исследователи неоднократно обращали внимание на особенности образования слов от *политических антропонимов* (имен собственных известных политических деятелей) [Жорина, 2011; Нахимова, 2011]. Как отмечает А.А. Залетаева, «формирование словообразовательных гнезд с вершиной – политическим онимом – это активный словообразовательный процесс», [Залетаева, 2014, с. 17]. В работе [Рацибурская, Торопкина, 2013, с. 188] указывается, что имена собственные заведомо обладают амбивалентностью: представители разных слоев общества могут относиться к данному политику диаметрально. Но «оценочный потенциал словообразо-

вательной основы, возникающий на базе публичного мнения о называемом лице, раскрывается за счет подбора словообразовательных средств», что снимает амбивалентность политического онима. В.М. Шокина смотрит на отонимическое словообразование (процесс создания окказионализмов на основе антропонимов) с другой стороны. По ее мнению, именно внеязыковые ассоциации, закрепленные за данной личностью, «представляют первостепенный интерес, так как на их основе развивается словообразование» [Шокина, 2010, с. 130].

Далее следует привести примеры некоторых моделей с учетом процессов субституции, деривации и метатезы в словообразующих морфемах, участвующих в преобразовании нейтральных словоформ в провокационно-эвокационные словоформы:

Примеры	Условные обозначения
1. П* – КСФ	К – корневая морфема;
2. К*** – СФ	П – префиксальная морфема;
3. *К – СФ	С – суффиксальная морфема;
4. К*** – С*	Ф – флексия;
5. К*** – К***	* – фонемная субституция;
6. К* – С*	** – метатеза смежная или несмежная;
7. К* – К*	*** – слоговая субституция.

Говоря о безаффиксальных способах словообразования, необходимо отметить одну немаловажную тенденцию словообразования – акселерацию «долгоиграющих» способов словообразования. Известно, что способы словообразования различаются по времени, требуемому для возникновения слова с помощью конкретного способа. Так, морфологические способы «быстрее» неморфологических (морфо-синтаксический, лексико-синтаксический или лексико-семантический): слова, образованные морфологическими способами, возникают чаще, легче. Напротив, требуются десятилетия на то, чтобы из словосочетания «сей час» (в высказывании «Приведите его сюда *сей же час!*») возникло слово «сейчас» (которое в наше время в разговорной речи сокращается до «*щас*») [Земская, 2011, с. 177]. Возможно, это объясняется такими характеристиками неформальной интернет-коммуникации, как стремление проявить свое остроумие, подверженность влиянию сленгового языка [Кронгауз, 2013].

Возможные модели, имеющие отношение к персоналиям, указывают на то, что для автоматизированного распознавания экс-

плицированных провокативно-эвокационных единиц недостаточно опираться только на лексические средства языка (фильтр / поиск по заданным словам). Еще более важен синтаксический и прагматический уровни. Развивая мысль, высказанную в работе [Рацибурская, Торопкина, 2013], можно утверждать, что когда словообразовательная основа амбивалентна и когда словообразующая форманта нейтральна, то экспрессивный компонент раскрывается в синтагматических связях данного слова.

Рассмотрение различных примеров эмпирического материала позволило определить некую тенденцию современного словообразования: словообразовательные средства (аффиксы), которые раньше рассматривались лингвистами как нейтральные, приобретают негативную коннотацию. Одним из примеров, описанных в предыдущих работах лингвистов, является суффикс *-изм* [там же, с. 189]. Согласно их мнению, если на определенных этапах разного общего слова с этим суффиксом имели нейтральную или положительную коннотацию (коммунизм, марксизм, ленинизм), то в России начиная с 90-х годов XX в. их использование приобретает отрицательную коннотацию для определенной части социума, происходит переосмысление событий, что можно также сказать и о других новообразованиях (*расизм, анархизм, ельцинизм, мутинизм*). Исследование показало, что такая же участь постигла, например, префиксоид *нано-* (*наноинновационный*), суффиксоид *-мания* (*евромания*), префикс *про-* (*прозападные политики*) и т.д.

Обобщая результаты исследования, можно предположить, что неинституциональный провокационно-эвокационный социально-сетевой дискурс реагирования на текущие события наследует некоторые черты политического дискурса в классическом понимании и неформальной коммуникации в эпоху дигитализации в виртуальном пространстве, где «все дозволено», аудитория безгранична, поликодовость вносит свою лепту по эффективности воздействия. Но вместе с тем верстальные средства воздействия остаются мощным источником формирования интеллектуальной модели социума. Ключевыми являются высокая степень агональности, словотворчества, оценочности. К основным тенденциям данного вида социально-сетевого дискурса, реализованного в рамках интернет-форумов, можно отнести следующие.

1. Интернационализация:

1) использование аффиксов и аффиксоидов греко-римского происхождения;

2) развитие нетипичных для флективных языков таких способов словообразования, как агглютинация, апеллятивация и аналитизм;

2. Рост агрессивности языка в целом:

1) развитие значения словообразующих формант от нейтрального к отрицательному (-изм, нано-);

2) активизация эсхрологии;

3. Уход от цензуры сайта:

1) эвфемизация;

2) эрративизация экспрессивных компонентов текста;

3) усечение имен политиков в негативных высказываниях;

4. Акселерация «долгоиграющих» способов словообразования.

Эти тенденции продиктованы как особенностями канала связи (интернет-общение, невозможность использования просодических средств выражения экспрессии, подверженность английскому языку как доминирующему в Интернете), так и характеристиками провокационно-эвокационного дискурса.

Таким образом, можно предположить, что провокационно-эвокационный лексический пласт Интернета подвижен и находится в прямой зависимости от социального контента пользователей. Эту подвижность обеспечивает деривационный, субституциональный и перестановочный (метатеза) механизм используемого языка в соответствии с его словообразовательными моделями. При этом представляется перспективным исследование не только самих деривационных языковых средств, но и создание новых способов словообразования на базе поликодовой природы Интернета.

Провокационно-эвокационные установки фрустрирующих пользователей Интернета находят применение в настоящее время в различных видах конфликтообразующей коммуникации, например, таких как флейминг, холивар, троллинг и др., реализующихся с нарушением этических норм социального взаимодействия. И здесь ведущая роль принадлежит как вербальным, так и невербальным средствам передачи информации. Перспективным представляется также исследование тонких социосемантических различий в использовании дефиниций «провокационно-эвокационных» (провокативы и эвокативы), применительно к ситуативным контекстам Интернета, как правило, рассматриваемым исключительно с позиции обобщенного понятия «агрессия». Таким образом, учитывая новейшие тенденции развития Digital Humanities, следует подчеркнуть, что все большую роль играют поликодовые средства

передачи информации, использование которых ведет к усилению провокационно-эвокационной составляющей интернет-контента, что ставит новую задачу в области разработки автоматизированного распознавания поликодовых образов (Gestalt-конструкций) данной составляющей.

Список литературы

- Абрамова А.Г.* Лингвистические особенности электронного общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru> (дата обращения: 12.07.2012).
- Асмус Н.Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
- Белоус Н.А.* Инвариантные характеристики основы речевого произведения в конфликтном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – М., 2008. – № 4. – С. 148–156.
- Буй Василий.* Русская заветная идиоматика: (Веселый словарь крылатых выражений). – М.: Помовский и партнеры, 1995. – 336 с.
- Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Рус. яз., 1995. – 175 с.
- Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: (На материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 212 с.
- Гусейнов Г.* Берлога веблога: Введение в эрратическую семантику. [Электрон. Ресурс]. – Режим доступа: http://www.speakrus.ru/gg/microposa_erratica-1.htm (дата обращения: 14.12.2015).
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1986. – 840 с.
- Жорина И.А.* Функции антропонимов в аспекте социальных полей: (На материале русского, английского и узбекского языков) // Вестн. Челяб. пед. ун-та. – Челябинск, 2011. – № 9. – С. 258–269.
- Залетаева А.А.* Онтонимические образования в современных СМИ: (На материале политических антропонимов) // Время науки. – 2014. – № 4. – С. 13–17.
- Земская Е.А.* Современный русский язык: Словообразование. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с. – два издательства.
- Зубкова Л.И.* Культурная обусловленность антропонимической коннотации // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Тамбов, 2007. – № 4. – С. 146–152.
- Кронгауз М.А.* Самоучитель Олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 416 с.

- Максимова Т.В. Функционально-коммуникативное пространство имени собственного // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Волгоград, 2006. – № 5. – С. 93–99.
- Марьянчик В.А. Оценочный компонент в структуре значения слова // Актуальные проблемы современной лингвистики / отв. ред. Хашимов Р.И. – Елец; М., 2006. – С. 201–205.
- Маслова Н.Е. Языковые особенности выражения состояния «агрессия» в соц-сетях // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. – М., 2014. – Вып. 13 (699). – С. 171–178.
- Маслова Н.Е. К вопросу о модификациях фразеологизмов в комментариях социальных сетей // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание и литературоведение. – М., 2015. – Вып. 15 (726). – С. 138–149.
- Нам Хе Хён. Узус, норма и система в контексте современного русского языка: На материале интернет-коммуникации // Мир русского слова. – М., 2013. – № 3. – С. 33–43.
- Нахимова Е.А. Прецедентные онимы-неологизмы: кушевская и цапки // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 1. – С. 162–166.
- Потапова Р.К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Материалы 2-й Международной научной конференции «Дискурс как социально-сетевая деятельность». Москва, МГЛУ, 16–18 октября 2014 г. – М., 2014. – С. 20–22.
- Потапова Р.К. Депривация как базовый механизм вербального и паравербального поведения человека: (На материале социально-сетевой коммуникации) // Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Потапова Р.К. – М.: Ленанд, 2017. – С. 17–36.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Конфессиональная составляющая социально-сетевого контента // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – М., 2019 а. – Т. 78, № 1. – С. 53–63.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса // Русский язык: Исторические судьбы и современность: 6-й Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.). – М., 2019 б. – С. 224.
- Психологический словарь / под ред. Зинченко В.П., Мещерякова Б.Г. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
- Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Специфика «глобализации» в деривационных процессах русского и чешского языков // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. – Н. Новгород, 2010. – № 4. – С. 687–689.
- Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Словообразовательные неологизмы с негативной оценочностью в текстах СМИ // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. – Н. Новгород, 2013. – Т. 2, № 6. – С. 186–191.

- Русский мат: (Антология) / под ред. Ильясова Ф.Н. – М.: Издат. дом Лада М, 1994. – 305 с.
- Рыжков М.С.* Людемы интернет-дискурса: Русский и английский языковые сегменты // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009. – № 2. – С. 115–118.
- Словарь иностранных слов. – 13-е изд. – М.: Рус. яз., 1986. – 608 с.
- Сорокин Ю.А.* Политический дискурс: Попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания (Москва, 30 марта 1997 года) / под ред. Сорокина Ю.А., Базылева В.П. – М.: Диалог МГУ, 1997. – С. 57–67.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.
- Шокина В.М.* Лингводидактические аспекты вторичной номинации на базе антропонимов в английском языке // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Образование и педагогические науки. – М., 2010. – N 599. – С. 128–134.
- Maslova N., Potapov V.* Neural Network Doc2 vec in Automated Sentiment Analysis for Short Informal Texts // SPECOM 2017: LNAI / Ed. by Karpov A., Potapova R., Mporas I. – Cham: Springer, 2017. – Vol. 10458. – P. 546–554.
- Potapova R.K.* From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication // Global science and Innovation: Materials of the 6 th Intern. scientific conf. – Chicago, 2015. – Vol. 1. – P. 129–137.
- Potapova R., Potapov V.* Polybasic attribution of social network discourse // SPECOM 2016. LNCS / Ed. by Ronzhin A., Potapova R., Németh G. – Heidelberg: Springer, 2016. – Vol. 9811. – P. 539–546.
- Potapova R., Potapov V.* Human as acmeologic entity in social network discourse: (Multidimensional approach) // SPECOM 201: LNAI / Ed. by Karpov A., Potapova R., Mporas I. – Cham: Springer, 2017. – Vol. 10458. – P. 407–416.

УДК: 81

Г.Е. Кедрова, Гун Мин

**КОНТРАСТИВНО-ЯЗЫКОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ
И КИТАЙСКОМ СЕГМЕНТАХ ИНТЕРНЕТА**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, kedr@philol.msu.ru*

Аннотация. В статье представлены пилотные результаты исследования лингвистических последствий информационной глобализации на основе анализа языкового поведения участников интернет-коммуникации. Анализ значений основных цветов (*белого, черного, красного, желтого*) в текстах Рунета и китайского Интернета подтвердил влияние культурных элементов в функционировании слов-цветообозначений в русском и китайском языках в новых коммуникативных условиях. Сопоставительное изучение коннотаций цветообозначений в текстовых сообщениях российского и китайского интернет-пространства позволило выявить общие тенденции в изменении активного коннотативного репертуара ЛСГ цветообозначений в практике русского и китайского интернет-общения, которые обусловлены глобализацией условий обмена информацией и общностью базовых параметров новой коммуникативной ситуации.

В течение последнего десятилетия с развитием новых технологий передачи информации компьютер становится неотъемлемой частью повседневной жизни человека и начинает серьезно влиять на различные аспекты деятельности человека, в том числе и на язык. Это явление особенно сильно проявилось после объединения компьютеров в сети, на основе которых активно формируется новое коммуникативное пространство – Интернет. Можно сказать, что на сегодняшний день Интернет предоставляет способ связи с наименьшими ограничениями по времени и пространству. Это обусловило глобальный масштаб интернет-коммуникации.

Так, засвидетельствовано, что аудитория Интернета растет со скоростью почти 1 млн новых пользователей в день. На начало 2019 г. аудитория Интернета насчитывала 4,39 млрд человек, что на 366 млн (9%) больше, чем в январе 2018 г. В социальных сетях в 2019 г. зарегистрировано 3,48 млрд пользователей, т.е. уровень проникновения социальных сетей в мире сегодня составляет 45% населения земного шара, или 58% от общего числа всего взрослого населения. Важно отметить, что уровень активного использования социальных сетей продолжает расти: по сравнению с началом 2018 г. этот показатель вырос на 288 млн (9%) – в основном за счет вовлечения в сетевое общение жителей стран Ближнего Востока и населения развивающихся стран [Hootsuite, 2019]. Хотя общее число веб-страниц (документов) в Сети точно никому не известно, по разным оценкам, уже в 2003 г. оно достигло 5–6 млрд. Ранее было зафиксировано также его удвоение каждые 8–18 мес. [по данным издания Internet World Stats Usage and Population Statistics]. Таким образом, сегодня очевидно, что мир вступил в эру безбумажной, электронной информации всех видов. Интернет в наше время – не только компьютерная сеть для обмена файлами, но и построенная на этом обмене вербальная коммуникация с выраженными лингвистическими и психолингвистическими особенностями, которая предоставляет самые разные средства для выражения не только языковых смыслов, но и полного спектра эмоциональных состояний и впечатлений.

Процессы информационной и экономической глобализации, которые были запущены всеобщей компьютеризацией и сегодня активно идут во всем мире, не могут не затрагивать функционирование национальных языков. Эти процессы во многом определяют их взаимодействие в ареалах активных контактов языковых сообществ, вызывают кардинальные лингвистические трансформации, которые проявляются в результате усиления миграционных тенденций, формируют новые модели общения в мире виртуальной коммуникации. Эти изменения формируются и направляются глобализацией каналов обмена информацией, которая, как стало заметно с появлением все более эффективных новых средств поддержки виртуальной коммуникации, активно меняет многие традиционные национально и культурно-обусловленные модели человеческого общения. Однако хорошо известно, что все инновационные процессы в языковой сфере редко проходят бесконфликтно. Это достаточно хорошо прослеживается в концепции представления постиндустриального общества как *глобальной деревни* (global

village), обмен информацией в которой обеспечивается, в первую очередь, новыми информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ / ICT) [Кедрова, 2018]. Наиболее известным теоретиком воздействия средств коммуникации на модели поведения человека, а также автором самой метафоры Global Village («мир как глобальная деревня») является американско-канадский философ МакЛьюэн [McLuhan, 1962]. Программное заявление МакЛьюэна в отношении информационно-коммуникационных технологий «The Medium is the Message» очень хорошо объясняет многие аспекты компьютерной информационной революции, хотя и вызывает до сих пор споры и имеет неоднозначные толкования [McLuhan, 1995]. В своих сочинениях философ утверждает, что наступающая эпоха электронных цифровых медиа кардинальным образом изменит человеческое общество, так как эти средства информационного обмена сформируют принципиально новые модели межличностного общения и социального взаимодействия. В частности, им было предсказано чрезвычайно быстрое распространение электронных средств коммуникации и их глобальный характер, показано, что совершенствование ИКТ может привести не просто к ускорению процессов обмена информацией, но также, что еще более важно, к нивелированию любых расстояний и различий между участниками процесса коммуникации, превращая каждого в непосредственного свидетеля и активного участника всего происходящего в мире. С другой стороны, такая информационно-технологическая «глобализация», как предупреждал МакЛьюэн, может привести к цивилизационным столкновениям. Когда в том или ином сообществе, которое ощущает себя частью *глобальной деревни*, возникает опасность потери своей культурно-политической идентичности, общество предпринимаются попытки ее восстановления в предшествующем надвигающимся изменениям виде, что чаще всего консервирует наиболее ее архаичные формы. В результате такие попытки воссоздания архаичных моделей коммуникации осуществляются «любой ценой», что может привести к открытым межцивилизационным конфликтам [McLuhan, 1968]. Сегодня эти высказывания философа признаны особенно актуальными в связи с активными процессами предсказанной им информационной и цивилизационной глобальной революции, достаточно ярко проявляющейся в языке.

В первую очередь, наибольший интерес ученых-лингвистов вызывают те аспекты межъязыкового взаимодействия, которые связаны с глобальной экспансией английского языка. Эти про-

цессы подробно освещаются в многочисленных публикациях и постоянно обсуждаются в ходе научных дискуссий на конференциях. Сама идея культурно-языковой гибридизации на основе английского языка, которая считается проявлением более общей тенденции глокализации¹ экономических и социальных аспектов существования человеческих сообществ, постепенно становится доминирующей в оценке коммуникативных процессов, которые проходят сегодня в глобальном информационном пространстве. Эта идея активно разрабатывается в настоящее время и в отношении англоцентричной модели массовой культуры, которая, наряду с экспансией английского языка, активно распространяется через все доступные средства массовой коммуникации, в том числе через Интернет [Kraidy, 2017]. Тем не менее вся практика повседневного функционирования национальных языков свидетельствует, что, несмотря на массированное внедрение в эти языки специализированной англоязычной лексики, связанной с трансформацией жизни социума в результате внедрения ИКТ, эти языки сохранили свою национально-культурную идентичность и продолжают в полной мере выполнять свои социальные функции. Вместе с тем представляется неправомерным отрицать наличие более глубоких, чем просто расширение лексических и – реже – синтаксических возможностей некоторого языка благодаря влиянию структурных моделей какого-либо другого языка, процессов языковых изменений. Можно предположить, что для их обнаружения и описания могут потребоваться более изощренные и тонкие методы исследования языковых практик. Наиболее перспективным в этом отношении нам представляется исследование социальных коммуникативных практик, распространенных в Интернете. Эта область функционирования языка является, с одной стороны, достаточно узкой, поскольку вступающие в коммуникацию субъекты лишены возможности полноценного непосредственного контакта и вынуждены использовать для общения преимущественно письменный язык. Однако с другой стороны – такие ситуативные ограничения активизируют творческие возможности языка и приводят к тому, что интернет-среда становится уникальным плацдармом для проявления всех потенциальных возможностей языковой сис-

¹ От англ. glocalisation = global + local. Термин, впервые введенный R. Robertson [Robertson, 2012], обозначает одновременное действие тенденций к универсализации и специализации в социальной, политической и экономической системах.

темы, поскольку представляет собой практически безграничное поле для онлайн-ового и офлайн-ового общения «всех со всеми». Эти соображения приводят сегодня к тому, что вторым наиболее активно разрабатываемым направлением в изучении языковых изменений, вызванных глобализацией информационного пространства, является исследование последствий интернетизации всех коммуникативных процессов, которые в последнее время перешли из области экспериментальных практик в каждодневную повседневную рутинную практику человеческого общения, которая постепенно начинает вытеснять все другие его формы [Интернет-коммуникация, 2012]. Однако в этой области получено пока еще достаточно немного полноценной верифицированной информации, поскольку изучение национальных и универсальных особенностей так называемого «языка Интернета» находится, скорее, на своей начальной стадии.

Общепризнано, что язык Интернета представляет собой сложное многокомпонентное и во многом неоднозначное, парадоксальное явление. Как отмечает О.В. Дедова, «язык Интернета – это совокупное обозначение многообразных сдвигов (речевых, текстовых, коммуникативных, семиотических), обусловленных расширением электронной сетевой коммуникации. <...> Процессы, спровоцированные трансформацией текстового носителя и каналов коммуникации, во многом оказываются более глубинными» [Дедова, 2010]. Среди его наиболее специфических релевантных признаков разные ученые выделяют: полифоничность, т.е. способность объединить в себе большое количество различных типов дискурса и речевых практик [Морозова, 2010]; устно-письменный характер коммуникации; активная неология [Дедова, 2010], в том числе аббревиация и цифровая омонимия / омофония [Лунёва, 2011]; креолизованность компьютерных текстов; наличие особой системы шрифтового и цифрового символизма [Венедиктова, 2011]; передача эмоций, мимики, чувств с помощью уникальных графических символов – эмотиконов («смайликов»); наличие специфической компьютерной этики [Галичкина, 2001]; иллокутивность [Касумова, 2009] и некоторые другие.

Особенности языка Интернета часто принято описывать, исходя из теории языковых жанров. Жанровое разнообразие коммуникативных форм в Интернете огромно, к тому же оно постоянно дополняется (например, в результате массового использования смартфонов, айфонов и т.п.), поэтому теория интернет-жанров пока находится в стадии становления. Наиболее продуктивным

для изучения особенностей форм и видов интернет-коммуникации признан подход, основанный на Лассуэлловской классификации моделей коммуникации [Дедова, 2010]. В соответствии с этой моделью информационное пространство Интернета можно условно поделить на две основные области, исходя из степени интерактивности взаимодействия пользователя с главными составляющими этого пространства. К ним относятся: информация – данные, или собственно контент [Bill Gates, 1996] и виртуальная межличностная коммуникация, выполняющая социальную функцию, или собственно общение, в ходе которой интернет-контент постоянно обновляется и в сферу информации добавляется новый контент [Odlyzko, 2001]. В интернет-коммуникации можно выделить следующие основные формы общения ее участников: блог (дневник), форум, чат, ICQ (англ. *I seek you* – «я ищу тебя») – бесплатная система мгновенного обмена текстовыми сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой и видеосвязи, многопользовательские игры MUDs («multi-user dimension»), ролевые игры (RPG – Role-Playing Games); электронную почту (e-mail), тематические новостные (нюс)группы (newsgroup). Из всего перечисленного наиболее интерактивными являются чаты и MUDs, наименее – переписка по электронной почте и телеконференции [Смирнов, 2004]. Наибольшее распространение в последнее время получили такие комбинированные (информационно-коммуникативные) интернет-сервисы, как социальные сети (social networking). Заметим, что большинство социальных сетей строится на комбинировании нескольких форм поддержки коммуникации своих участников на основе размещаемого ими контента, представленного в разных форматах.

Особый интерес для определения лингвистических особенностей языка Интернета представляют работы, в которых проводится сопоставительное исследование коммуникативного поведения разных групп интернет-пользователей. Показательно, что в последнее время такие работы начали появляться в отношении языкового поведения коммуникантов в блогосферах и чатах, функционирующих в разных культурно-языковых сообществах. Несмотря на то что эти попытки пока что очень немногочисленны, однако уже первые результаты такого рода наблюдений позволяют утверждать, что базовые поведенческие стратегии и тактики общения разноязыких участников блогосферы имеют общие коммуникативные и языковые параметры (см. напр., сопоставительное исследование англоязычных и русскоязычных блогов

[Горшкова, 2013]). Вместе с тем отмечается, что прагматические особенности сетевого взаимодействия носят как кросс-культурный (глобальный или уже – глокальный), так и национально специфичный характер, несмотря на продолжающийся импорт англоцентричных ценностных установок [Рыжков, 2010]. Представляется, что сопоставительное исследование языка блогов, функционирующих в разных культурно-языковых сообществах, может оказаться полезным для прояснения соотношения общих и национально-специфических особенностей используемого коммуникантами языка и, что особенно важно, выявить тенденции реализации языковых изменений, если таковые имеют место.

Для выявления взаимодействия общих (кросс-культурных) и национально-специфических параметров представления информации в Интернете нами было проведено сопоставительное исследование трансформации значений и особенности контекстов употребления группы лексем ЛСП цветообозначений, в состав которой входят наиболее частотные наименования цветов, которые встречаются в русском и китайском сегментах Интернета, в том числе в блогосфере и чатах. Выбор в качестве объекта исследования ЛСГ цветообозначений обусловлен целым рядом соображений теоретического и практического характера. Прежде всего, цветообозначения занимают большое место в теории межкультурной коммуникации, поскольку они рассматриваются как важные компоненты культурного кода, как средство сохранения и передачи национальной истории и культуры, материализация культурной памяти народа [Новиков, 2012]. Цветообозначения представляют собой особые микросистемы, имеющие большое значение для изучения языковой картины мира (ЯКМ). Общеизвестно, что система цветообозначений сильно этнокультурологически маркирована. Она имеет две стороны – с одной стороны, она есть производная культуры, с другой – эта система сама является культурообразующим фактором. Цветообозначения, как элементы ЯКМ, отражают динамику языковых процессов, поскольку «культурные коды цвета, как и любые другие культурные коды, условны, они не являются постоянной величиной, поэтому символика цветов может изменяться и варьироваться как в диахроническом плане, так и в синхроническом» [Новиков, 2012]. Важно, что, как отмечает В.А. Маслова, «этот комплекс представлений об окружающей действительности, помещенных в семантику различных слов и оборотов речи данного языка, образует систему убеждений или установок» [Маслова 2001, с. 64–72]. Представления, которые со-

ставляют ЯКМ, являются частью семантики слов в скрытом виде. Эта часть семантики слова не осознается человеком, поэтому он верит им без размышлений, часто даже не обращая на это внимание. Употребляя слова, которые содержат скрытый смысл, человек как бы безоговорочно признает заключенное в них видение мира. С другой стороны, многие национально-специфические элементы смыслового наполнения понятий, которые ЯКМ включает в семантику слов и выражений в качестве естественных утверждений, очень часто становятся предметом разногласий между носителями разных языков и даже разными носителями одного языка, что провоцирует недопонимание и иногда приводит к открытым социальным и межкультурным конфликтам и столкновениям. Цветообозначения отражают культурные и национальные стереотипы языковых сообществ, поэтому изменения в употреблении цветообозначений могут стать показателем изменений в коммуникативных и языковых стратегиях.

Особенности языковой системы цветообозначений всегда привлекали внимание большого числа ученых. Сегодня в общем русле исследований цветообозначений можно выделить несколько направлений: эволютивное, психолингвистическое, когнитивное, сопоставительное, лингвокультурологическое, онтологическое, институциональное и терминоведческое направления [Кульпина, 2005, с. 193]. Проведенное нами исследование относится к сопоставительному лингвокультурологическому направлению. Поскольку культурные коннотации цветообозначений реализуются в отдельных лексемах и контекстах их употребления, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, эти параметры были исследованы нами на примерах употребления в русском и китайском Интернете слов, обозначающих основные (базовые) цвета. Наиболее часто встречаются в разноязычных сегментах Интернета: *белый*, *черный*, *красный*, а также лексемы *желтый*, поскольку эта лексема, будучи несколько менее частотной, чем вышеперечисленные цветообозначения (она занимает 6–7-е места по частоте употребления в русском, английском и французском сегментах Интернета, по данным 2012 г. [Новиков, 2012]), до настоящего времени практически не попадала в поле зрения исследователей.

Для получения информации о терминах, связанных с цветообозначением в русском Интернете, были собраны и проанализированы данные и материалы следующих русскоязычных сайтов: [Яндекс. Электрон. ресурс], [НКРЯ: Национальный корпус рус-

ского языка. Электрон. ресурс], Интернет-корпус русского языка университета Лидс [CRC: Collection of Russian Corpora. Электрон. ресурс], [ГИКРЯ: Генеральный интернет-корпус русского языка. Электрон. ресурс]. (Отметим, что все лингвистические примеры из русскоязычной блогосферы приведены в авторской орфографии и пунктуации.)

Для получения информации о терминах, связанных с цветообозначением в китайском Интернете, были собраны и исследованы тексты, гипермедийные материалы и др. языковые данные, представленные на следующих китайских сайтах: Sina Weibo (кит. 新浪微博) – китайский сервис микроблогов [Sina Weibo. Электрон. ресурс], WeChat (кит. 微信, дословно «микро-сообщение», у этого приложения своя внутренняя система поиска и (пере)адресации, поэтому невозможно указать интернет-адрес этого ресурса) и Baidu (кит. 百度) – китайская поисковая система [Baidu. Электрон. ресурс].

Проведенный анализ четырех прилагательных, обозначающих основные базовые цвета (*белый, черный, красный, желтый*), в китайском Интернете в сопоставлении с соответствующими русскими эквивалентами показал, что физическое восприятие этих цветов совпадает в обоих языковых сегментах Интернета, однако роль и место этих цветообозначений в культурном национальном контексте могут существенно различаться. Это выражается через различные признаки обозначающих эти цвета слов и контексты их употребления. Прежде всего, надо отметить, что сходство заключается обычно в прямом значении цветообозначающих слов. Например, одинаковые модели употребления зафиксированы для *желтого* цвета, обозначающего электромагнитное излучение с длинами волн от 550 до 590 нм. (физ.), напр.: «а вот эта наша знаменитая поговорка. Центральным среди этих спектров является *желтый*. Каждый охотник желает знать / где сидит фазан». [НКРЯ / Из коллекции Казахстанского филиала МГУ: «О призвании священнослужителя»]; кит. 黄色食品 («*желтые* продукты питания») – это продукты *желтого* цвета, например кукуруза, бананы, соя и т.д. Также в обоих языках одинаково частотны следующие прямые значения: *желтый* цвет как цвет солнца, подсолнуха, осенних листьев, золота (в обоих языках для обозначения золота используется выражение «желтый металл», как стертая метафора, закрепившаяся в повседневной речи); одинаково частотно обозначение лексемой *желтый* цвета кожи больного или старого че-

ловека; универсально для всех языков использование *желтого* цвета в качестве знака (символа), призывающего к особой внимательности и осторожности (*желтый свет* светофора, *желтая карточка* на соревнованиях, *желтый уровень* климатической или природной опасности и т.п.). (Заметим, что, хотя обозначение *желтым* цветом среднего уровня погодной опасности является универсальным предупредительным знаком в русской и китайской системе оповещения, однако общая цветовая шкала оповещения о благоприятных и неблагоприятных климатических условиях различается в русской и китайской культурах. Так, цветовой символ (код) самого низкого уровня погодной опасности в русском Интернете – это *зеленый* цвет, в китайском Интернете – *синий* цвет.)

Вместе с тем полученные нами данные свидетельствуют о том, что почти все не прямые, переносные, значения прилагательного *желтый* в рассматриваемых языках расходятся, поскольку в этом отражены традиционная народная духовная культура, история народа, своеобразие его культуры и быта, в том числе и влияние религии. Так, известный русский фразеологизм «желтый дом», которым в XIX в. обозначали больницу для душевнобольных, чаще всего неправильно воспринимается китайцами, как указание на особый медицинский способ умственной стимуляции и коррекции психического состояния человека через воздействие цветом.

В русской культуре *желтый* цвет – это символ божественного сияния, святости, духовного озарения и чистоты, исторически *желтый* цвет использовался и в российской императорской геральдике (здесь он, как и в иконописи, заменял золото); в китайской же культуре *желтый* цвет – символ центра мироздания и императорской власти, самодержавия. Поэтому китайские простолюдины в прошлом не имели права одеваться в *желтое*, так как это был цвет правящей династии. Словосочетание «*желтая вера*» часто использовалось раньше в качестве синонима буддизма (ср. также название приверженцев буддийской тибетской школы Гелуг, прижившееся в Европе в форме «желтошапочники»). В настоящее время прилагательное *желтый* также встречается в Интернете в связи с буддизмом, однако преимущественно в своем буквальном значении – как цвет одежды буддийских монахов: «<...> и вскоре в дверях храма появилась девушка, одетая, как буддийский монах, в желтую тунику» (из собрания русскоязычных блогов ГИКРЯ). Показательно, что все эти переносные значения достаточно редко встречались в наших русскоязычных интернет-выборках – они были отмечены преимущественно в текстах

очень узкой тематики (исторических, религиозных или сектантских текстах), в то время как в китайском Интернете исторические и религиозные коннотации лексемы *желтый* практически не встречаются.

Общим для интерпретации действия на человека *желтого* цвета является то, что и китайцы, и русские, по-видимому, одинаково ощущают связь *желтого* цвета с психологическим состоянием человека, его способность влиять на настроение и активизировать процессы мышления. Однако если в русском языке в этой области такое влияние оценивается, скорее, как благотворное и цветообозначение в этом контексте имеет отчетливо положительные коннотации, то в китайском языке психологические ассоциации лексемы *желтый* более специфичны. Ср., например, описание символики цвета в русской блогосфере: «Это может быть красный, когда я влюбленная и радостная; розовый, голубой, бирюзовый – когда спокойна и счастлива, белый – когда серьезна и чего-то жду; *желтый* и коричневый – когда мне весело и хорошо...») Это касается не только одежды, но и цвета рисунков рабочего стола на компе, даже фруктов и овощей, которые я покупаю:)))» (CRC). В китайском языке достаточно частотны выражения, в которых желтый цвет ассоциируется с чем-то нереальным, чаще всего, с потусторонним, «загробным» миром: 黄泉 («желтый родник») обозначает загробный мир; 事情黄了 (букв. «дело пожелтело») значит, что какое-то дело или событие было увидено во сне.

В целом и для русского, и для китайского языка достаточно обычным является использование определенных цветообозначений для характеристики расовой принадлежности человека, напр.: «Судя по тому / что желтые люди рождаются все больше / а у белых минус в рождаемости пошел / объединяться надо / чтобы выжить белым» [НКРЯ: «Беседа в Новосибирске // Фонд <<Общественное мнение>>»]; кит. 白人 («белые люди») – европеоидная раса, 黑人 («черные люди») – африканцы. Однако если в русском Интернете выражения со словом *желтый* достаточно частотны в обозначении расовой принадлежности (выражения *желтый человек*, *желтые люди*, *желтолицый* обозначают человека, принадлежащего к *желтой* расе); то в китайском Интернете этот признак человека никогда не охарактеризуют словом *желтый*, в этом случае человека, скорее всего, назовут *азиатом*, поскольку цветообозначения в китайской языковой картине мира используются только для обозначения людей, принадлежащих или к *белой*, или к *черной* расе. Потому в китайском Интернете не встречается выра-

жение «*желтые люди*», хотя словосочетание «*желтая раса*» или выражение «люди с *желтой кожей*» используется довольно часто. Заметим, что в русскоязычном Интернете выражения *желтые люди*, *желтая раса*, *желтый мир* и т.п. встречаются в последнее время все чаще, что отражает растущее в российском обществе ощущение скрытой угрозы, напр.: «Здесь правильно высказали одну-единственную мысль / то / что объединяться надо будет России с кем-то / или с *желтым миром* / или с *белым*». [НКРЯ: «Беседа в Новосибирске // Фонд <<Общественное мнение>>»].

В современном русском языке *желтый* цвет, как цветообозначающее слово, приобретает не только все больше положительных коннотативных значений, как здоровый, безопасный, натуральный, экологический цвет, но также и больше негативных ассоциаций, как цвет предупреждения, осторожности и цвет, ассоциирующийся – правда, только в русском Интернете – с изменой, предательством. Напр.: «*Желтый*. Это цвет двойственный. Светлый или золотой *желтый* – солярен. Это свет солнца, интеллект, интуиция, вера и божество. Темно-*желтый* означает предательство, измену, ревность, амбицию, скупость, скрытность, обман, неверие. *Желтый* или желто-черный флаг означает карантин. *Желтый* крест означает чуму. У американских индейцев это заходящее Солнце, запад» [CRC]. В свою очередь, в китайском Интернете *желтый* цвет обозначает что-то порнографическое – как считается, под сильным влиянием западной культуры. Так, китайское выражение 很黄很暴力 («слишком *желтое*, слишком много секса»), по данным языкового мониторинга 2008 г., было одним из самых частотных выражений в китайском интернет-языке.

В русском языке, и особенно в Рунете, очень частотными являются выражения, связанные с термином *желтый* в отношении СМИ: *желтая пресса*, *желтый журналист*, *желтая новость* и т.п. Напр.: «Ни для кого не секрет, что многие пользователи активно реагируют на всякие скандалы, интриги, эротику и прочий “*желтый*” контент, и это естественно для такого большого коммьюнити. Плюс само наличие рейтинга записей вносит элемент соревновательности между журналами, и некоторые владельцы журналов активно используют “*желтые*” темы для получения большего охвата за короткий промежуток времени» [CRC]. Высказывалось предположение, что это значение в русском языке появилось под влиянием западной культуры. В китайском языке под влиянием интернет-общения также появилось новое выражение с прилагательным *желтый*, явно исторически связанное с массмедиа,

однако получившее в Интернете новое значение: 网黄 («желтая знаменитость в Интернете»). Этот термин используется для обозначения блогера, получившего известность и приобретающего подписчиков через публикацию в своем блоге постов с безвкусным, сексуально мотивированным содержанием.

Интересно также отметить, что в русском Интернете, как и в реальной коммуникации, *желтый* цвет у большинства носителей русского языка сегодня ассоциируется с изменой, разлукой и негативными переживаниями, которые связаны с ситуациями измены и предательства. Напр.: «То / что я сказала / что я очень расстроилась / рассказала тебе всю ситуацию / но если ты обвиняешь меня сейчас во всех смертных грехах / Антон / то я дарю тебе шас эти желтые цветы в честь того / что мы с тобой расстанемся» (Реалити-шоу «Дом-2» на телеканале ТНТ, 2006). В китайском Интернете также есть аналогичное значение, однако оно манифестируется другим цветом: *зеленый* цвет (если говорят о шапке) считается признаком неверности жены в браке. В Китае существует выражение «носить *зеленую* шапку», которое синонимично русскому слову «рогоносец». Мужчина в *зеленой* шапке означает в представлении китайцев, что это человек, которому изменила жена, поэтому какую бы шапку ни носил китайский мужчина, она может быть любого цвета, но только не *зеленого*. (Заметим, что это типичный пример возможного источника межкультурных конфликтов, поэтому на это стоит обратить особое внимание в общении русских с китайцами.)

В целом можно утверждать, что *желтый* цвет играет важную роль и в русском и в китайском Интернете. Универсальной основой большинства культурных коннотаций значений этого цветообозначения является то, что *желтый* часто выступает как цвет солнца, тепла, радости. Такая ассоциация, по-видимому, является общечеловеческой, и в языке Интернета она нашла отражение в изображении так называемых эмотиконов, или «смайликов», ставших универсальным явлением в интернет-общении и даже перешедших из сферы Интернета в реальную жизнь. Например: «...купила кеды... оранжевые, а сбоку желтый смайлик типа оникс=))) хехе» (из собрания русскоязычных блогов CRC). Поэтому все эмоционально положительные смайлики – *желтого* цвета, ведь они изначально призваны поднять настроение (отрицательные эмоции, чаще всего, отображают смайлики красного цвета).

Также оказалось, что *желтый* цвет стал использоваться более широко и интенсивно в графической составляющей интер-

нет-дизайна – прежде всего, для привлечения внимания к гиперссылкам и общего обозначения тематики сообщения, которое обозначено гиперссылкой. Например, популярность многочисленных китайских сайтов типа «Жёлтая Стрела» связана как с их информационным наполнением («желтая стрела» является здесь символом вещей и мест с личными историями), так и с базовым свойством желтого цвета как привлекающего внимание знака, что стало в Интернете универсально принятым способом мотивации пользователя к активации значимых гиперссылок. См. также типичный пример из текста русскоязычной блогосферы: «...движением мыши с нажатой левой клавишей можно “осмотреть” данное место города со всех сторон, посмотреть, на небо и под ноги. Используя стрелки, можно гулять по городу и осматривать Нью-Йорк. Желаете на Тайм Сквер? Пожалуйста! Если на участке карты, находящейся в зоне обзора, нет возможностей прогулок, то человек не желтый, а серый» (из собрания русскоязычных блогов CRC).

По данным анализа разных толковых словарей можно сделать вывод о том, что практически каждое цветообозначающее слово из рассмотренных нами может приобретать новые значения, которые начинают все более часто употребляться в интернет-общении. Наши данные также свидетельствуют, что новые значения рассмотренных цветов часто возникают в интернет-коммуникации с использованием разных стилистических приемов, прежде всего, метафоры и метонимии, которые помогают выразить особенности каждого цветообозначения в новой коммуникативной среде. Например, приведенное выше выражение для китайского обозначения «желтого блогера» 网黄 («желтая знаменитость в Интернете»), которое возникло из переносного значения прилагательного *желтый*, изначально связанного с сексуальной сферой). Устойчивое выражение «попасть в черный список» не только перешло в интернет-язык, но и получило в современном языке новое значение, а также породило противопоставленное новому значению антонимическое выражение «белый список», этимологически связанное, как и выражение «черный список», с английским языком. Например: «Не лишним будет также добавить, что стоп-лист является редактируемым, и состоит из двух частей – черный список (нехорошие веб-узлы); белый список (хорошие веб-узлы, имеющие несчастье быть похожими на некоторые нехорошие). [НКРЯ: “1 PS: Статьи по созданию и раскрутке сайта – Общие темы: Что такое баннеры и как их едят”]». В современном

интернет-жаргоне появилось также выражение «белая оптимизация», которое, в отличие от «черной оптимизации», означает выполнение поисковой оптимизации (подстройка кода, текста и других параметров сайта под алгоритмы поисковых систем с целью поднятия его позиций в выдаче) без применения запрещенных и недобросовестных методов. Напр.: «Мы ведь говорим о поисковом спаме. Белая оптимизация уже давно перестала быть белой, к сожалению» [НКРЯ: «Почти Вся Правда о Дорвеях И Дорвейщиках, Или»].

Аналогичные явления наблюдаются и в китайском языке. В китайском Интернете очень распространено выражение 网红 («красная знаменитость в Интернете»), которое используется для обозначения очень известного и влиятельного в интернет-пространстве человека. Это понятие привело к формированию вокруг этой метафоры нового семантического поля, представленного в языке в устойчивых словосочетаниях. Появились и стали очень частотными выражения: 网红美食 («деликатес красной знаменитости в Интернете») – обозначение вкусной еды, каких-то блюд, которые известный человек рекламируют в Интернете; 网红经济 («экономика красной знаменитости в Интернете») – ключевое явление в социальной сети, которое через сбор лайков и подписчиков в социальных сетях конвертируются в реальный доход владельца популярного социального аккаунта, поскольку увеличивают спрос на некоторый товар или услугу, и т.д.

Как показывает проведенный нами анализ значений основных цветов (*белого, черного, красного, желтого*), влияние культурных элементов в функционировании слов-цветообозначений в русском и китайском языках чрезвычайно велико: оба языка сохраняют свою традиционную привязанность к тому или иному цвету. Однако цветовые коннотации у русских и китайцев могут существенно различаться, поэтому незнание культурно-исторических значений отдельных цветов, связанных с ними ассоциаций и коннотаций, в случае несовпадения последних в рассматриваемых языках могут мешать коммуникации, становясь иногда источником конфликтных ситуаций. Так, для китайцев самый любимый цвет на свадьбе – *красный*, так как он символизирует счастье, радостное событие, а для русских – *белый*, символ чистоты помыслов и намерений, знак верной любви. Русский мужчина может носить шапку любого цвета, в том числе зеленую, в то время как мужчины Китая всячески избегают этого. Отметим также еще одно социальное явление, связанное с употреблением слов-цвето-

обозначений в языке средств массовой информации в Интернете. Новое слово или слово в новом значении в них – это отражение каких-то новостных событий, социальных изменений. Лексемы, обозначающие *красный*, *белый*, *черный*, *желтый* цвета, вошли во все области информационного обеспечения: политику, экономику, культуру, просвещение, технику, производство и жизнь. Например, словосочетание 白富美 («богатая и красивая девушка с белой кожей») сегодня широко используется в китайском Интернете для нового обозначения красавицы; заимствованный из английского языка компьютерный термин *черный список* не только повсеместно употребляется в общении интернет-пользователей в России и в Китае, но известен в этом значении во всем мире; *желтый* и *белый* цвета не только собственно хроматические цвета, но и обычные, простые, фамилии в современном Китае. Таким образом, можно заметить, что новое время дает новый импульс развитию цветообозначений, а появление нового цветообозначения (или нового смысла у старого термина) придает новую энергию развитию культуры и языка. Вместе с тем некоторые «старые» коннотации (прежде всего, исторически обусловленные или связанные с древней / традиционной религией и т.п. тематикой) практически не используются в интернет-общении в китайском сегменте Интернета или встречаются чрезвычайно редко – преимущественно в специальных текстах узкой тематической направленности (в Рунете). Важно понимать при этом, что язык интернет-общения непосредственно связан и с традиционными коммуникативными практиками, поскольку интернет-пользователи живут не только в Сети, но и в реальной жизни. Поэтому язык электронного общения, повидимому, неизбежно повлияет и в целом на все современные языки. Это влияние можно рассматривать как двустороннее: с одной стороны, из живой речи в Интернет проникает огромное количество разговорных, сленговых, диалектных форм и грамматических особенностей, с другой – наблюдается обратный процесс, при котором в живую речь попадают сленговые (и не только) элементы, рожденные в среде Интернета. Возможно также, что вследствие глобализации адресата интернет-общения начнут постепенно терять свою актуальность некоторые «старые» культурно-исторические коннотации, что неизбежно приведет к их лингвистической (стилистической) маргинализации.

Список литературы

- Венедиктова Ю.Е.* СМС-сообщения: Опыт типологического исследования: (На материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 217 с.
- Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: (На материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 212 с.
- ГИКРЯ: Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). [Электрон. Ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 20.07.2019).
- Горшкова Е.И.* Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 23 с.
- Дедова О.В.* О языке Интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – 2010. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazyke-interneta> (дата обращения: 20.07.2019).
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.
- Касумова М.Ю.* Компьютерный дискурс как полиаспектная разновидность речи // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – Дніпропетровськ: Дніпропет. ун-т, 2009. – N 17, вип. 15 (2). – С. 52–59.
- Кедрова Г.Е.* Глобализация и особенности англоязычного научного дискурса // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса мировой глобализации / ИНИОН РАН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. Казак Е.А., Потапов В.В. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – С. 73–92.
- Кульпина В.Г.* Изучение социоментальной детерминированности терминов цвета в современном русском языке // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики): Сб. обзоров / Отд. языкознания ИНИОН РАН. – М., 2005. – Режим доступа: <http://istina.msu.ru/media/publications/articles/6c9/060/1418011/CvetoTermINION.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
- Лунёва Ю.В.* Интерлексикологический подход к изучению Интернет-языка // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – М., 2011. – № 3. – С. 68–73.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Морозова О.Н.* Особенности Интернет-коммуникации: Определение и свойства // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-kommunikatsii-opredelenie-i-svoystva> (дата обращения: 20.07.2019).

- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.07.2019).
- Новиков Ф.Н.* Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 22 с.
- Рыжков М.С.* Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса: На материале русского и англоязычных чатов: дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2010. – 273 с.
- Смирнов Ф.О.* Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2004. – 224 с.
- Яндекс. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.yandex.ru (дата обращения: 20.07.2019).
- Baidu. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.baidu.com (дата обращения: 20.07.2019).
- Bill Gates. «Content is king» – BILL GATES (1/3/1996). [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.craigbailey.net/content-is-king-by-bill-gates/> (дата обращения: 20.07.2019).
- CRC: Collection of Russian Corpora. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>
- Hootsuite: Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и в России. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 20.07.2019).
- Internet World Stats Usage and Population Statics. Internet growth statistics. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/emarketing.htm> (дата обращения: 20.07.2019).
- Kraidy M.* Hybridity, or the cultural logic of globalization. – Philadelphia: Temple Univ. press, 2017. – 226 p.
- McLuhan M.* The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. – Toronto: Univ. of Toronto press, 1962. – 293 p.
- McLuhan M.* War and peace in the Global Village. – N.Y. et al.: Bantam books, 1968. – 193 p.
- McLuhan M.* Understanding media: The extensions of man. – Cambridge; L.: MIT press, 1995. – 47 p.
- Odlyzko A.* Content is not king: First Monday. – [S.l.], 2001. – Feb. – Mode of access: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/833/742> (дата обращения: 20.07.2019).
- Robertson R.* Globalisation or glocalisation? // J. of intern. communication. – 2012. – Vol. 18, N 2. – P. 191–208.
- Sina Weibo. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weibo.com> (дата обращения: 20.07.2019).

А.В. Циммерлинг

**КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ
В ЯЗЫКЕ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ИВАНА III¹**

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Институт языкознания РАН, МПГУ, Москва, Россия,
fagraey64@hotmail.com*

Аннотация. Посольские книги Ивана III являются важнейшими памятниками позднерусского периода, запечатлевшими многообразие типов речевого поведения в ситуации контактов между разными восточнославянскими идиомами и диалектами позднерусского языка. Большая часть грамот написана на московском диалекте, при этом часть грамот записана билингвами – носителями татарского языка. В посольские книги Москвы также включались оригинальные тексты на позднерусском и староукраинском языках, составленные вне Москвы. Шанс определить диалект писца возникает тогда, когда язык грамоты отклоняется от стандартов, принятых в блоке дипломатической переписки с соответствующим государством. Для повышения точности реконструкции требуется параметризация грамматики русского языка конца XV – начала XVI вв.

1. Конфликт в науке и политике

Датировка распада восточнославянской общности и возникающие в связи с этим проблемы периодизации русского языка и истоков белорусского и украинского языков [Trubetzkoy 1925; Карский 1955; Булаховский 1956] – область постоянного конфликта,

¹ Работа написана при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина. Я благодарю А.В. Дыбо за консультацию. Ответственность за все недочеты несет автор.

имеющего не только научное измерение. Какова бы ни была мотивация того или иного решения – лингвистическая, историческая, политическая, этнокультурная – признание того или иного идиома XIV–XVI вв. формой позднерусского, старорусского, староукраинского или старобелорусского языков, пока жив политический конфликт и существуют национальные школы и примыкающие к ним международные анклавы гуманитарных ученых, всегда будет восприниматься как политически нейтральное. Достаточно сказать, что язык Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) – государства, в составе которого в XIV–XVI вв. была большая часть земель Киевской Руси [Соболевский, 1980, с. 56], в зависимости от избранного подхода, определялся как койне, связанное с юго-западными (= ‘староукраинский язык’) или западными диалектами (= ‘старобелорусский язык’), как ‘западный диалект позднерусского языка’ [Соболевский, 1980, с. 71; Stang 1935; 1939], либо как особый язык (= ‘русинский’, ‘рускамова’), см. [Иванов, 2003]. В этих условиях, любое утверждение об исчерпанности конфликта, мире и дружбе между всеми славянскими народами и консенсусе между разными научными школами тоже является политическим. Еще одной идеологизированной и политизированной проблемой, независимо от прямого вмешательства государства в вопросы исторической русистики, является признание восточнославянского текста домонгольского периода формой древнерусского или церковнославянского языка [Горшков, 1969, с. 27–120; Филин, 1981, с. 19–292]. Вплоть до недавнего времени концепция, где жестко разграничиваются модельные понятия *диглоссии*, т.е. дополнительного распределения языков в зависимости от коммуникативной сферы и *билингвизма*, т.е. возможности переключения языкового кода в одной и той же коммуникативной сфере [Успенский, 1994] была под запретом для преподавания в отечественных вузах.

2. Параметризация грамматики и отождествление идиомов древнерусского языка

В последние десятилетия, в связи с обнаружением массива берестяных грамот XI–XV вв. и их комплексным лингвистическим описанием [Зализняк, 2004] стало ясно, что квалификация того или иного восточнославянского книжного памятника (летописи, трактата, жития, сборника текстов и т.п.) домонгольского периода как собственно древнерусского или гибридного церковнославянского

зависит от полноты описания некнижных памятников в области орфографии, фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. При этом в части книжных памятников есть фрагменты, в первую очередь – прямая речь – и регистры, приближенные к некнижным памятникам и, в конечном счете, к устной речи. Данная гипотеза не нова, но строго доказать ее оказалось возможным лишь при формализации описания раннедревнерусского языка в области порядка слов и последовательной проверке параметров расстановки энклитик в книжных и некнижных памятниках [Зализняк, 2008, с. 84–90; Зализняк, 2007, с. 35–66].

Для центрально-великорусских памятников Великого Княжества Московского (далее – ВКМ) XIV–XVI вв. такая процедура лишь намечена, а для идиом ВКЛ не реализована вовсе, что возвращает обсуждение степени близости идиомов ВКМ и ВКЛ в XIV–XVI вв. в область политизированных оценок и манифестов научных школ.

3. Идиомы ВКЛ, ВКМ и посольские книги Ивана III

Язык ВКЛ является письменным койне, использовавшимся в локальных актах, договорах и дипломатической переписке – прежде всего, с главным внешнеполитическим противником, т.е. ВКМ, но также и с другими государствами. Многие тексты, написанные на идиоме ВКЛ, включены в посольские книги московского Ивана III (1462 – 1505) и являются их существенной частью. Первая грамота в переписке с ВКЛ с ВКМ – посольство князя Тимофея Мосальского в Москву – датируется октябрём 1487 г. [ПДС 35, 1882, с. 40]. Кроме переписки с ВКЛ, посольские книги Ивана III содержат еще более обширный массив переписки ВКМ с главным внешнеполитическим союзником – Крымским ханством, см. [Карпов, 1867]. Первая грамота в переписке с Крымской и Ногайской Ордами, Турецким и Кафинским султанами – инструкция послу Никите Беклемишеву, ездившему в Крым для заключения союза с ханом Менгли-Гиреем, относится к марту 1474 г. [ПДС 41, 1884, с. 44]. Объем и интенсивность переписки с Римской Империей в эпоху Ивана III в разы меньше. Первая грамота в переписке со Священной Римской Империей и Венгрией – переговоры с послом Николаем Поплевым (Николаусом Поплау) в Москве, датируется 1488 г. [ПДС 1, 1859; ПДС 35, 1882].

Три дошедшие до нас книги дипломатических сношений Ивана III с иностранными державами, являющиеся не только важ-

нейшими историческими источниками [Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 г., учиненный Н.Н. Бантыш-Каменским в 1808 г., 1893; Рогожин, 1994], но и рубежными памятниками позднедревнерусского языка, запечатлевшими нормы приказного стиля в массиве текстов беспрецедентного для своего времени сложности. Дошедшие до нас посольские книги содержат не только окончательные тексты мирных договоров и их проекты, но и *вѣрющие* (верительные) грамоты, *памяти* (инструкции для послов), а также заготовленные и произнесенные речи, протоколы переговоров, донесения и записки.

Своеобразие языковой ситуации, стоящей за посольскими книгами Ивана III, заключается в том, что главным внешнеполитическим противником Москвы в этом период было государство, где говорили на том же или почти том же языке – идиоме ВКЛ. Устные и письменные переговоры с ВКЛ в Москве и Литве шли без переводчика. Напротив, главным внешним союзником Ивана III было государство, язык которого был большей части населения ВКМ непонятен – Крымское ханство при хане Менгли-Гирее (1467; 1469–1475, 1478–1515). Переговоры с Крымской и Ногайской Ордами, турецким и кафинским султанами осуществлялись при помощи двуязычных устных переводчиков (толмачей) и двуязычных письменных переводчиков (писарей, бакши). Переговоры с Римской Империей шли на языке-посреднике, в роли которого выступал латинский: специалистов, в достаточной мере знавших немецкий язык, в эпоху Ивана III не было.

Отождествление идиомов ВКЛ и ВКМ в текстах посольских книг 1474–1505 гг. затрудняется тремя обстоятельствами. Во-первых, сами посольские книги дошли до нас в поздних списках. Во-вторых, без специального анализа неясно, в какой мере тексты грамот немосковской стороны и речи литовских послов в Москве подвергались редактуре московских писцов Ивана III. В-третьих, не изучен вопрос о том, насколько сильно варьирует язык в массиве оригинальных московских грамот, составленных преимущественно одноязычными носителями ВКЛ и в массиве переводных текстов, записанных билингвами, знавшими татарский язык.

4. Устная речь и конфликты в текстах XV в.: Как поссорились Борис Семенович с князем Константином

В литературе иногда подчеркивается, что насыщенный германизмами, латинизмами и канцелярскими формулами язык де-

ловых грамот ВКЛ был понятен лишь части русского населения Литвы, в то время как крестьяне и большая часть городского населения его понимали плохо [Соболевский, 1980, с. 72]. Но радикальная точка о том, что идиом ВКЛ (самоназвание – *рускамова*) был сугубо письменным языком, отличным от так называемой *простой мовы*, т.е. разговорного языка белорусско-литовских диалектов, осколки которого были обнаружены диалектологами XX вв. [Иванов, 2003], т.е. применение модели диглоссии к паре *рускамова* (= письменный идиом ВКЛ) vs *проста мова* (= устный идиом ВКЛ) выглядит полемическим преувеличением. С опорой на тот же аргумент можно было бы доказывать, что язык современных русских СМИ, научных статей и инструкций к товарам, а также речь политиков и журналистов по телевидению, перенасыщенная англицизмами, кальками, бюрократическими клише и профессиональным жаргоном – это не русский язык, «потому что большинство населения так в быту не говорит». Такой вывод применительно к современной языковой ситуации, разумеется, возможен, но его озвучивание будет формой демагогии или пародии на научный анализ. «Реальность» и «жизнь как она есть» – это не реальность, а конструкты, апелляция к которым всегда является демагогическим приемом [Булыгина, Шмелев, 1997].

Язык дипломатического протокола в заранее заготовленных речах послов и заранее написанных посольских грамотах не является зеркалом живого общения. Тем не менее приближение к устной речи можно наблюдать в описаниях бесед с послами и некоторых фрагментах самих посольских грамот, где описываются конфликтные ситуации. Набор таких ситуаций в массиве грамот Ивана III широк: иноземные купцы столкнулись с произволом местных или таможенников [ПДС 35, 1882, с. 23], посол выпил лишнего на пиру и расшибся [ПДС 35, 1882, с. 385], при нападении разбойников посол спешно топит в реке инструкции [ПДС 41, 1884, с. 364], посол вступил в конфликт с принимающей стороной и доложил в Москву о вымогательстве [ПДС 41, 1884, с. 273], принимающая сторона обвинила членов посольства в контрабанде и хулиганстве [ПДС 41, 1884, с. 393–394], великий князь угрожает членам своего посольства казнью в случае нарушения инструкций [ПДС 35, 1882, с. 428], хан не может прочесть плохо переведенную грамоту и задерживает гонца [ПДС 41, 1884, с. 488]. Тем не менее сам язык дипломатических агентов в прямом общении друг с другом ориентирован не на выражение агрессии и конфликта, а

на достижение компромисса, по крайней мере, – на продолжение диалога после озвучивания претензий и изложения своей позиции.

Примеры агрессивного языкового поведения есть в других текстах ВКЛ, где приводятся или пересказываются речи участников конфликта. Так, в Литовскую Метрику попал текст протокола судебного заседания 10 августа 1495 г. в Вильне, где два русскоговорящих чиновника ВКЛ – смоленский казначей князь *Константин Крошинский* и деменский наместник *Борис Семенович* – обменивались оскорблениями. Судя по контексту, первый из названных был знатнее, а второй – стоял выше в служебной иерархии и был могущественнее¹. Князь Константин² жаловался на то, что наместник назвал его, в современных терминах, вором и рейдером, незаконно присвоившим семь волостей. На что Борис Семенович отвечал, что противник начал обзывать первым, назвав его выскочкой и подонком (*лихого баткасыномъ, зрадчикомъ*).

¹ Борис Семенович, несомненно, был лицом влиятельным. Он неоднократно упоминается в переписке ВКЛ с ВКМ как дворянин, наместник мценский и окольный смоленский [ПСГ 35, 1882, с. 218; с. 267; с. 400; с. 446; с. 470–473]. В 1496 г. его мценские волости по договору с ВКМ отошли к Москве, на что Ивану III указывает хорошо знакомый москвичам посол Федко Григорьевич. В июле 1498 г. новый посол, Ивашко Сопега, жалуется на то, что Борис Семенович, названный в грамоте *наместником мценским*, пострадал при набеге московских отрядов на Мценск. В какой-то момент его увели в плен, о чем говорит литовский гонец, исполнявший обязанности посла (так называемый *легкий посол*), полочанин Петрашко (Петр Семенович) Эпимахович зимой 1503 г. [ПСГ 35, 1882, с. 218], но скорее всего, быстро отпущен. После заключения перемирия (1503 г.), очередной литовский посол, дьяк Злоцкий, приехавший в Москву в декабре 1504 г. упоминает о ранее высказанной москвичами жалобе на то, что Борис Семенович, названный *окольным смоленским*, ограбил московских купцов: оригинальная московская грамота, где излагается эта жалоба, до нас не дошла.

² Князя Крошинские, Филип и Константин, упомянуты в самой первой дошедшей до нас грамоте в переписке ВКЛ с ВКМ – посольстве князя Тимофея Масальского (октябрь 1487 г.). Посол жалуется на то, что Великий Князь Московский отнял их волости в Тешинове, Сукромно, Надславле и Отьездце и отдал своему дьяку Василию Долматову [ПДС 35, 1882, с. 3]. В ответной грамоте Великий Князь Московский отвечает, что эти волости издавна *тянули* к Можайску [ПДС 35, 1882, с. 6]. Можайск до 1491 г. был удельным княжеством на службе ВКМ. Константин Крошинский много раз упоминается в Литовской метрике в связи с местными смоленскими делами. Он неизменно называется *казначеем смоленским*: последнее упоминание при Великом Князе Александре датируется ноябрем 1503 г. [ЛМ 6, 2007, с. 332].

(1) И Борисъ передь нами рекъ: **мовил деи¹ есми ему против его словъ, что мя он назвалъ лихого батка сыномъ, зрадчиномъ** [LM 6, 2007, с. 116].

Перебранка затянулась – препирались (*спирали ся*) чиновники долго и крепко.

(2) И много ся о то спирали. Борисъ мовить: **ты мя первей примовил**. А Костянтинь мовить: **ты мя первой назвалъ татемъ** (*ibid.*).

Констатин сослался на высокопоставленных свидетелей оскорбительных слов Бориса. Суд предложил Борису подтвердить обвинение, чего тот не сделал, но высказал новые претензии Константину, после чего помянул дурным словом (*примовил ку чсти*) все семейство оппонента. Упоминание эпитета *широко* ‘в общих чертах’ в описании последующей беседы означает, во-первых, что участники конфликта себя не сдерживали, а во-вторых, не приводили доказательств (*доводов*).

(3) А далее Борисъ **примовил ку чсти деду и отцу и матце кн(я)зя Костантиновой**. И **широко** о том перед нами межи собою **розъмовляли** [LM 6, 2007, с. 117].

В конце концов, Борис пригрозил обнародовать новый компромат (*иных речей² много*) на Константина и при удобном случае доказать его:

(4) А далее Борисъ на кн(я)зя Костянтина перед нами рекъ: **ведаю бо я ещо на тебе и иных речей много, але какъ того часъ будетъ, тогды буду мовити** (*ibid.*).

Князь Константин явно опасался этой угрозы наместника и верил в то, что тот сможет организовать нужное свидетельство при помощи свои денег (*накупити на мене*) и властных ресурсов (*а мовити на мене што хотя*):

(5) И кн(я)зь Костянтинь перед нами рекъ: **ведаешъ ли на мене што, мовъ тепер перед г(о)с(по)даремъ его м(и)л(о)стью, и я ся рад того всего перед его м(и)л(о)стью справит, а потомъ ты мощешъ приятелей моихъ направити або накупити на мене а мовити што хотя** (*ibid.*).

В итоге суд кончился ничем, но князь Константин на всякий случай запасся справкой суда о том, что он сам и члены его семьи – честные люди. Формуляр дан от имени Великого

¹ Частица *деи* ‘по чьим-либо словам’ относится не к речи Бориса, а к тексту писца грамоты.

² Слово *рѣчь* в идиоме ВКЛ в данном контексте значит ‘вещь’.

Князя Литовского Александра (1494–1506) – основного контрагента посольских грамот Ивана III в переписке с ВКЛ:

(6) И во всем есмо кн(я)зя Костянтина, яко слугу нашего верного, оправили, **и деда, и отца его и матку его, и его самого при чсти zostавили** (ibid.).

Есть основание полагать, что посольские грамоты ВКЛ писали люди того же круга, что писец Виленского суда, запечатлевший перебранку Бориса Семеновича с князем Константином. Но оформление посольских грамот в нормальном случае не предполагало освещения ситуаций вроде описанной выше. Происхождение большинства писцов ВКЛ неизвестно, но есть значительное количество локальных актов XIV – начала XVI в., связанных с г. Полоцком, ср. издание [Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в., 2015]. Язык полоцких грамот обнаруживает значительную близость к языку посольских грамот литовской стороны. В качестве послов и в составе посольств ездили Ян Забerezинский и Станислав Глебович, в разные годы державшие полоцкое наместничество, зять Станислава Глебовича, магнат Ян Сапега (*Иван Семенович, он же Ивашко Сопъжыч*), полоцкие бояре и дворяне. Их речи, вероятно, писали те же писцы, которые оформляли для них локальные акты.

5. Идиом ВКЛ и посольские грамоты

Особенностями грамот литовской стороны, соответствующих узусу полоцких грамот того же периода, являются форма союза и местоимения *што* при московском *что* и *що*, а также частое употребление союзов *штобы* и *штоже*. Используются отсутствующие в грамотах московской стороны союзы *ижбы* и *ажбы*, а также спрягаемые формы аориста глагола *быти* – *быхъ*, *быхмо* и т.д., в том числе – после начального союза *а* – *абыхъ* и т.д. Данные черты идиом ВКЛ отражают польское влияние. Имеются бесспорные полонизмы в области лексики, в том числе – использование слова *лист* в зн. ‘грамота’, *жадный* в зн. ‘ни один’ и т.п.

Форма связки 1 л. мн. ч. в памятниках XIV–XVI вв. отражает распределение позднерусских диалектов. В полоцких грамотах 4 раза встречается диалектная северо-западная форма 1 л. мн. ч. *есме* (№ 2, 52 и 162). В посольских грамотах литовской стороны этой формы нет, обобщено употребление формы 1 л. мн. ч. *есмо*. В полоцких грамотах и Литовской Метрике 1479–1506 гг. [LM 4, 2004; LM 6, 2007] нет формы 1 л. ед. ч. *есмя*, которая раз-

вилась из *есме* в якающих центральновеликорусских диалектах конца XIV–XV вв. [Молдаван, 2020]. В посольских грамотах литовской стороны она встретилась несколько раз, что можно объяснить ошибками московских писцов, в XVI–XVIII вв. переписывавших литовские книги. В переписке с Крымом и Ногайской Ордой форма *есмя* обобщена, в том числе – в речах татарской стороны, зато в грамотах московской стороны западная форма *есмо* вместо ожидаемого *есмя* встречается несколько раз в контексте пересказа слов литовской стороны. Этот курьез можно объяснить двояко – либо небрежностью переписчиков, либо этикетным копированием предшествующего текста, подтверждающим, что московская сторона точно поняла (*дополна розумѣла*) обращенные к ней речи¹. Церковнославянской / южнорусской формы 1 л. мн. ч. *есмы* в массиве переписки с Литвой нет. В полоцких грамотах она зафиксирована несколько раз (№ 1, 11, 16, 474), но бесспорных примеров в текстах XV в. нет.

Маловероятно, чтобы варьирование формы связки 1 л. мн. ч. или произношение начальных согласных в союзе что как /ч'т/ ~ /ш'т'/ ~ /шт/ затрудняло переговоры. Для признания идиома ВКЛ и идиома ВКМ в массиве посольских грамот разными языками не больше оснований, чем для признания новгородского диалекта XI–XV вв. отдельным языком, отличным отдревнерусского.

6. Перевод и переводчики

Отсутствие языкового барьера на переговорах ВКЛ с ВКМ подтверждается не только отсутствием толмачей. Литовские магнаты, ездившие с посольствами в Москву, владели устной формой позднерусского языка, в их распоряжении были русские писцы, готовые записать любой акт. Эта ситуация подтверждается перепиской виленского наместника Яна Заберезинского с новгородским наместником Яковом Захарьичем Кошкиным в 1492 г., где зондировалась почва для заключения мирного договора между Литвой и Москвой и брачного союза между дочерью Ивана III и Великим князем литовским Александром. Ян сперва посылает к

¹ Данная особенность московского этикета позже, в конце XVI в. изумила не привыкшего к ней человека – польского короля Стефана Батория: ознакомившись с обращенным к нему изысканным посланием Ивана Грозного, король якобы спросил у приближенных, не собирается ли автор письма излагать все, начиная с Адама.

Якову своего писаря *Лаврина*, а затем – гонца по имени *Ивашко Ермолов* [ПДС 35, 1882, с. 124–127]. Переговоры с немецкими и венгерскими послами изначально шли через толмачей, знавших латинский язык: как-то объясниться с Николаусом Поплау мог и один из руководителей внешней политики Ивана III, дьяк Федор Курицын¹.

В составе посольств, направлявшихся в Крым, Казань и Ногайскую Орду, всегда были толмачи, знавшие татарский язык. Толмачи, знавшие русский язык, иногда упоминаются и в составе посольств из Крыма. Имена московских толмачей – *Иванча, Борис, Илейка, Якуш, Коняй, Кудаш* – говорят о том, что среди них были как крещеные, так и некрещеные татары, лояльность которых была проверена. Новокрещеным толмачам не всегда доверяли. Так, в 1491 г., при после по имени *Степан Федцов Мансуров*, направлявшемся в Ногайскую Орду и Казань, находился *Бориско Марков*, имевший, в современных терминах, доступ к секретной информации – он мог переводить *речи наодинѣ*. Второй толмач, *Петруша Новокрещеной*, такого доступа не имел, и инструкции посла предписывали его к переговорам *наодинѣ* не привлекать [ПДС 41, 1884, 173–174].

В XV – начале XVI вв. на службе Великих князей московских, в том числе – в самой Москве² и в Подмоскovie [Зайцев, 2018] было много билингвов, знавших русский и татарский языки. Они регулярно ездили в качестве гонцов, курьеров, приставов и толмачей. Подобные билингвы были и в распоряжении крымского хана. В дипломатической переписке сообщается о том, что в 1500 г. из Крыма в Москву пришли татарские грамоты с приложенным русским текстом [ПДС 41, 1884, с. 372]: эти грамоты хан переслал в Москву; соответствующий факт упомянут и в переписке с ВКЛ.

¹ См. «И <князь великий> велѣлъ *Феодору* у него <посла Николая> его рѣчивыписати того дѣля, что онѣ толмачемъ не хотѣлъ говорить» [ПДС 1, 1851, с. 40]. Послы должны были передать текст своих речей заранее, если речь была публичной. Если же посол претендовал на то, чтобы Великий князь выслушал конфиденциальную информацию *наодинѣ*, т.е. без бояр, он должен быть предоставить запись этих речей. Что посол и сделал при помощи Федора. Речи, которые русские послы должны были произнести публично или *наодинѣ*, писались заранее: в случае нападения посол должен был уничтожить их.

² Московских татар посольские книги именуют *сlobодскими*, к ним принадлежали, например, гонцы *Кудаш Шемякин сын* и *Кожух Карачеев сын* [ПДС 41, 1884, с. 172], а также толмач *Коняй*, ездивший в составе посольств в Крым и Валахию [ПДС 41, 1884, с. 199].

Уже в 1492 г. хан Менгли-Гирей присылал в Москву грамоту, написанную *рузьскимъ письмом* [ПДС 41, 1884, с. 35]. Житель одного из крупнейших торговых городов Восточной Европы – Кафы (Феодосии), *Алакозь* (Ала-Гёз, в посольских грамотах имя передается и как *Алагиозъ*, *Алакозь*, *Алякозь*), сперва ездил толмачом при посольстве кафинского султана в октябре 1499 г. [ПДС 41, 1884, с. 326], а позже сам был послом в Москве¹. В начале 1501 г. упоминается о том, что Великий князь литовский Александр послал с дипломатическим поручением в Крым своего толмача, армянина *Берендея* [ПДС 41, 1884, с. 376; с. 390]. В это время прикомандированный к московскому послу князю Федору Ромодановскому московский толмач *Илейка* был захвачен в плен и предположительно уведен в Азов, причем в нападении на московских послов участвовал не названный по имени азовский толмач [ПДС 41, 1884, с. 391].

Письменный перевод с татарского и на татарский требовал большей квалификации и уровня образования. С октября 1489 г. татарские и турецкие грамоты в Москве переводил *Абляз Бакшей* (Аблез Бакши), пользовавшийся особым доверием великого князя [ПДС 41, 1884, с. 121; 378]. В одном случае мы располагаем разными переводами двух версий послания турецкого султана (1498): один из переводов выполнен самым Абляз Бакшеем, а другой – неким *молной* (т.е. муллой) *Шамахийским*. Неясно, кто переводил грамоты (ярлыки) татарских ханов до 1489 г., но в посольских книгах приведен русский текст ярлыка хана Большой Орды Муртазы, адресованный Ивану III, а также перехваченный ярлык Муртазы, адресованный касимовскому хану Нур-Девлету: оба ярлыка были пересланы в Крым хану Менгли-Гирею [ПДС 41, 1884, с. 111–113]. В апреле 1490 г. (грамота № 24) впервые прямо говорится, что московская грамота в Крым была направлена *татарским письмом* в переводе Абляз Бакшея. В ноябре 1491 г., когда по случаю эпидемии крымских послов поместили под карантин в Волконе, Абляз Бакшею и приданным ему толмачам *Борису Тарханову* и *Чюре*² было поручено не только перевести привезенные

¹ Тот же Алакозь был послом и в Великом княжестве литовском не ранее 1497 г. [LM 6, 2007, с. 82].

² Подъячий и толмач Борис Тарханов, он же *Борис Белый*, был известным в Москве человеком, см. раздел 8. ниже. В 1500 г. он упоминается как <бывший> толмач князя Семена Ряполовского (казненного в январе 1499 г.). Толмач Чюра тоже упоминается много раз в связи с посольствами в Крым, в Киев (из Крыма) и Астрахань [ПДС 41, 1884, с. 120; с. 184; с. 191; с. 261; с. 367; с. 369; с. 486; с. 494], его называет в своем письме и царица Нурсултан (ум. в 1519 г.) [ПДС 41, 1884, с. 194].

из Крыма грамоты, но запротоколировать речи послов [ПДС 41, 1884, с. 163–164]. Параллельно опрашивался пришедший из Крыма московский посол князь Василий Ромодановский, *‘и онъсказывал то же, что и царевы послы сказывали и что въграмотах писано’* [ibid., 170]. Тем самым, перевод Абляз Бакшея и его помощников подтвердился.

7. Качество перевода и конфликтные ситуации

7.1. Язык ВКМ vs язык ВКЛ. В массиве грамот о сношениях ВКМ с ВКЛ нет указаний на то, что расхождения между двумя идиомами русского языка XV в. препятствовали ведению переговоров. При этом сами речи московской и литовской стороны обладают вполне определенными характеристиками и области лексики, грамматики и стилистики, которые служат маркерами данных идиомов.

7.2. Русский язык vs татарский язык. В данной паре имеется один случай, где одна из сторон выразила недовольство качеством письменного перевода. Достоверность свидетельства трудно проверить, так как претензия к качеству перевода была поводом для задержки гонца (по совместительству – толмача) Илляза¹. В ноябре 1502 г. хан Менли-Гирей писал в Москву:

Не вполне ясно, то же ли это лицо, что *Чюра Албазеев*, которого Василий III отправил гонцом в Крым 13 сентября 1515 г. [Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 г., учиненный Н.Н. Бантыш-Каменским в 1808 г., 1893, с. 6]. Обращает на себя внимание то, что Чюра Албазеев анонсировал хану Мехмет-Гирею приезд в Крым *большого посла*, которым оказался тот самый Иван Мамонов, при посольстве которого состоял Чюра, толмач Ивана III, в 1501 г. Кроме того, в почте Чюры было письмо и к царице Нур-Султан, а также письма к четырем татарским князьям [ПДС 95, 1895, с. 184–186]. Все это с высокой вероятностью свидетельствует о том, что в 1515 г. в Крым был послан человек, которого там хорошо знали.

¹ Вероятно, это то же лицо, что и упоминаемый в Литовской Метрике *Ильяс Тиморчин*, бравший заволжских татар на поруку в 1506 г. [LM 6, 2007, с. 68–69], но Ильяс Тиморчин, в отличие от четырех других литовских татар, упоминаемых в том же тексте, не назван толмачем. В грамоте 1494 г., подтверждающей права владения на землю Трепунскую, Ильяс и его брат *Абрагим* названы *Тимирчычами*, т.е. сыновьями Тимура. По локальным актам Абрагим известен лучше, чем его брат, при этом он неизменно называется *татарским писаром*. Можно предположить, что именно он был письменным переводчиком Великого князя Александра. Не исключено, что Абрагим перевел на татарский и тот вызвавший недовольство крымского хана текст послания, с которым в 1502 г. приезжал в Крым его брат Илляз.

(7) А нынѣчи Александро король, Илязомъ зовут, толмача своего ко мнѣ прислалъ: а котораа посланая грамота, **ино неумѣющей еѣ человекъ писалъ по бесерьменски**; и мы иное прочли, а иного не умѣлъ есми прочести, **и что прочель есми, тѣ рѣчи Илязь изо устъ мнѣ говорилъ, то все опытавъ и написавъ, къ тебѣ есми послалъ, ты бы то видѣлъ**; и печать есми его къ тебѣ есми послалъ. № 87 [ПДС 41, 1884, с. 488].

Московская дипломатия в условиях войны с Литвой поощряла задержку посла противника, который остался в Крыму до апреля 1503 г. Содержание самого письма и разъяснений Иляза было параллельно доложено московским послом Алексеем Заболоцким [ПДС 41, 1884, с. 491–492].

7.3. Латинский и церковнославянский языки. В сношениях Москвы с Римской империей и Венгрией при Иване III латынь была языком-посредником. Переводчики того времени передавали латинскую риторику при помощи церковнославянской, что порой приводило к казусам. Зимой 1502/1503 гг. в Москву прибыл посол короля Венгрии и Чехии, венгр Сигизмунд Сантаи, который не говорил на славянских языках. Он привез латинские грамоты папы Александра VI и кардинала Регинуса и 1 января 1503 г. озвучил послание папы. Все это московские переводчики переложили на церковнославянский язык [ПДС 35, 1882, с. 380–385]. Во время великокняжеского угощения посол получил бытовую травму и на следующий день не смог озвучить ключевое сообщение – послание от короля Венгрии с предложением посредничества в заключении мира между Москвой и Литвой. Толмачи посольства передали заранее заготовленные речи посла боярам. На осмысление информации у московской стороны ушло десять дней. После этого 13 января 1503 г. бояре вызвали послов к себе и Яков Захарыч Кошкин объявил послу, что буквальный перевод в таких условиях затрудняет общение:

(8) Пане Жидимонте! Которые рѣчи государь нашъ велѣлъ намъ тебѣ говорити, ино, пане, ты рускому языку не розумѣешь, а говоришь по угорьский, а государя нашего толмачи и они говорятъ по латыни; **и только намъ съ тобой говорити по латыни, ино та рѣчь длинна будетъ**. И мы велимъ тебѣ государьские отвѣты диакомъ государскимъ чести, **чтобы та рѣчь внятна была**. № 73.8 [ПДС 35, 1882, с. 389].

Вероятно, бояре были шокированы не только качеством перевода, но и самим фактом внедрения церковнославянского языка в несвойственную для него сферу, поскольку нормы приказного

стиля имели светский характер. Тем не менее речи дьяков тоже были слишком длинны для восприятия на слух, что позволило послу нанести ответный укол:

(9) Честные господа! Что есте от государя своего говорили, и **мы то не все уразумели**, и вы бы **намъ дали отвѣты въ писаньи**. № 73.10 [ПДС 35, 1882, с. 397].

Наготове у московской стороны письменного латинского текста не было, понадобились совместные усилия:

(10) И Жидимонтъ говорилъ, чтобы князь велики велѣлъ тѣ списки отвѣтные перевести по латынски; и князь велики **велѣлъ своимъ толмачемъ латынскимъ съ его писаремъ съ Дитрохомъ сѣсти да списокъ перевести по латынски**. И даны ему обои списки отвѣтные, русские и латынские. № 73.11 [ПДС 35, 1882, с. 398].

8. Варьирование русского языка: восток, запад, юг

Изучение синхронного варьирования русской грамматики в массиве посольских грамот Ивана III затрудняется тем, что параметры синтаксического описания для языка данного периода эксплицитно не выделены. Как представляется, первым шагом в данном направлении должно быть 1) разделение грамот на два массива – оригинальные тексты, записанные в Москве vs прочие тексты (памятники других диалектов и переводные грамоты). Рабочая гипотеза заключается в том, что настройки грамматики в этих двух массивах различны. 2) В переписке ВКМ vs ВКЛ проверка немосковских грамот на соответствие идиому ВКЛ должна предполагать сопоставление с массивом полоцких грамот и другими текстами того же периода, включенными в Литовскую Метрику. 3) Должно быть выделено 10–20 параметров в области морфосинтаксиса, значение которых будет проверено в обоих массивах. К настоящему времени выборочно описано лишь 4–5 параметров и диагностических признаков, в том числе – порядок энклитик и оформление конструкции так называемого не книжного плюсквамперфекта [Дойкина, 2019; Циммерлинг, 2019] в диалектах позднерусского, а также дистрибуция формулы аутентификации ‘т.е./то суть наши речи’ и формулы ‘гораздо ли то ся/ ся то дѣть’ в массивах посольских грамот ВКЛ и ВКМ [Циммерлинг, 2020].

Проиллюстрируем обозначенную процедуру на примере двух параметров грамматики и оценим надежность свидетельства посольских книг о том, что некоторые упоминаемые в них

грамоты на русском языке были привезены в Москву из других мест; в качестве проверочного критерия используем одну лексическую изоглоссу.

8.1. ЕСМО. Употребление формы 1 л. *есмо* вместо московского *есмя* для массива татарских грамот доказывает, что грамота или речь не является ни оригинальным московским текстом, ни переводным текстом, записанным в Москве. Этот критерий подтверждает свидетельство посольских книг том, что летом 1500 г. Кадыш Абашев привез в Москву из Крыма вместе с грамотами хана Менгли-Гирея написанную по-татарски грамоту Великого князя Александра, с приложенным русским списком [ПДС 41, 1884, с. 372]. В грамоте хана, переведенной в Москве Абляз Бакшеем или, менее вероятно – в Крыму кем-то из носителей московского диалекта¹, мы находим закономерную форму *есмя*, а в литовской грамоте – форму *есмо*. Присутствует в этой грамоте и форма *штожь* (2 раза), характерная для идиома ВКЛ и полоцких грамот. Кроме того, в грамоте имеются иные характеристики, подтверждающие ее принадлежность к приказному стилю ВКЛ, ср. форму аориста *ажъбыхмо*, лексемы *жадание*, *завъжды*, написание /г/ в имени *Гирей* через <кг> и т.д. Напротив, форма *есмя* в изложении речей толмача Илляза, прибывшего в 1502 г. из Литвы в Крым с *плохо написанной по бесерьменски* грамотой, наглядно выдает московскую руку:

(11) Молвя, **приказные наши рѣчи то писали есмя**, так вѣдайте, къ намъ пришло слово и печать то съ тѣми рѣчьми съ черленою печатью, и грамоту **писали есмя** июля мѣсяца 14 день, во вторникъ, до обѣда. № 87.2 [ПДС 41, 1884, с. 449].

Напомним, что *речи* Илляза – это записанные крымцами результаты его допроса, отправленные в Москву. Оригинал грамоты Александра, с *черленою печатью*, как мы знаем, был написан

¹ Несколько грамот Менгли-Гирея, адресованные Великому князю литовскому, попали в Литовскую Метрику, см. [LM 6, 2007, с. 79; с. 81]. Сопоставление их с грамотами Менгли-Гирея, адресованными Ивану III и включенными в посольские книги Москвы, показывает, что даже если изначально существовали какие-то русские списки с посылаемых татарских грамот крымского хана, их окончательный вид – дело рук литовских и московских писцов. В московской версии речей Менгли-Гирея форма связки 1 л. мн. ч. неизменно имеет вид *есмя*, а в литовской – *есмо*. В формуле ‘Я враг твоего врага’ московские переводчики используют слово *недруг*, а литовские – слово *неприятель*. Само имя крымского хана в литовских грамотах обычно пишется *Мендѣли-*, *Менди-Гирей*, в то время как в московских – *Менли-Гирей*.

по-татарски, и с татарского же языка московский переводчик перевел его на русский.

8.2. ЩО и местные акты Кафы. В массиве переписке с Крымом и Кафой имеются две грамоты, где вместо *что / што* употреблено *що*. Такой формы, как указано выше, нет ни в идиоме ВКМ, ни в том идиоме ВКЛ, который использовался в посольских грамотах. В сентябре 1501 г. кафинский посол Алакозь подал в Москве две грамоты, написанные от имени турецкого султана Баязида II и его сына Махмет Бега Шихзоды (Мехмет-бека Шехзаде) *рускимъписьмомъ*.

Первая, № 80.1. а, написана стандартным для массива переводных грамот языком, используется форма 1 л. мн. ч. *есмя*, контекста для проверки союза *что / што / що* нет. Можно предположить, что перед нами не оригинальный текст, а результат перевода или редактуры московских писцов. На это указывает и добавленная переписчика фраза *а имени салтановабакшей у ней не перевель*. Поскольку имя султана в начале грамоты все же названо, по видимому, имелось в виду, что Абляз Бакшей не перевел величальную формулу султана Баязида II, которая была в составе печати. Тем самым, позднейший переписчик ошибся, и в посольскую книгу попал не оригинал, якобы написанный по-русски, а плод трудов переводчика.

Вторая грамота, № 80.1. б., написана не на стандартном для массива посольских грамот идиоме ВКЛ, а на староукраинском диалекте, где /ѣ/ и /о/ отражалось как /и/, ср. *кили, ихаль, билки, на Москвѣм. коли,ѣхаль, бѣлки, на Москѣѣ*, а 1 л. мн. ч. имеет окончание *-мо*, ср. *имаемо*. В грамоте не только систематически используется форма 1 л. мн. ч. *есмо*, в том числе, в изложении речей московских послов и купцов, но и 41 раз употреблена форма *що*. Идиоматичность этого текста не вызывает сомнений. Столь же несомненно, что этот текст был составлен за пределами Москвы и северо-востока ВКЛ, скорее всего – кем-то в самой Кафе. Характерно, что конфискация выморочного имущества купца, умершего в мусульманских землях (бейт-уль-мал), в грамоте № 80.1. б. названа словом *умершчина*, в то время как в оригинальных московских грамотах она неизменно называется словом *зауморщина*.

В какой-то момент Алакозь подал грамоту хана Менгли-Гирея, № 80.1. с., с просьбой поддержать ходатайство кафинцев. Данный короткий текст составлен по стандартам для переводных татарских грамот, правда, в нем нет контекстов для проверки *есмя / есмо* и *что / што / що*. В марте 1502 г. Алакозя вновь вы-

звали к двору и озвучили ему встречные претензии к кафинцам и условия Москвы. На этот случай у посла была припасена еще одна грамота *руським письмом*, которую он подал, ссылаясь на данные ему инструкции. Эта короткая грамота, № 80.2. б, написана на том же староукраинском идиоме, что пространный текст № 80.1. б. 2 раза встречается *що*, есть форма *ихальитижь* (= тожь). Содержание этого текста столь же замечательно, как его форма: описывается один случай хулиганства, с обменом речами, и один случай контрабанды:

(12) И тижь твоеи милости купецъ, на имя Иванъ Страховъ, ихаль от Кафы до Азова: и онъ у ночи свои рухляды спускаль съ муру зъ города за ужишчи¹. № 80.2. б [ПДС 41, 1884, с. 396].

Благодаря Алакозю в посольские книги Москвы, возможно, попало два подлинных образца речи носителей староукраинского диалекта в кафинской диаспоре. Обращает на себя внимание то, что грамоте Шихзоды, написанной в самой Кафе, и в грамоте Менгли-Гирея, переведенной в Москве Абляз Бакшеем, имя посла передано по-разному. Кафинская грамота № 80.1. б. трижды называет посла *Алагиозом*, что больше соответствует тюркской форме его имени, Ала Гёз, букв. 'пестрый глаз'. Между тем в грамоте Менли-Гирея он назван *Алакоземъ* / *Алакозомъ*, и именно так к нему обращается московская сторона в лице Великого князя Ивана III и казначея Дмитрия Владимировича Овцы Ховрина [ПДС 41, 1884, с. 397–398].

8.3. Свидетели. Впервой, пространной, грамоте Алакозя (№ 80.1. с.), имеется возможная лексическая характеристика северо-восточного диалекта – значение 'свидетель' передано словом *послухъ*², в то время как в идиоме ВКЛ в текстах XV вв. данное значение передается словом *свѣдокъ* (*свѣтокъ*). Но это слово впервые возникает именно в речах московской стороны, ср. изложение прений в кафинском суде между неким кафинцем *Данилом*, присвоившим товар умершего в Кафе московского гостя Иванка Кляпика, брата московского купца *Васюка*, и людьми великого князя *Култой, Алексеем и Борисом*³, Данил утверждает, что москвичи

¹ То есть перекидывал свой товар через крепостную стену на веревках.

² Слово *послухъ* присутствует, в частности, в инструкции посла Александра Голохвастова [ПДС 41, 1884, с. 403].

³ Личности всех московских участников кафинского процесса определяются достаточно точно. Алексей – это член московского посольства Андрея Лапенка Кутузова, подъячий (впоследствии – дьяк) *Алексей Жерцов сын Лукина*,

могли подделать завещание умершего и требует представить свидетелей. Кулпа сначала объявляет себя свидетелем, — *а же я знаю* ‘а я вот знаю!’ , но потом идет на попятный.

(13) И они рекли: **не маемо послуховъ**, казали они, **имаемо духовный листь, что онъ отказаль**. И Данило рекъ: **можете вы и сами писати духовницу, але и тые люди, при комъ онъ писалъ**. И Кулпа рекъ, **ажъ я знаю**. И судьи рекли: **ишче и другого послуха надоби**. И они рекли: **нить другого тутъ, на Москви есть**. А опосле и Кулпа ся заприль, рекъ: **и я не знаю** [ПДС 41, 1884, с. 393–394].

Еще более важно то, что слово *послоухъ* надежно задокументировано и в юго-западной Руси. Один пример встречается в Галицкой летописи под 1257 г., см. (14), и еще два — в Волынской летописи под 1289 г. (Ипат., л. 304 г., л. 304 об.). Оно встречается также в локальных староукраинских актах XIV в., дошедших до нас в оригинале, см. пример (15), датируемый 1368 г., и грамоту № 32 (8.04.1385 г.) по изданию [Грамоты XIV в., 1974].

(14) Король. много вбѣщаеть. но нѣ исправить. азъ же глѣю правдоу. и поставлю ти **послоуха** вѣща си папоу. и. вѣ. пискоупа. на **послоужьство**. и вдамъ ти полъ земли Нѣмѣцкой (Ипат., л. 279 г., под. 1257 г.).

отправленный в Кафу 16 марта 1500 г. [ПДС 41, 1884, с. 292]. Он присутствовал в Москве при рассказе Алакозя и 29 февраля 1502 г. опознал у кафинцев грабленое у него в степи имущество. С учетом этого, у изложенной в грамоте Алакозя версии было в Москве мало шансов. Алексей Жерцов сын Лукина многократно упоминается и в других документах с 1507 по 1521 гг. Кулпа — это, с высокой вероятностью, другой член того же посольства, *Култа*, он же *Константин Аксентьев* (Авксентьев), известное по посольским книгам Ивана III лицо. В 1496 г. Константин-Култа ездил вместе с послом Михаилом Плещеевым в Стамбул: в первой *русской* грамоте Алакозя (№ 80.1. b.) инкриминируемые турецкой или кафинской стороной проступки этого посольства красочно описаны [ПДС 41, 1884, с. 392]. Ранее, в 1489 г., Култа Аксентьев подвозил из Москвы в Ругодив (Нарву) дополнительные грамоты для московского посла Юрия Траханиота Старого, ранее отправленного с посольством в Римскую Империю [ПДС 1, 1851, с. 14; с. 24]. Неясно, успел ли он вернуться в Москву зимой 1501/1502 гг. и был ли он к тому времени жив. Возможно, нет, и кафинцы неслучайно приписали отказ от ранее данных показаний именно ему. Наконец, Борис — это еще один член того же посольства, отправленный в Кафу 16 марта 1500 г. *Бориско*, толмач князя *Семена Ряполовского* [ПДС 41, 1884, с. 292–293]. Скорее всего, это то же лицо, что упоминаемый с 1488 г. толмач и подъячий *Борис Тарханов*, он же *Борис Белый* [ПДС 41, 1884, с. 74; с. 407], лицо хорошо известное хану Менли-Гирею [ПДС 41, 1884, с. 176; с. 487]. Он тоже был ограблен в степи с посольством Андрея Лапенка Кутузова.

(15) А кто на то оустанеть тотъ заплатитъ гривну золота вины **а гривну золота послухомъ А на то послуи** князь юрьи глѣбовичъ белзьский. панъ Ота пилецький... [Грамоты XIV в., 1974, с. 41], № 21 (1.01.1368 г.).

Таким образом, слово *послухъ* ‘свидетель’ вполне могло прозвучать в Кафе в речи носителя староукраинского языка ок. 1500 г. Тексты, включенные в Литовскую Метрику под 1494–1506 гг., дают формы, производные от слова *свѣдокъ* ‘свидетель’, мн. ч. *свѣдци* (пол. *świadok*, укр. *свідок*, ср. бел. *сведка*) – *сведоцтво*, *свядоцсто*, тж. *Сведец (с) тво* ‘свидетельство’ [LM 6, 2007, с. 412], но само слово ‘свидетель’ представлено другой основой – *свѣтокъ* (*светокъ*) [ibid.], от которой образован глагол ‘свидетельствовать’ – *свѣтчити* (*светчити*) [ibid.: 413]. Та же картина наблюдается в полоцких грамотах XV в., некоторые из которых дошли до нас в оригинале. В массиве полоцких грамот формы *свѣдокъ* нет. В описании судебных прений в ситуациях, близких к тем, в которой оказались московские гости в Кафе, в 1480-е годы используется слово *свѣтокъ*, мн. ч. *свѣтки*, ср. (16) – (17), а акт свидетельства характеризуется глаголом *свѣтчить*, ср. (18) – (19). Здесь мы снова возвращаемся к прямой речи и конфликтам носителей позднедревнерусского языка в суде. Немец Адам оказался ок. 1480 г. в Полоцке в примерно той же ситуации, что и гости Великого Князя Московского в Кафе 20 лет спустя – местный суд не доверяет словам иностранца и игнорирует названных им свидетелей.

(16) И мы пытали: «**Ес(ть) у тебѣ свѣтки**, | штобы ты вѣщее заплатил?» И Сѹдам на то **свѣтъковъ** не дал. ПГ, № 238 (1480–1481 гг.).

(17) И Адам рек: «Давалом на то **свѣтъки**, што еси вѣщее заплатил, и тыи сѹд(ь)и | **свѣтъковъ моих** не приняли». ПГ, № 238 (1480–1481 гг.).

(18) И мы | тех мѣщан перед собою ѡпытали, как им тое дело свѣдомо, абы **свѣтчили** подлуг правды. ПГ, № 238 (1480–1481 гг.).

(19) И тыи купци **то посвѣтчили**, и ны тое шькоды ѹсее зличили ѡдинадцат(ь) | коп, што ся Ивану у тех селедцах стало. ПГ, № 239 (1480–1484 гг.).

Достоверность полоцких грамот № 238–239, откуда взяты примеры (16) – (19), несмотря на их полонизированный язык, ср. форму *давалом* (= давальесми) в речи немца (sic) Адама, не под-

лежит сомнению: эти грамоты дошли до нас в оригинале и при этом описывают только что случившиеся события¹.

Можно заключить, что слово *послухъ* ‘свидетель’ в прениях кафинского суда, несмотря на наличие данной лексической единицы в идиоме ВКМ, подтверждает, что две грамоты Алакозя, где детально описываются проступки москвичей в Кафе, не имеют отношения к стандартному для посольских книг идиому ВКЛ и сочинены в самой Кафе. К сожалению, мы не знаем имени автора грамот № 80.1. b. и № 80.2. a., но это точно был не Алакозь, о чем говорит он сам:

(20) А что сказывали, будто послу великого князя Ондрею Кутузову въ Кафѣ нечестъ чинилася, да и гостемъ, **и государь мой не велѣль былъ мне того сказывати, что люди великого князя приѣзжая чинять въ Кафѣ, а далъ ми грамоту съ своимъ клеймомъ, русскимъ письмомъ, а приказалъ ми: а учнуть тебѣ говорити, что ихъ людемъ сила чинится въ нашихъ земляхъ, и ты ту грамоту тогда дай. Ино восе о томъ государя моего грамота** [ПДС 41, 1884, с. 396].

9. Выводы

В условиях противостояния «восточного» и «западного» русскоговорящих государств в конце XV в. языкового барьера между идиомом посольских грамот Великого Княжества Московского и аналогичными текстами Великого княжества литовского не было. Посольские грамоты 1474–1505 гг. и современные им тексты 1494–1506 гг., написанные на языке Великого Княжества Литовского, в определенных случаях отражают агрессивные стратегии речевого поведения, но эти случаи не связаны с прямым общением дипломатических агентов: вся система средств выражения дипломатического языка ориентирована на продолжение диалога, а не на поддержание конфликта. Посольские книги XV – начала XVI вв. не отражают ситуаций, где использование разных языков

¹ Однокоренное слово *свѣточно* ‘доподлинно известно’, ‘подтверждено надежным свидетельством’ при стандартном для идиома ВКЛ в XV в. *свѣдомо* и *въдомо* в идиоме ВКМ, встречается в полоцких грамотах № 128 (1447–1459 гг.), № 211 (1476 г.), № 241 (1481 г.), № 248 (1482–1483 гг.). Все эти грамоты дошли до нас в подлиннике, при этом грамоты № 211, 241, 248 написаны одним и тем же писцом – полоцким дьяком Борисом Толандиничем. Можно заключить, что *свѣтокъ* и *свѣточно* были характерными для полоцкого диалекта XV в. словами.

или разных диалектов одного и того же языка является причиной или поводом для конфликта. Документировано два случая, когда технические сложности, возникшие при переводе на латинский и татарский язык, послужили фактором, замедлившим ход переговоров. В переговорах между Великим Княжеством Литовским и Великим Княжеством Московским, которые шли без толмачей, такие случаи не документированы.

В посольские книги Ивана III в отдельных случаях попадали не только грамоты, записанные литовско-русскими писцами на идиоме ВКЛ, но и оригинальные тексты на позднедревнерусском и староукраинском языках, составленные вне Москвы. Шанс определить диалект писца возникает тогда, когда язык грамоты отклоняется от стандартов переписки, принятых в том или ином блоке посольских грамот (Великое Княжество Московское vs Великое Княжество Литовское, Великое Княжество Московское vs Крым). Повышение точности реконструкции места написания грамоты связано с параметризацией грамматики позднедревнерусского языка.

Список литературы

- Булаховский Л.А. Питання походження української мови. – Київ, 1956. – 218 с.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997. – С. 461–477.
- Горшков А.И. История русского литературного языка. – М., 1969. – 194 с.
- Грамоти XIV ст. / Пещак М.М. (ред.). – Київ, 1974. – 256 с.
- Дойкина К.Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – СПб, 2019. – № 16 (3). – С. 400–419.
- Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата обращения: 18.03.2018).
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – 2-е изд. – М., 2004. – 872 с.
- Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. – М., 2008. – 280 с.
- Зализняк А.А. «Слово о Полку Игореве»: взгляд лингвиста. – М., 2007. – 481 с.
- Иванов Вяч.Вс. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. – М.: Индрик, 2003.

- Карпов Г.Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-литовским. 1462–1508 гг. Литва. – М., 1867.
- Карский Е.В.* Белорусы. – М., 1955–1956. – Т. 1–3.
- Молдаван А.М.* Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2020. – № 1 (23). – С. 182–198.
- ПДС 1 – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1851. – Ч. 1: Сношения с государствами европейскими, Т. 1: Памятники дипломатических сношений с Имперією Римскою. С 1488 по 1594 г.
- ПДС 35 – Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1882. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовскимъ, Т. 1: С 1487 по 1533 г.
- ПДС 41 – Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцією, Т. 1: С 1474 по 1505 гг.
- ПДС 95 – Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1895. – Т. 95: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымомъ, Нагаями и с Турцією, Т. 2: С 1508 по 1521 гг.
- Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Хорошкевич А.Л. (ред.). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. – Т. 1. – 2015. – 864 с.
- Посольские книги России конца XV – начала XVIII в. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html> (дата обращения: 18.03.2018).
- Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 г., учиненный Н.Н. Бантыш-Каменским в 1808 г. / Тавр. Ученая Архив. Комиссия; предисл. Ф.Ф. Лашкова. – Симферополь: Тип. Таврич. губернского правления, 1893.
- Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. – М., 1994. – 221 с.
- Соболевский А.И.* История русского литературного языка. – Л., 1980. – 193 с.
- Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М., 1994. – 240 с.
- Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981. – 328 с.
- Циммерлинг А.В.* Восток есть Восток? Переводные и оригинальные грамоты Ивана III // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2020. – № 1 (23). – С. 326–373.

- Циммерлинг А.В.* Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2019. – № 4. – С. 41–57.
- LM 4 – Lietuvosmetrika, 4. 1479 – 1491. – Vilnius, 2004.
- LM 6 – Lietuvosmetrika, 6. 1494 – 1506. – Vilnius, 2007.
- Stang Chr.S.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polock. – Oslo, 1939.
- Stang Chr.S.* Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. – Oslo, 1935.
- Trubetzkoy N.S.* Einigesüber die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit // Zeitschrift für Slavische Philologie. – Heidelberg, 1925. – Bd. 1. – S. 287–319.

О.Е. Фролова

**СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ И РЕЧЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ
(На материале повести А. Платонова «Котлован»)**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, olga_frolova@list.ru*

Аннотация. В статье рассматривается отражение речевого узуса 1920–1930-х годов в повести А. Платонова «Котлован». На материале Национального корпуса русского языка выделены три подкорпуса: 1861–1917 гг., 1917–1930 гг., а также текст «Котлована», по данным подкорпусам прослежены группы лексики идеологического и административного дискурсов. Конфликт А. Платонова с языком его времени строится на диалоге с новым употреблением и новой семантикой. Показано, как непонимание новой речи и неумение выразить себя в слове создают сложную абсурдистскую картину в тексте А. Платонова.

Изменения, произошедшие в русском языке в постреволюционную эпоху, стали предметом описания уже в 1920-е годы [Винокур, 1923; Карцевский, 2000 а; Карцевский, 2000 б; Селищев, 2003]. Социально-политические сдвиги, которые С.И. Карцевский датировал началом Первой мировой войны, а А.М. Селищев 1917 г., отразились в языке и речи. Хотя, по мнению Карцевского, изменения коснулись лексики, а не грамматической системы.

После 1917 г. речь становится зеркалом не только социального расслоения, уровня образования и грамотности носителя языка, но и социально-политического и идеологического конфликта. Заметим, что понимание *конфликта* в первые десятилетия новой власти и постсоветскую эпоху различно. Согласно словарю Д.Н. Ушакова слово описывается как *моносемичная единица – «книжн. столкновение между спорящими несогласными сторонами»* [ТСРЯ, т. 1, с. 1453], в начале ХХI в. уже как много-

значная – «столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезное разногласие, острый спор» [БТС, 2000, с. 453]. Современный словарь, в отличие от Ушакова, расширяет денотативное пространство слова, снимая помету *книжное*, и отмечает глубину противостояния.

Речь в 1917–1930-е годы стала свидетельством конфликтного размежевания общества, поскольку выступила как инструмент подчинения и языковой мимикрии представителей сословий, утративших свои иерархически высокие позиции.

Как пишет В.М. Живов, именно в период исторических катаклизмов язык обнаруживает свою социальную природу: «Языковой стандарт – это важнейшая социокультурная институция меритократического общества, наряду с другими культурными институциями позволяющая воспроизводить отношения социального доминирования. Степень владения языковым стандартом соотносится со статусом индивида в социальной иерархии, так что владение языковым стандартом оказывается одной из важнейших составляющих того, что Пьер Бурдьё называет символическим капиталом» [Живов, 2005, с. 10]. Похожую позицию занимает и П. Бурдьё: язык становится инструментом подчинения: «язык навязывается всем жителям этой территориальной единицы в качестве единственно законного, причем навязывается тем более настоятельно, чем более официальные обстоятельства, при которых это происходит» [Бурдьё, 2005, с. 5].

Социолингвистическая ситуация 1920–1930-х годов – это наглядное и довольно быстрое изменение семантического и прагматического аспектов коммуникации, принимаемое частью общества и вызывающее отторжение у другой. Однако уже в конце 1930-х годов новая кодификация была закреплена в словаре Д.Н. Ушакова.

Наряду с новым языковым стандартом социального доминирования, который воспринимался некоторыми как утративший высоту и правильность, лингвисты, в частности Г.О. Винокур, отмечают и особенности прагматики постреволюционной эпохи. Представители социальных страт, чей статус в обществе повысился, осваивая новый узус, демонстрировали коммуникативные неудачи особого рода: они оперировали новыми словами как фразеологизированными конструкциями, семантика которых всегда прозрачна. Носители языка не знали значений единиц, употребляемых в речи. По этому поводу Винокур писал: «Можно мыслить образами, можно мыслить терминами, но можно ли мыслить сло-

весными штампами, реальное содержание коих совершенно выветрилось? Такое мышление может быть только “бессмысленным”. Потому что, употребляя то или иное традиционное выражение, пользуясь окаменелой фразеологией, мы ведь, в сущности, не понимаем того, что говорим» [Винокур, 1923, с. 113–114].

Социолингвистическая ситуация 1920–1930-х годов отражена в литературных текстах М. Зощенко и А. Платонова, однако в их рецепции существенны различия: первый автор был активным участником диалога со своим временем, поскольку его произведения публиковались и были доступны его современникам, важнейшие же тексты второго увидели свет спустя пятьдесят лет после написания, поэтому адресат Платонова был исключен из актуального узуса 1920–1930-х годов.

Исследования, посвященные языку А. Платонова, реконструируют нарушение нормы и узуса по отношению ко времени написания этих научных работ и не учитывают погруженности автора в речевой узус [Кобозева, Лауфер, 1990; Левин, 1998; Радбиль, 2012]. Интертекстуальный аспект новаторства языка А. Платонова, показывающий его включенность в диалог с языком эпохи, затруднен и требует привлечения корпусных методов (см.: [Фролова, 2017]).

Конфликт нового и старого узусов мы намереваемся показать на материале повести А. Платонова «Котлован». Писатель отражает несколько аспектов: а) изменение узуса, б) освоение нового языка носителями старого узуса, в) коммуникативные неудачи персонажей. Непонимание происходящего, неумение выразить себя в слове, поиск смысла происходящего и истины – важные мотивы повести.

В качестве исследовательского инструмента выступает Национальный корпус русского языка. Работа ведется в трех заданных подкорпусах: первый из них – «Котлован» А. Платонова, датированный 1929–1930 гг., второй охватывает 1917–1930 гг. и отражает новый доминирующий узус, третий – 1861–1916 гг., позволяет показать предреволюционный узус. Сравнение данных второго и третьего подкорпусов дает возможность выявить изменения в узусе, сопоставление первого и второго – показать отношение писателя к новой речевой доминанте, характер ее переосмысления, подчинения или сопротивления ей.

Мы выделили в тексте А. Платонова две группы лексики, принадлежащих к новому идеологическому и административному дискурсам.

К идеологическому дискурсу мы отнесли следующую лексику: *беднота, буржуазия, кулак, линия, масса, элемент*. В эту группу входят политико-экономические термины, названия классов и социальных страт, в частности, выраженные единицами, приобретшими новые значения. К административному относятся *директива, план, членский*, называющие новые жанры текстов, закрепившие изменившиеся отношения гражданина и государства, а также способы социальной организации населения.

Соотнося синтаксис Платонова с узусом 1917–1930 гг., мы выясняем а) степень диалогичности авторского словоупотребления и б) степень деформации господствующего узуса.

Буржуазия, кулак

Термин *буржуазия* включен в Словарь Д.Н. Ушакова в двух значениях: применительно к экономическим формациям феодализма и капитализма: «1. В капиталистическом обществе – класс эксплуататоров, владеющий на правах частной собственности орудиями и средствами производства и извлекающий прибавочную стоимость посредством эксплуатации наемного труда. 2. В феодальном обществе – сословие горожан (истор.)» [ТСРЯ, т. 1, с. 206].

(1) *Надев свой ватный, желто-тифозного цвета пиджак, который у Чиклина был единственным со времен покорения буржуазии и обосновавшись на ночь, как на зиму, он собрался пойти по дороге и, совершив что-нибудь, уснуть затем в утренней росе.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

В словосочетание *покорение буржуазии*, входят отглагольное существительное *покорение* и политэкономический термин – название класса. Обращение к подкорпусу 1917–1930 показывает, что объект выражен, с одной стороны, названиями стран и народов: *покорение ордынских земель, империи, окраин, аннексированных народов, Германии, Руси, Кавказа*, с другой стороны, – названиями природных объектов: *покорение необузданной стихии Севера*, с третьей стороны – описанием ухаживания и интимных отношений: *покорение дам высшего общества, сердец*. Во всех трех случаях имеется в виду победа, но платоновская конструкция уникальна: низвергнутый класс выступает и как колонизированный народ, и как осваиваемая территория и завоеванная страна, и как природная стихия. Следует также упомянуть преце-

дентный текст предреволюционной эпохи – название картины В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

(2) *Как и на всем фронте классовой борьбы, так и на радиофронте рабочий класс противопоставит свою организованность и волю к победе над диктатурой буржуазии.* (Классовый враг наступает на международное рабочее радиодвижение // «Радио Всем», 1929) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

В подкорпусе 1917–1930 гг. на поисковую единицу *буржуазия* обнаруживаем ближайшее по семантике словосочетание *победа над буржуазией*, менее объемное, чем у Платонова, апеллирующее лишь к метафоре войны, Платонов же от этой метафоры отказывается. В платоновской конструкции политико-экономическая семантика отходит на второй план, вытесняется колонизаторской и природной.

У существительного *кулак* Ушаков не дает специальной пометы, трактуя значение как: «зажиточный крестьянин» [ТСРЯ, т. 1, с. 1543]. Лозунг ликвидировать *кулака как класс* Платонов оформляет как прямую речь персонажа.

(3) *Настя писала Чиклину: «Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Сталин, Козлов и Сафронов!»* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

Добавляя лишний сирконстант – направление движения, Платонов доводит ситуацию до абсурда, хотя описывается сплавление двух денотативших ситуаций: ликвидации и ссылки (пример 4).

(4) *Ликвидировав кулаков в даль, Жачев не успокоился, ему стало даже труднее, хотя неизвестно отчего.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Кулак показан не как экономическое, социальное, а как природное явление, как грибы или ягоды в лесу (пример 5).

(5) *Дальше кулак встречался гуще.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Масса

Слово *масса* важно для новой эпохи как манифестация коллективизма и отказ от индивидуальной личности.

В Словаре Ушакова семантика существительного представлена так: «1. Множество, большое количество. 2. *чаще мн.* Широкие круги трудящихся, населения. 3. Груда, громада. || Сконцентрированная часть чего-н., подавляющее количество. 4. Смесь, тестообразное вещество, являющееся полуфабрикатом в различных про-

изводствах (тех.). 5. Весомость и инерция, свойственные материи и энергии (физ.)» [ТСРЯ, т. 2, с. 154]. В 1920–1930-е годы происходит активизация второго значения.

О популярности слова *массы* также пишет А.М. Селищев: «Партия стремится привлечь к себе массы, самые широкие массы. Во многих отношениях приходится иметь в виду массовость, массовика, массовую работу. В связи с этим в коммунистической среде, а также за пределами ее в ходу термины, производные от “масса”: *массовость, массовый (массовая работа)...*» [Селищев, 2003, с. 104].

Платонов в «Котловане» ориентируется не на словообразование, возможности которого отметил Селищев, а на сочетаемость: существительное *масса* встречается в тексте 39 раз, из них 19 в единственном числе, прилагательное *массовый* употреблено 3 раза, личное существительное *массовик* отсутствует. Автор практически игнорирует слово *коллектив*, которое встречается в тексте лишь однажды.

В тексте встречаем отражение узуса эпохи: *бедняцко-средняя, пролетарская, подкулацкая, рабочая масса*. Однако при более пристальном внимании к материалу оказывается, что Платонов учитывает новые тенденции, но не следует им буквально. Выстраивая свою собственную сочетаемость существительного *масса*, Платонов идет против отмеченной словарем пометы *чаще мн.*, создавая конструкции в единственном числе, благодаря чему происходит опредмечивание денотата.

Сравнение 6 и 7 примеров показывает, что словосочетание *пролетарская масса* у Платонова употреблено конкретно-референтно в обиходно-бытовом дискурсе, а в «Приказе» принадлежит административному дискурсу, употреблено во множественном числе, нереферентно и обозначает класс объектов.

(6) *А теперь, я наблюдаю, вы явились ночью в «пролетарскую массу», как будто сзади вас ярость какая находится!* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(7) *Производственный энтузиазм пролетарских масс, нашедший наиболее яркое свое выражение в социалистическом соревновании, ударничестве, в практике встречного промфинплана и общественного буксира, отрывл новые дополнительные источники для индустриализации страны и позволил партии и рабочему классу выдвинуть лозунг выполнения пятилетки в четыре года.* (Приказ Революционного Военного Совета ССС Республики. г. Москва. № 39/2. 7 ноября 1930 г. (1930) // Известия, 1930.11.07) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

В то же самое время Платонов буквально воспроизводит довольно редкую конструкцию *членская масса* в единственном числе. Из 1220 документов и 7265 вхождений существительного *масса* в подкорпусе 1917–1930 гг. интересующее нас словосочетание встречается в восьми документах и 10 вхождениях, причем только в издании «Нижегородский кооператор». В толковании значения прилагательного *членский* Словарь Ушакова отсылает к пятому значению существительного *член* «каждое лицо из числа входящих в состав какой-н. организации, какого-н. объединения, общества» [ТСРЯ, т. 4, с. 1286]. Имеются в виду граждане, зарегистрированные в какой-либо политической или общественной организации.

(8) *С него только что сошел прибывший вместе с супругой Пашкин, чтобы с активной жадностью обнаружить здесь остаточного батрака и, снабдив его лучшей долей жизни, распустить затем райком союза за халатность обслуживания членской массы.* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(9) *Неверно, что «членская масса» волнуется и ждет пере-выборов Правления с нетерпением.* (Виноградов, Потачев. Отклики на заметки. Заметка Образцовый кооператив не верна (1928.11.07) // Нижегородский кооператор, № 21 (86), 1928) [НКРЯ].

Кавычки в примере 6 свидетельствуют о том, что конструкция еще в 1920–1930-х годах воспринималась как непривычная.

Словосочетание *отсталые массы* встречается у Платонова, однако не представлено в подкорпусе 1917–1930-х годов. Конструкция же *отсталость масс* присутствует и у А. Платонова, и у Н.И. Бухарина и у И.В. Сталина.

(10) *И четко сознавая бедную отсталость масс, Сафонов прильнул к какому-то уставшему и забылся в глуши сна.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(11) *Но здесь-то и дает себя знать неравенство культурного уровня и еще большая отсталость масс.* [Н.И. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз (1926)] [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(12) *Сюда относятся культурная отсталость масс, недостаток культурных сил пролетарского авангарда, наша косность, наше «комчванство» и т.п.* (И.В. Сталин. Против опошления лозунга самокритики // Правда, 1928) [НКРЯ].

Отличия между 10, 11 и 12 примерами в том, что А. Платонов добавляет еще один характеризующий признак, который входит в противоречие с узусом: прилагательное *бедный* называет причину,

по которой имеет место *отсталость масс*, кроме того автор помещает атрибутивное словосочетание *бедная отсталость масс* в бытовой контекст, в то время как *большая и культурная отсталость* принадлежат административному дискурсу.

Эксперимент с грамматическим числом (у Платонова – единственное, у его современников – множественное) наблюдается и в примерах 13, 14. В обоих случаях именная группа нереферентна.

(13) «*Не пойти ли мне в **массу**, не забиться ли в общей, руководимой жизни?*» (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(14) *Иди в **массы**, растопи свой лед, не буксуй зря...* (Л.М. Леонов. Скутаревский (1930–1932)) [НКРЯ].

Здесь Платонов прибегает к приему сплавления значений. В примере 13 благодаря форме единственного числа, адресат колеблется между двумя значениями: ‘Широкие круги трудящихся, населения’ и ‘Смесь, тестообразное вещество, являющееся полуфабрикатом в различных производствах (тех.)’ [ТСРЯ, т. 2, с. 154]. В примере 14 говорящий имеет в виду только ‘Широкие круги трудящихся, населения’.

На наш взгляд, словосочетание *пойти в массу* возникло путем замены зависимого слова в устойчивых выражениях *пойти в народ, хождение в народ*. Доказательством может служить пример 15.

(15) *Ничего не выходило из агитации, **из хождения в массы**.* (Н.Н. Суханов. Записки о революции. Книга 4 (1918–1921)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

Метафорическое переосмысление обнаруживаем в примере 16 в конструкции *в хвосте + N gen*. Однако сопоставление с узусом 1920–1930-х годов показывает, что, возможно, Платонов отталкивался от ленинских текстов, поскольку в двух работах данная конструкция встречается, но с совершенно иным по семантике зависимым словом.

(16) *Мы тебя **отстоять** не можем, ты человек несознательный, а мы не желаем очутиться **в хвосте масс**.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(17) *В скобках будь сказано: это та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни» и «Вперед»: худшие и средние из них, по тупости и бесхарактерности, плетутся **в хвосте буржуазии**, запуганные ею;...* (В.И. Ленин. О продовольственном налоге (1921)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

Существительное *масса* в первых трех значениях представляет некое значительное количество чего-либо недискретно. Платонов создает конструкцию с двумя творительными сравнения с квантитативной семантикой *куча* и *масса*. В современном узусе творительный сравнения *кучами* тяготеет к предметным существительным, однако контексты с личными существительными представлены в период 1917–1930 гг. при описании толпы, миграции населения, помещений, наполненных людьми (примеры 19–22), но только Платонов соединяет слова *куча* и *масса* в одном контексте, благодаря чему коннотация словосочетания *малые массы* в соседстве с *кучами* оказывается сниженной.

(18) *Посторонний, пришлый народ расположился кучами и малыми массами по Оргдвору, тогда как колхоз еще спал общим скоплением близ ночного, померкшего костра.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(19) *Ну, а теперь кучами гонят собственников...* (К.А. Коровин. Арестанты (1930–1938)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(20) *Люди валяются кучами. Они падают, как снопы, и остаются лежать.* (Ю.Н. Тынянов. Кюхля (1925)) [НКРЯ].

(21) *Кучами шатаются праздные солдаты, плюя подсолнухи. Спят днем в Таврическом саду.* (З.Н. Гиппиус. Дневники (1914–1928)) [НКРЯ].

(22) *Наборицки не разошлись домой, а ходили стаями, сбивались кучами и читали телеграммы...* (М.А. Булгаков. Роковые яйца (1924)) [НКРЯ].

А. Платонов также переосмысляет антропоцентричность денотата существительного *масса*, заставляя адресата колебаться в этом случае между значениями ‘множество, большое количество’ и ‘чаще мн. широкие круги трудящихся, населения’.

(23) *Ровным шагом, не опуская голов к растущей пище на земле, лошади сплоченной массой миновали улицу и спустились в овраг, в котором содержалась вода.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон ресурс].

(24) *Прежде пришедшие лошади остановились у общих ворот и подождали всю остальную конскую массу, а уж когда все совместно собрались, то передняя лошадь толкнула головой ворота нараспашку и весь конский строй ушел с кормом на двор.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(25) – *Откуда ж у нас яйцо выйдет, если наша птичья масса не имеет в своей среде продуктивного руководства?!* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Словосочетание *масса лошадей* встречается у М. Шолохова и Виктора Кина: *увидел плотную массу лошадей, сотрясающий непросохшую целину скок массы лошадей. Конская масса и птичья масса* в Корпусе не отмечены. В период 1861–1917 гг. подобные словосочетания также не обнаруживаются.

Платонов экспериментирует со словом *масса*, которое широко входит в новый узус, в его семантике, сочетаемости, контекстуальному соседству и референции, сплавляя значения, переходя от политико-идеологического термина к эмоциональной оценке, отказываясь от антропоцентричности узуса 1917–1930-х годов.

Элемент

Множество в новом узусе понимается как *масса*, а единица как *элемент*. В семантике существительного Словарь Ушакова выделяет два новых значения: «1. Составная часть чего-н. 2. *только мн.* Основные начала чего-н., первоначальные в какой-н. области (книжн.). 3. Вещество, не разложимое обычными познания химическими методами на более простые составные части (хим.). 4. Человек, личность (нов. разг.). 5. Контрреволюционер, вредный человек (нов. простореч.). 6. *чего*. Составная часть, известная доля, представляющая собою основное или характерное свойство кого-чего-н. (книжн.). 7. Прибор для получения электрического тока, то же, что гальванический элемент (см. гальванический; физ.). 8. Бесконечно малая величина, дифференциал (мат.)» [ТСРЯ, т. 4, с. 1416]. Одно из новых значений нейтрально, другое пейоративно.

Что касается осмысления семантики и употребления данного существительного, Платонов реагирует на то, что и в предреволюционную эпоху 1861–1917, и в постреволюционное время 1917–1930 гг. слово *элемент* употребляется в социологических контекстах, описывающих стратификацию общества, а в 1917–1930-х годах также степень идеологической лояльности новой власти.

Нами были просмотрены методом сплошной выборки 100 документов в обоих подкорпусах.

1861–1917-е годы: *азиатский, анархический, армянский, беднейший, господствующий, вредный элемент человечества, государственный элемент общества, деятельный, еврейский, земский, злонамеренный политический, женский, кадровый, консервативный, культурный, левый, литовский, мужской, нежелательный, немецкий, неблагонадежный, несознательный, нетрудовой, новый, общественный, подозрительный, преступный, реакционный, рево-*

люционный, сознательный, социалистический, социальный, старый, темный, трудовой, умеренный, цензовый, черный, чиновничий, элемент от народных социалистов, эксплуатирующий, этнический.

1917–1930-е годы: антисоветский, бесполезный, благонамеренный, бюрократический, враждебный, вредительский, вредный, деклассированный, деятельный, женский, злостный, кадровый, капиталистический, контрреволюционный, крестьянский, кулацкий, народнический, национальный, негодный, непролетарский, нетрудовой, несознательный, нерабочий, оппортунистический, офицерский, опасный, патриотический, порочный, правооппортунистический, преступный, революционный, русский, сознательный, социалистический, социально-вредный, социально-классовый, социальный, уголовный, чуждый, этнический.

Сравнение атрибутивных словосочетаний и конструкций с определяемым существительным элемент подкорпусов 1861–1917 и 1917–1930 гг. показывает, что во втором из них усиливается конфликтная тенденция: враждебный, вредительский, вредный, злостный, негодный, оппортунистический, опасный, порочный, правооппортунистический, чуждый.

В подкорпусе 1917–1930 гг. находим пример 26, в котором словосочетание с существительными элемент и масса описывает соотношение части и целого.

(26) *То делается тем легче, что сама олигархия не неподвижна и не замкнута, что в нее проникают те культурные элементы массы, которые в свою очередь успевают от нее отслоиться...* (В.А. Маклаков. В.В. Шульгину 5-го марта 1925 г. (1925)) [НКРЯ].

В подкорпусе 1917–1930 гг. присутствует тенденция социального, классового и идеологического размежевания: контрреволюционный, кулацкий, непролетарский, нетрудовой, социально-вредный, отраженная в примере 27. Конструкция напоминает платоновскую стилистику: элемент + *N* счетное Gen. Pl.

(27) *Подозрительные элементы местных крестьян, освобожденные из мест ссылок и тюрем, наехавшие в деревню осенью, перебрались в Москву где надеются составить себе хорошую карьеру...* (Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

На фоне речевого разнообразия наряду с привычными для постреволюционной эпохи сочетаниями нетрудовой, несознательный элемент Платонов создает ряд атрибутивных конструкций, в которых он, с одной стороны, гиперболизирует новую идеологию

ческую установку, когда человек трансформируется в универсальный элемент мироздания (пример 28), с другой стороны, он усиливает антропоцентричность семантики существительного *элемент* (пример 29).

(28) *А тут покоится вещество создания и целевая установка партии – маленький человек, предназначенный состоять **всемирным элементом!*** (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(29) *Воцев снова прилег к телу активиста, некогда действовавшему с таким хищным значением, что вся всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем и более нигде, а уж Воцеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и **покорности слепого элемента.*** (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Слепота как невозможность зрительно воспринимать окружающее в прямом значении может быть присуща только человеку и животным. Покорность – сознательно выбранная поведенческая тактика. Таким образом в платоновской конструкции благодаря характеристике меняется представление о денотате существительного *элемент*.

(30) – *Тот закон для одних **усталых элементов**, – воспринял Чиклин, – а у меня еще малость силы осталось до сна.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(31) *Поэтому Пашкин всюду показывал Козлова как **образцовый элемент активиста**, зарожденного в массах умелым профсоюзным руководством.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

В примерах 30, 31 игра на фонетически близких прилагательных *отсталый* и *усталый*, а также на паронимах *актив* на *активист*, первое из которых, *актив*, метонимически может относиться к отдельному человеку.

Платонов возвращает денотату антропоморфность и в то же время создает метафору-контейнер, показывая, что элемент как часть является составляющей частью целого.

Линия, директива, план

Мы объединили три существительных, поскольку именно они описывают формирующиеся новые отношения человека и государства.

Ушаков описывает в качестве восьмого, переносного, значения слова *линия* «*направление, образ поведения, действий, взглядов*»

[ТСРЯ, т. 2, с. 64]. *Линия* также обозначает сферу деятельности: *по линии профсоюза* и направление развития и руководства. В узусе 1917–1930-х годов существительное *линия* обнаруживается более чем в 900 текстах: это атрибутивные словосочетания, конструкции *линия + N Gen*, *по линии + N Gen*, *по Adj линии*: *по линии профсоюзной, политической, по линии свобод, по линии сепаратизма*.

Платонов, как в предыдущих случаях, следует узусу (пример 32).

(32) – Я вам, товарищи, определяю **по профсоюзной линии** какие-нибудь льготы, – сказал Пашкин. (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

Однако далее автор применяет приемы сплавления значений *линия* как ‘черта’, ‘направление, образ поведения’, ‘направление развития’ опредмечивания – *забежать вперед линии*, одушевления – *линия увидит его* (пример 33).

(33) Пашкин же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и **забежать вперед главной линии**, чтобы впоследствии радостно **встретить ее на чистом месте**, – и тогда **линия увидит его**, и он запечатлется в ней вечной точкой. (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Кроме того, Платонов включает существительное *линия* в состав имени собственного (пример 34), в чем он перекликается с текстами режиссера С.М. Эйзенштейна, в которых обсуждается идея постановки фильма «Генеральная линия» (пример 35). Пример 34 выглядит сатирически пародийным: словосочетание *болото оппортунизма* встречается в девяти текстах вплоть до «Истории ВКПб. Краткого курса».

(34) «По последним матерьялам, имеющимся в руке областного комитета, – значилось в конце директивы, – видно, например, что актив колхоза **имени Генеральной Линии** уже забежал в левацкое болото правого оппортунизма». (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(35) Четвертое измерение в кино Ровно год тому назад..., еще не приступая к монтажу «**Генеральной линии**», я писал в «Жизни искусства», № 34, в связи с гастролями японского театра:.. (С.М. Эйзенштейн. Четвертое измерение в кино (1929)) [НКРЯ].

Существительное *директива* является названием жанра указания от более высокого отправителя к более низкому по статусу адресату: («(книжн.) Общее руководящее указание, даваемое высшим органом подчиненному» [ТСРЯ, т. 1, с. 713].

(36) *Активист еще давно **пустил** устную **директиву** о соблюдении санитарности в народной жизни, для чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

(37) *Сейчас она принесла новость: большевики **пускают директивы** разгромить ваш дом за публичное выступление против большевизма.* (Н.П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Том второй. Революция и Россия (1921)) [НКРЯ].

В узусе 1917–1930 гг. представлена конструкция *получать директиву*, но идея иерархии и разности статусов участников ситуации отражена только у Платонова. А словосочетание *спускать директиву* датируется по Корпусу 1970-ми годами.

(38) *Активист находился здесь же на Оргдворе; прошедшая ночь прошла для него задаром – **директива** не **спустилась** на колхоз, и он опустил течение мысли в собственной голове; но мысль несла ему страх упущений.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Существительное *план* во втором значении обозначает «Замысел, проект, задание, осуществление которых требует выполнения ряда предварительно обдуманых действий, мероприятий, объединенных общей целью. || Система заранее разработанных на определенный срок производственных, строительных, финансовых, культурных, торговых и т.п. мероприятий, работ, как отличительная черта народного хозяйства в социалистическом обществе» [Ушаков, т. 3, с. 279]. Новое значение Ушаков описывает как отенок. Кроме того существительное обозначает документ, в котором замысел изложен. Прогнозирование будущего и изложение путей и этапов достижения цели в новую эпоху охватывает все сферы жизни, частное поглощается общим.

В узусе 1917–1930-х годов обнаруживаем *план народно-хозяйственной жизни, трудовой жизни, национальной жизни*. В предшествующий период встречается словосочетание *план будущей жизни*, однако далее оно утрачивает прилагательное.

(39) *Последняя большая волна эмиграции была волной врангелевского поражения, и она дала чрезвычайно разнокалиберный, некультурный клубок, не ставящий себе никаких широких задач и не строящий никаких **планов будущей жизни** на родине.* (С.Н. Третьяков. Из докладных записок в ОГПУ (1929)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

В примере 40 в одном контексте встречаются три словосочетания, касающиеся различных сфер жизни.

(40) – *О чем ты думал, товарищ Воцев? – О плане жизни. – Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или красном уголке.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

Актив, беднота, колхоз

Новая социальная стратификация отражена и в узусе 1917–1930-х годов, и в «Котловане» А. Платонова.

Все три единицы сопровождаются соответствующими пометами: Слово *актив* – «(полит., нов.) Наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или другой общественной организации» [ТСРЯ, т. 1, с. 23]; *беднота* – «1. То же, что бедность во 2 знач. (разг. простореч.). 2. *собир.* Неимущие люди. 3. Социальная группа маломощных хозяев-крестьян (нов. социол.)» [там же, с. 101]; *колхоз* – «(нов.). Сельскохозяйственная организация, представляющая собой высшую форму с.-х. производственной кооперации, возникающая посредством объединения и коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств (составлено из сокращения слов: коллективное хозяйство)» [ТСРЯ, т. 1, с. 1412].

Применительно к номинациям социальных страт Платонов последовательно прибегает к метонимии. Уникальное словосочетание *членская беднота* создано по модели атрибутивной конструкции с существительным *масса*. Платонов употребляет именную группу конкретно-референтно, перемещая акцент с таксонов или классов объектов на конкретных людей. Предикаты описывают конкретные физические действия, что заставляет переосмысливать и актанты ситуации в антропоцентрическом ключе.

(41) *Организованная, членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится, и ушла смотреть на свое общее, насущное имущество деревни.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

Подобный прием использован также по отношению к колхозу (примеры 42–44).

(42) *Колхоз, не прекращая топчущейся, тяжелой пляски, тоже постепенно запел слабым голосом.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(43) *Но увлеченный колхоз не принял жачевского слова и веско топтался, покрывая себя песней.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ].

(44) *Уложив весь колхоз спать, Жачев проследил еще, чтоб никто не двигался более, а одному колебнувшемуся сделал для успокоения удар в голову осколком ноги, отчего колебнувшийся уснул.* (А.П. Платонов. Котлован (1930)) [НКРЯ. Электрон. ресурс].

Подведем итоги. А. Платонов переосмысливает узус 1917–1930 гг. Предмет его речевого эксперимента устроен сложно: новый узус, его освоение носителями языка, коммуникативные неудачи и непонимание речи при ее рецепции и продукции: неумение понять чужую речь и описать что-либо в собственном высказывании. В сочетаемости лексики идеологического и административного дискурсов автор отражает изменившееся словоупотребление, но далее входит в сложный, конфликтный и абсурдистский диалог с языком своего времени, антропоцентрически конкретизируя термины социологической стратификации, представляя классы и социальные группы как людей, и, наоборот, людей как страты и классы. Социологические и экономические термины «пересажены» в бытовой дискурс и употреблены конкретно-референтно, поскольку соотнесены с конкретными внеязыковыми объектами. Социальное предстает как человеческое и природное. Приемы сплавления значений и денотативных ситуаций приводят к абсурдной картине внеязыковой реальности, которая остается недоступной для понимания. Трагический абсурд как конфликт с внеязыковой и языковой реальностью и непринятие ее отражен в «Котловане» А. Платонова.

Список литературы

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка: пер. с фр. // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (дата обращения: 31 июля 2019 г.).
- Винокур Г.О. О революционной фразеологии: (Один из вопросов языковой политики) // ЛЕФ. – 1923. – № 2. – С. 117–139. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2812.html> (дата обращения: 31 июля 2019 г.).
- Живов В.М. Язык и революция: Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revolyuciya-razmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva> (дата обращения: 31 июля 2019 г.).

- Карцевский С.И.* Русский язык и революция // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия: в 2 т. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – Т. 2. – С. 207–209.
- Карцевский С.И.* Язык, война и революция // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия: в 2 т. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – Т. 2. – С. 215–268.
- Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С. 125–138.
- Левин Ю.И.* От синтаксиса к смыслу и далее: «Котлован» А. Платонова // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – С. 392–419.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://search1.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 31 июля 2019 г.).
- Платонов А.П.* Котлован: Текст, материалы творческой истории. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
- Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.
- Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 247 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова Д.Н. – М.: Терра, 1996. – Т. 1–4.
- Фролова О.Е.* Диалог Андрея Платонова с языком революционной эпохи: (На материале повести «Котлован») // «Скрытая теплота революции»: Поэтика Андрея Платонова / ред. Яблоков Е.А. – М., 2017. – Сб. 3. – С. 104–139.

УДК: 81'272; 81'26

Н.Н. Германова

НОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА: ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТА

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются ситуации, когда нормирование языка провоцирует или углубляет языковой конфликт. Разрабатывая типологию языковых конфликтов этого типа, автор показывает, что нормализационные процессы вовлечены как в межэтнические, так и внутриэтнические конфликты. Межэтнические языковые конфликты возникают между носителями различных языков в полинациональных государствах, чаще всего при стандартизации миноритарных языков, а также между носителями вариантов одного полинационального языка (например, между носителями британского и американского английского). Разработка эднорм таких языков позволяет расширить сферу их употребления и существенно меняет языковую ситуацию, что нередко вызывает сопротивление носителей языков, прежде доминировавших в данном регионе. Таким образом, языковое строительство часто выступает инструментом проведения определенной языковой политики: сближение с доминирующим языком или дистанцирование от него могут использоваться в геополитической борьбе как аргумент в пользу пересмотра (или, напротив, сохранения) существующих границ. Внутриэтнические конфликты разворачиваются между лингвистическим сообществом и общественностью, а также внутри самого лингвистического сообщества; конфликты последнего типа часто вскоре выходят за рамки лингвистической дискуссии и вовлекают в себя политиков и широкие массы рядовых пользователей языком. Это конфликты, вызванные неприятием обществом предлагаемых лингвистами реформ или отдельных рекомендаций; дискуссии между сторонниками прескриптивного и дескриптивного подходов к описанию языка; конфликты, возникающие в ходе стандартизации миноритарного языка (различная трактовка статуса идиома, различное определение его диалектной базы, различное отношение к заимствованиям из

доминирующего языка и т.п.); личностный конфликт между отдельными лингвистами и т.п. По мере того как решения нормализаторов закрепляются в общественном обиходе, они из источника конфликта превращаются в способ его разрешения, что свидетельствует о двойственной роли нормирования языков в контексте конфликтогенных языковых ситуаций.

В лингвистической конфликтологии нормирование языка занимает двойственную позицию: являясь, с одной стороны, средством разрешить языковой конфликт (например, сгладить лингвистические противоречия между метрополией и бывшей колонией за счет кодификации эндонорм последней), кодификация языковых норм, с другой стороны, провоцирует возникновение новых языковых конфликтов как межэтнического, так и внутриэтнического типа. Эти конфликты захватывают политиков, лингвистическое сообщество и различные общественные фракции.

Кодификацию языковых норм принято рассматривать в контексте проблем языкового строительства. Однако рассмотрение практики нормирования языка в свете лингвистической конфликтологии заставляет усомниться в целесообразности жесткого противопоставления понятий языковой политики и языкового строительства (в зарубежной лингвистике этим терминам соответствуют обороты *corpusplanning* и *statusplanning*): как будет показано ниже, в современном мире языковое строительство все чаще и все откровеннее выступает инструментом проведения определенной языковой политики. Так, например, выбор той или иной графической основы или правил орфографии отчетливо свидетельствует о геополитической ориентации государства. Как будет показано ниже на материале галисийского языка, политическая подоплека может обнаружиться даже в нормативных рекомендациях по выбору грамматических форм. Конечно, связь между выработкой единых норм и политическими процессами существовала всегда (единые языковые нормы в любую историческую эпоху способствовали объединению государства), однако в последние десятилетия политическая ориентация мер, предпринимаемых в рамках языкового строительства, вышла на первый план.

Целью настоящей статьи является разработка типологии языковых конфликтов, связанных с процессом нормирования языка и кодификации языковых норм. Эти «болевые точки» нормализационных процессов будут проиллюстрированы преимущественно на материале истории английского языка в его разнообразных

этнических вариантах; в отдельных случаях для иллюстрации будут привлечены данные других языков.

Лингвистические конфликты принято подразделять на межэтнические и внутриэтнические, причем часто полагают, что внутриэтнические языковые конфликты протекают в более мягкой форме и вовлекают в себя меньшее число участников. Однако применительно к конфликтам, связанным с кодификацией языковых норм, это утверждение справедливо лишь отчасти.

Нормализационные процессы оказываются связанными как с межэтническими, так и с внутриэтническими конфликтами. В целом типология языковых конфликтов, связанных с кодификацией языковых норм, представляется следующим образом.

I. Межэтнические языковые конфликты.

1. Языковые конфликты между носителями различных языков в полинациональных государствах.

2. Языковые конфликты между носителями вариантов одного полинационального языка.

II. Внутриэтнические языковые конфликты.

1. Конфликт между лингвистическим сообществом и общественностью: неприятие предлагаемых реформ или конкретных нормативных рекомендаций носителями коммуникативно мощных языков; неприятие результатов кодификации миноритарных языков, проходящих процесс стандартизации, их носителями и т.п.

2. «Внутрилингвистический» конфликт: методологические споры между сторонниками прескриптивного и дескриптивного подходов к описанию языка; конфликты, возникающие в ходе стандартизации миноритарного языка (различная трактовка статуса идиома, различное определение диалектной базы, различное отношение к заимствованиям из доминирующего языка и т.п.); личностный конфликт между отдельными лингвистами и т.п.

Следует подчеркнуть, что здесь упомянуты только языковые конфликты, так или иначе затрагивающие процесс нормирования языка, что не исчерпывает всего разнообразия языковых конфликтов (выше, например, не упомянуты конфликты между коммуникативно мощными языками, общественные функции которых ограничивает глобальное распространение английского языка, конфликты, связанные с конкуренцией языков в образовательной сфере, и т.п.).

В основе языковых конфликтов в полинациональных государствах (первый тип межэтнических языковых конфликтов) лежит ущемление языковых прав этносов, языки которых в недостаточ-

ной степени (по крайней мере, с точки зрения их носителей) используются в общественно значимых сферах коммуникации. Эти конфликты затрагивают жизненно важные стороны жизни разных групп людей (право на получение гражданства, образования, престижной работы и т.п.), и поэтому протекают весьма активно [Михальченко, 2014]. Способом разрешения или, по крайней мере, сглаживания подобных конфликтов является расширение функций ущемленных в своих правах языков, которое, однако, невозможно в том случае, если у языка нет кодифицированных норм. Как справедливо отмечал Ч. Фергюсон, стандартизация невозможна без графизации и модернизации идиома [Ferguson, 1996]. Э. Хауген подчеркивает также необходимость развития функций языков, проходящих процесс стандартизации [Haugen, 1983]. Кодификация норм миноритарного языка готовит почву для расширения сфер его употребления и, таким образом, при конструктивной языковой политике государства может способствовать сглаживанию межэтнического конфликта. Однако, как будет показано ниже, новые нормы не всегда принимаются их потенциальными пользователями, так что межэтнический конфликт усугубляется внутриэтническим конфликтом.

Межэтнические лингвистические конфликты могут разворачиваться и между отдельными государствами. В этом случае речь идет о выработке собственных норм для вариантов полинациональных языков, которые ранее не претендовали на самостоятельность. На протяжении последних столетий этническое варьирование полинациональных языков углублялось (ср. формирование американского, австралийского, новозеландского и других вариантов английского языка). На первом этапе обособление варианта может восприниматься метрополией достаточно болезненно, и новые нормы могут подвергаться насмешкам как неграмотные, провинциальные и т.п. Со временем, однако, ситуация нередко меняется кардинальным образом.

В этом плане характерна история становления американского английского. В XVIII в. британцы с удивлением обнаружили, что в Новом Свете английский язык начинает претерпевать различные изменения; в XIX в. языковые отличия и стиль речи американцев стали объектом резкой критики, прежде всего за вульгарность и склонность к преувеличениям [см. подробнее: Finegan, 1980; Dillard, 2015, p. 25]. Вот, к примеру, крайне нелестная оценка американского английского, принадлежащая перу британского переводчика, поэта и религиозного деятеля Г. Элфорта: «Взгляните

на те обороты, которые так забавляют нас в их речи и книгах, на их безудержные преувеличения и пренебрежение всякой соразмерностью и затем сопоставьте их с характером и историей этой нации – с их притупленным чувством морального долга и обязанностей человека... и их отчаянным продолжением самой жестокой и беспринципной войны в истории человечества» [Alford, 1866, p. 6]. В этом пассаже внимание привлекает, помимо прочего, отождествление особенностей речеупотребления и национального характера американцев: как отмечают социальные психологи, влияние социальных установок на оценку речевой деятельности является весьма характерным когнитивным процессом и нередко предопределяет исход коммуникации [Giles, Powesland, 1975; о социальной психологии языка см. подробнее: Германова, 2019, с. 99–105]. Подобные стереотипы могут привести к конфликтам не только на институциональном, но и на бытовом уровне.

История дальнейшего становления американского английского (в частности, выдающаяся роль Н. Вебстера в формировании национальной идентичности американцев и обособлении американского английского достаточно хорошо изучена [Kendall, 2011; Kramer, 2014; Dillard, 2015 и др.]. Сходные процессы затронули и другие этнокультуры и языки (ср. формирование мексиканского испанского, канадского французского, бразильского португальского, чилийского испанского и других этнических вариантов полинациональных языков).

В XX в. процесс диверсификации мировых языков углубился и привел к тому, что в ряде вариантов полиэтнических языков, не являющихся родными для их носителей, сформировались собственные нормы (так называемые «эндонормы»), вытеснившие или, по крайней мере, потеснившие нормы бывшей метрополии (которые по отношению к ним выступают как «экзонормы»). Этот процесс получил название «глокализации»; в рамках английского языка он привел к тому, что отклонения от норм метрополии в английском языке бывших британских колоний более не воспринимаются как ошибки [Прошина, 2017]. Сходные процессы происходят и с другими полиэтническими языками за пределами территории их первоначального бытования, хотя они не получили столь подробного описания в лингвистической литературе.

Следует заметить, что статус подобных вариантов существенно варьирует. Так, если исследователи не исключают возможность того, что индийский английский будет со временем преполагаться в индийских школах вместо британского варианта, в

Гане сам оборот *Ghanaian English* вызывает столь активное неприятие, что его предпочитают заменять на *English in Ghana* [Anderson, 2009].

Диверсификация полиэтнических языков существенно меняет языковую ситуацию во многих странах мира. К ее последствиям относится падение престижа «носителя языка» (*native speaker*) и, вследствие этого, изменение практики преподавания иностранного языка, в которой предпочтение нередко начинает отдаваться носителям местных вариантов. По некоторым данным, это приводит к тому, что образование в англоязычных странах становится менее востребованным; английский язык постепенно перестает доминировать и в интернет-коммуникации, что воспринимается носителями английского языка с определенной озабоченностью [Graddol, 2006].

Озабоченность носителей полиэтнических языков вызывает и то обстоятельство, что диверсификация вариантов может привести к взаимонепониманию их носителей. Пытаясь хотя бы отчасти решить эту проблему, некоторые государства проводят орфографические реформы, призванные сблизить «разбегающиеся» идиомы хотя бы в области графики. Так, на устранение различий и упрощение орфографии в странах распространения португальского языка нацелено Соглашение по орфографии португальского языка 1990 г. (*Acordo Ortográfico da Língua Portuguesa*) между Португалией, Бразилией, Анголой, Мозамбиком, Гвинеей-Бисау, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи. В 1980 г. Нидерланды и Бельгия создали Нидерландский языковой союз (*Nederlandse Taalunie*, NTU); в 2005 г. к организации присоединился Суринам. В задачи организации входит, в частности, выработка единой системы правописания и разработка справочников нидерландского языка. Орфографическая реформа немецкого языка (*Reform der deutschen Rechtschreibung*) также ставит одной из своих целей унификацию письма с целью укрепления международных позиций языка.

Формирование эндонорм, т.е. кодификация языковых норм вариантов полиэтнических языков на первом этапе может приводить к углублению межэтнического языкового конфликта, однако по мере того как эти нормы получают поддержку сначала местного населения, а в дальнейшем закрепляются на международной арене, острота конфликта сглаживается, и статус таких вариантов повышается. Наиболее ярким примером является судьба американского английского языка, который в XXI в. оказывает значительно большее влияние на британский английский, чем

английский язык Великобритании – на американский вариант английского языка.

Рассмотрим теперь типичные внутриэтнические конфликты, порожденные кодификацией языковых норм. Участниками конфликта в этом случае оказываются, с одной стороны, лингвистическое сообщество и, с другой, – носители языка, не согласные с предлагаемыми реформами; возможны, конечно, и конфликты внутри самого лингвистического сообщества, а также конфликты между различными группами носителей языка. Эти конфликты разворачиваются в пространстве как коммуникативно мощных, так и миноритарных языков, хотя их причины в этих двух случаях разнятся.

Что касается коммуникативно мощных языков с развитой нормативной традицией, то в этом случае конфликт провоцирует сама устойчивость литературного языка и высокий престиж его норм, так что попытки его изменить нередко вызывают сопротивление. Носители литературного языка часто воспринимают предлагаемые новшества как разрыв с культурной традицией, который, помимо прочего, подвергает сомнению их компетентность в вопросах культуры речи, и встречают предлагаемые реформы в штыки. Так случилось, к примеру, с проектом орфографической реформы 1964–1965 гг. в СССР, которая, несмотря на свою последовательность, была решительно отвергнута общественностью. Активное сопротивление встречает и проводимая с 1998 г. орфографическая реформа немецкого языка, получившая у своих противников ироническое название *Schlechtschreibreform* («плохописательная» реформа). Несмотря на то что ее внедрение затянулось на 20 лет, до полного единообразия в немецкой орфографии по-прежнему далеко. Активные споры вызывают и заимствования, разделяющие общественность на сторонников обновления словарного запаса языка и приверженцев пуристической позиции. Например, в современной Великобритании болезненной для многих британцев проблемой остается активное заимствование молодежью, а также СМИ, американизмов, которые консервативная часть общества продолжает считать вульгарными и неуместными.

Что же касается миноритарных языков, только проходящих процесс стандартизации, то здесь усилия лингвистов также нередко наталкиваются на сопротивление их носителей. Дело в том, что имея дело с миноритарным языком, не имевшим прежде письменности и кодифицированных норм, с языком, представленным рядом диалектов, лингвисты вынуждены прибегать к своего рода

социальной инженерии, в прямом смысле слова конструируя новые идиомы.

Одной из острых проблем являются массовые заимствования, искажающие исконный облик языка. Они практически неизбежны для разработки терминологии, необходимой для употребления миноритарного языка в административной, политической и образовательной сферах, однако тот факт, что эти заимствования нередко имеют источником тот самый «язык-гонитель», обрести свободу от которого и пытается миноритарный этнос, не способствует положительной оценке таких инноваций.

Противоположная тактика разработчиков новых языковых стандартов состоит в максимальном подчеркивании отличий миноритарного языка от генетически родственных идиомов; в результате нормализаторы могут предлагать в качестве образца не наиболее распространенные формы, но, напротив, формы, характерные для небольшого числа диалектов и, соответственно, известные небольшому числу говорящих. Иногда рекомендуемые варианты конструируются самими нормализаторами (это особенно характерно для орфограмм). Так, например, разработчики словаря ольстерского шотландского языка *The Complete Ulster-Scots Dictionary* (ольстерский шотландский, наряду с шотландским языком скотс, признан отдельным языком Великобритании) во многих случаях отдают предпочтение орфограммам, отличным от стандартного английского написания: *doon* (*down*), *aboord* (*aboard*), *academie* (*academy*), *eccydent* (*accident*), *dae* (*do*) и т.п. [Архипова, 2018].

В результате представители миноритарного этноса не всегда могут узнать родной язык (точнее, родной диалект) в предлагаемых им языковых стандартах и не испытывают по отношению к нему языковой лояльности, так что для многих новые нормы остаются не более чем предметом школьного обучения. Образно говоря, порой лингвисты «возрождают язык, который никогда не существовал».

Переходя к «внутрилингвистическому конфликту», следует заметить, что и в среде самих лингвистов очень часто нет единства во мнениях как по поводу того, как в принципе следует подходить к нормированию языка, так и по поводу конкретных нормативных рекомендаций. Дискуссии в лингвистическом сообществе могут носить как сугубо академический характер (что, впрочем, не мешает тому, что такие дискуссии протекают порой в достаточно резкой форме), так и перерасти в политическую плоскость, что особенно очевидно в дискуссиях относительно стандартизации

миноритарных языков. Начинаясь в научном сообществе, такие дискуссии, как правило, со временем вовлекают в себя как рядовых носителей языка, так и различные политические силы.

Принципиально важным и до сих пор нерешенным методологическим вопросом для практики нормирования языка остается соотношение дескриптивного и прескриптивного подходов к описанию языка. Проблема обозначилась в XX в., когда под влиянием структурализма научный подход к описанию языка стал ассоциироваться с дескриптивизмом, подразумевающим объективность описания и запрет на вмешательство в язык. Многих современных западных, в частности англоязычных, лингвистов объединяет критическое отношение к практике нормирования языка, которая рассматривается в сугубо негативном свете: как закрепление социального неравенства за счет навязывания обществу элитарных языковых норм; как подавление свободного самовыражения индивида, который волен самостоятельно конструировать свою идентичность; как обеднение языка за счет устранения языкового варьирования; как возврат к устаревшим ненаучным подходам к описанию языка и отрицание неизбежности языковой эволюции [см. подробнее: Германова, 2016]. Сторонники прескриптивного подхода получают нелестные прозвища «охранников» (*gatekeepers*) и высоколобых ученых мужей (*languagepundits*).

Этот подход фактически выводит труды нормативного характера за пределы академической науки и ставит их авторов в трудное положение: нормализационная деятельность по своей сути нацелена на сокращение вариативности языка (по крайней мере, в области свободного варьирования) и выработку рекомендаций в области культуры речи, что с неизбежностью подразумевает вмешательство лингвиста в язык.

Как показывает исследование нормативной традиции Великобритании, стремление идти в ногу со временем приводит к тому, что авторитетные словари последних десятилетий (*Cambridge English Pronouncing Dictionary*, *Oxford Dictionary of Pronunciation for Current English*, *Longman Pronunciation Dictionary*) демонстрируют трансформацию традиционного жанра нормативного орфоэпического словаря: в них существенно усиливается дескриптивный подход, что приводит к отказу от оценочных суждений [Шляхова, 2015]. Эти словари представляют читателям конкурирующие произносительные варианты без оценочных комментариев; вместо них авторы указывают на распространенность того или иного произношения в определенной региональной, социальной и

возрастной среде. Пользователю словаря, таким образом, предлагается самостоятельно выбрать вариант произношения, соответствующий его индивидуальному вкусу и потребностям самоидентификации.

Таким образом, даже в рамках нормативной традиции на смену жесткой оппозиции правильное / неправильное (*correct / incorrect*) приходит более гибкая оппозиция приемлемое / неприемлемое (*acceptable / unacceptable*), причем имеется в виду приемлемость или неприемлемость именно в данной коммуникативной ситуации. Представление о превосходстве одного идиома или одного типа дискурса над другим (так называемая «идеология стандартного языка») расценивается как вредный и устаревший миф.

Впрочем, подобный подход не всегда находит поддержку у рядового пользователя, который хотел бы найти в словарях практические рекомендации. В итоге между требованиями научного сообщества и потребностями широкой публики намечается диссонанс. По мнению Дж. Бил, между прескриптивизмом XVIII в. и настроениями современной публики существует несомненное сходство, что позволяет говорить о формировании «нового прескриптивизма» [Beal, 2008]. К такому выводу автор пришла на основании изучения писем читателей в британские газеты. Эти письма демонстрировали глубокую озабоченность упадком культуры речи, причем многие авторы (как и в свое время Г. Элфорд) проводили параллель между нарушением языковых норм и падением общественной морали. Как бы ни критиковали лингвисты прескриптивизм, оценочные суждения относительно языковых фактов составляют неотъемлемую часть массовой языковой культуры и основу общественных движений, связанных с языком. Поэтому издания прескриптивной направленности (например, справочники Фаулера [Fowler's dictionary of modern English usage, 2015] или книга о правилах постановки апострофа Л. Трасс [Truss, 2004]) пользуются в читательской среде неизменным спросом.

Ярким примером диаметрального расхождения во мнениях стала оценка третьего издания словаря Уэбстера *Third New International Dictionary* (1961). В то время как одни лингвисты горячо приветствовали его дескриптивную направленность, другие обвиняли составителей в том, что они «распахнули ворота перед разношерстными заблуждениями и порчей языка», «стерли границу между прежде существовавшими различиями между языковым стандартом, субстандартом, разговорной речью, вульгаризмами и сленгом», так что «понятия хорошего и плохого, верного и невер-

ного, правильного и неправильного больше не существуют» [цит. по: Finegan, 1980, p. 7; см. также: Finegan, 2001]. Словарь как сочинение, попустительствующее упадку морали и культуры, называли «третьим (или большевистским) интернационалом Уэбстера». Владелец одного крупного издательства даже предложил приобрести компанию Мерриам Уэбстер, выпускающую линию словарей Уэбстер, с тем чтобы уничтожить тираж третьего издания.

Естественно, расхождения во взглядах в среде лингвистов касаются не только оппозиции прескриптивизм / дескриптивизм. Споры вызывают и рекомендации по конкретным языковым фактам различных языковых уровней.

Хорошим примером является опыт нормирования галисийского языка. В зависимости от своих политических убеждений и лингвистических представлений нормализаторы стремятся либо сблизить галисийский язык с португальским, либо, напротив, максимально подчеркнуть дистанцию между ними. В итоге в Галисии сложилось три «фракции»: официалисты (Институт Галисийского языка, Королевская академия Галисии, Исследовательский институт Падре Сармьенто), реинтегрлисты-минималисты (Социально-педагогическая ассоциация Галисии) и реинтегрлисты-максималисты (Ассоциация галисийского языка, Движение за защиту языка, Организация в пользу нормализации). Как видно, каждая из фракций имеет серьезную институциональную поддержку. Для официалистов, по крайней мере в орфографии, ориентиром является кастильский испанский, в то время как реинтегрлисты подчеркивают историческую связь галисийского и португальского языков и готовы в ряде случаев отказаться от опоры на сложившийся узус. Это касается как орфографии, так и некоторых морфологических характеристик имени, глагола и местоимения [Евдокимова, 2019, с. 15].

Нередко споры вызывают не только отдельные рекомендации нормализаторов языка, но сам статус идиома. Хорошим примером является продолжающаяся в Испании дискуссия о статусе валенсийского языка. В 2005 г. он был официально признан Валенсийской академией вариантом каталанского языка, эту позицию также поддерживает Королевская академия испанского языка. Такую трактовку валенсийского языка охотно используют каталанские сепаратисты, вынашивающие политический проект «Великая Каталония». Оппонентами Валенсийской академии и Королевской академии выступают Королевская академия валенсийской культуры, организация Ло Рат Пенат и другие культурные фонды, по-

лагающие, что валенсийский и каталанский языки являются двумя разными романскими языками, и валенсийский язык, сохранившийся в Валенсии после вторжения мавров, является самостоятельным результатом эволюции вульгарной латыни. В связи с обострением политической ситуации в Каталонии проблема приобретает политическую окраску: по существу, валенсийцы должны принять позицию, либо поддерживающую суверенитет Каталонии, либо оспаривающую его [Коренева, Крюкова, 2018]. При этом избранный подход к выработке языковых стандартов (подчеркивающий особенности валенсийского языка или нивелирующий их) обеспечивают лингвистическую поддержку той или иной политической платформы. Как хорошо сказала Ева Сикар, занимавшаяся вопросами языкового образования в Валенсии, «когда не хватает аргументов в политической борьбе, всегда вытаскивается монстр языка» [цит. по: Коренева, Крюкова 2018, с. 141].

Таким образом, практика нормирования языка оказывается вовлеченной в большое число языковых конфликтов, как межэтнического, так и внутриэтнического характера. Особенно острую общественно-политическую реакцию вызывает разработка норм для языковых идиомов, ранее считавшихся вариантами коммуникативно мощных языков, и стандартизация миноритарных языков с низким социальным статусом. Разработка эндонорм таких языков позволяет расширить сферу их употребления и существенно меняет языковую ситуацию, что вызывает сопротивление носителей языков, прежде доминировавших в данном регионе. В ряде случаев решения нормализаторов, направленные на сближение с некоторым коммуникативно мощным языком или дистанцирование от него, могут использоваться в геополитической борьбе как аргумент в пользу пересмотра (или, напротив, сохранения) существующих границ.

Что касается расхождения во взглядах по поводу вопросов культуры речи, то, хотя они не имеют столь далеко идущих политических последствий, они также часто вызывают ожесточенные споры (ср. упомянутую выше дискуссию о принципах составления *Webster's Third New International Dictionary*). Эти дискуссии часто выплескиваются за рамки академического сообщества. Литературный язык делит общество на литературно образованных людей, с одной стороны, и людей малообразованных – с другой; это деление имеет и социальную подоплеку. Плохое владение нормами языка нередко вызывает осуждение и насмешку со стороны тех, кто ими овладел. Последние часто болезненно воспринимают попытки из-

менить устоявшиеся языковые нормы, поскольку это подвергает сомнению их собственный культурный статус. Особую остроту дискуссиям по вопросам культуры речи придает широко распространенная в массовом языковом сознании социально-психологическая тенденция переносить характеристики, в том числе и негативные, некоторых социальных групп на используемые ими языки (диалекты, жаргоны), в силу чего последние объявляются вульгарными, грубыми, провинциальными, отсталыми и т.п.

Вместе с тем по мере того как решения нормализаторов закрепляются в общественном обиходе, они из источника конфликта превращаются в способ его разрешения, что подтверждает двойственную роль нормирования языков в контексте конфликтогенных языковых ситуаций.

Список литературы

- Архипова Л.С.* Лексикографический аспект нормирования современных миноритарных языков: (На материале ольстерского шотландского языка) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманит. науки. – М., 2018. – Вып. 4 (739). – С. 163–176.
- Германова Н.Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции: (На материале грамматик английского языка конца XVII – начала XX веков): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2016. – 414 с.
- Германова Н.Н.* Английский язык сквозь призму социолингвистики: Теоретические аспекты языкового варьирования. – М.: МГЛУ, 2019. – 184 с.
- Евдокимова А.А.* Нормализационные и кодификационные процессы в условиях двуязычия: (На языковом материале иберийского ареала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019. – 23 с.
- Коренева Е.В., Крюкова О.С.* Современный социолингвистический статус валенсийского языка (диалекта) // Человек: Образ и сущность: Гуманит. аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – С. 134–143.
- Михальченко В.Ю.* Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 210–213.
- Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. – М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2017. – 208 с.
- Шляхова Е.С.* Кодификация орфоэпической нормы английского языка в Великобритании в новоанглийский период: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 24 с.
- Alford H.* A plea for the queen's English. – 2 nd ed. – L.: Deighton, Bell and Co., 1866. – 287 p.

- Anderson J.A.* Codifying Ghanaian English: Problems a. prospects // *World Englishes: Problems, properties a. prospects: Sel. papers from the 13 th IAWE Conference.* – Amsterdam; Philadelphia, 2009. – P. 19–38.
- Beal J.C.* Shamed by your English? The market value of a ‘good’ pronunciation // *Perspectives on prescriptivism* / Ed. by Beal J.C. et al. – Bern, 2008. – P. 21–40.
- Dillard J.L.* *Perspectives on American English.* – The Hague: Mouton publ., 2015. – 475 p.
- Ferguson Ch.A.* *Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society, 1959–1994* / Ed. by Huebner Th. – Oxford; N.Y.: Oxford Univ. press, 1996. – 348 p.
- Finegan E.* *Attitudes toward English usage: The history of a War of words.* – N.Y.: Teachers College press, 1980. – 196 p.
- Finegan E.* Usage // *The Cambridge history of the English language: In 6 vol.* / Ed. by Algeo J. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2001. – Vol. 6: English in North America. – P. 358–421.
- Fowler's dictionary of modern English usage* / Ed. by Butterfield J. – 4 th ed. – Oxford: Oxford Univ. press, 2015. – 928 p.
- Graddol D.* *English next.* – L.: British Council, 2006. – 128 p.
- Giles H., Powesland P.* *Speech style and social evaluation.* – L.: Acad. press, 1975. – 218 p.
- Haugen E.* The implementation of corpus planning: Theory a. practice // *Progress in language planning: International perspectives* / Ed. by Cobarrubias J.A., Fishman J.A. – B., 1983. – P. 269–289.
- Kendall J.* *The forgotten Founding Father: Noah Webster's obsession and the creation of an American culture.* – Penguin, 2011. – 416 p.
- Kramer M.P.* *Imagining language in America: From the revolution to the Civil War.* – Princeton: Princeton Univ. press, 2014. – 260 p.
- Truss L.* *Eats, shoots and leaves: The zero tolerance approach to punctuation.* – N.Y.: Gotham books, 2004. – 209 p.

М.Б. Раренко

**ТРЕХЪЯЗЫЧИЕ В ШОТЛАНДИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
В СТРАНЕ И МИРЕ**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, rarenco@rambler.ru*

Аннотация. Языковая ситуация в современной Шотландии является результатом как исторических событий в самой стране, так и геополитических изменений, происходящих активно в мире в последние несколько десятилетий. В статье рассматривается ситуация трехъязычия, наблюдаемая сегодня на территории Шотландии, представляющей собой кельтский и германский языковые ареалы в исторической перспективе. Анализируются причины трехъязычия.

Введение

Согласно Л.Б. Никольскому, языковая ситуация – это «взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований, изменяющихся во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний» [Никольский, 1976, с. 80].

Шотландия, находящаяся на севере от Англии и занимающая 78,7 тыс. квадратных километров, характеризуется неоднородным и разнообразным рельефом, в связи с чем выделяются три основных региона: Южно-Шотландская возвышенность, Средне-Шотландская низменность (Лоуленд) и Шотландское нагорье (Хайленд), к которому исторически тяготеют Внутренние и Внешние Гебридские острова. Население страны составляют приблизительно пять миллионов человек, 98% которых являются этни-

ческими шотландцами. Три четверти населения сосредоточено в Лоуленде, где расположены крупнейшие городские и промышленные центры страны [Донскова, 2007; Павленко, 2003].

Сегодня три¹ языка – шотландский английский² (т.е. местный вариант английского языка), скотс³ и гэльский язык⁴ – на территории Шотландии используются в качестве основных, помимо многочисленных диалектов.

Шотландия: Исторический экскурс

Для всестороннего понимания сложившейся сегодня на территории Шотландии непростой языковой ситуации необходим краткий экскурс в историю страны. Историки придерживаются точки зрения, что первые люди появились на территории современной Шотландии приблизительно 8 тыс. лет назад, а первые постоянные поселения могли возникнуть не ранее 6 тыс. лет назад. В середине I тысячелетия нашей эры Шотландия полностью сохраняла кельтский облик, и значительную часть территории страны на тот момент занимали племена, известные под названием «пикты»⁵ (так их называли римляне), происхождение названия которых обычно объясняется тем, что пикты свои тела обильно украшали рисунками. На юге страны проживали группы бриттов, вытесненные из Англии англосаксами.

В конце V в. – начале VI в. на западные берега современной Шотландии с территории современной Ирландии переселились кельтские племена скоттов, название племени которых постепенно перешло на название всей страны и которые к середине IX в.,

¹ В научной литературе не наблюдается единства в использовании терминологии, и иногда под шотландским языком понимается гэльский. – *Прим. авт.*

² Шотландский английский язык представляет собой литературный вариант английского языка, функционирующий на территории Шотландии и являющийся территориальным вариантом английского языка. – *Прим. авт.*

³ Скотс – германский по происхождению язык, развившийся из нортумбрийского (северного) диалекта древнеанглийского языка. – *Прим. авт.*

⁴ Гэльский язык – кельтский по происхождению язык, развившийся из принесенного на территорию Шотландии ирландскими переселенцами. – *Прим. авт.*

⁵ Этническая принадлежность древних обитателей Шотландии – пиктов, или каледонцев, как их также называли римские авторы, до сих пор не выяснена. Некоторые авторы считают, что в основе их были докельтские племена, другие связывают их формирование с первой волной кельтских переселенцев на Британские острова. – *Прим. авт.*

после завоевания пиктов, создали единое королевство, распространившее свое влияние на всю остальную территорию.

В начале XI в. районы восточного побережья и равнина Лотьяна, заселенные на тот момент племенами англов, вошли в состав королевства. В результате этого была установлена граница между Шотландией и Англией в ее современном виде, а также в значительной степени была определена дальнейшая история Шотландии. В частности, включение в состав Шотландии англосаксонских районов, более плодородных и более развитых в экономическом отношении, чем другие районы страны, привело к постепенному распространению там древнеанглийского языка. Однако государственным языком по-прежнему оставался гэльский.

Завоевание Англии норманнами (1066), не коснувшееся Шотландии непосредственно, поскольку Вильгельм Завоеватель (1027/28–1087) на первых порах удовлетворился тем, что шотландский король признал себя его вассалом, тем не менее послужило причиной цепи событий, из-за которых Шотландия изменила своей гэльской культурной ориентации. Малкольм III (1031–1093) женился на Маргарите, сестре Эдгара Этлинга, свергнутого англосаксонского претендента на английский трон, который впоследствии получил поддержку со стороны Шотландии. Маргарита сыграла важную роль в снижении кельтского влияния в стране, а ее сын, Давид I (1084–1153), стал англо-норманнским властителем, определившим в значительной степени путь развития страны. Последствия политики Давида I, однако, не всегда способствовали сохранению единства языка в королевстве и приводили к постепенной англоизации региона. Приток на шотландскую землю англосаксов, бежавших от норманнов, способствовал дальнейшему распространению их языка на этих землях. Английское влияние в значительной степени усилилось в XII в. вследствие браков между шотландскими и английскими королевскими фамилиями.

Таким образом, шотландский королевский двор постепенно англоизировался и становился центром англосаксонской культуры в Шотландии, а проводниками этой новой для страны культуры становились английские феодалы, которых шотландский король приглашал на службу.

Следует отметить, что Шотландия на протяжении всей своей истории стремилась сохранить свое национальное своеобразие, свой язык. В конце XIII в. Англия пыталась захватить Шотландию, но английские войска были разбиты, и по договору 1328 г. Англия вынуждена была признать независимость Шотландии, что еще в

большей степени способствовало национальному сплочению шотландцев. Важными событиями в шотландской истории было создание в конце XIII в. парламента и особенно принятая церковная реформа, благодаря которой в стране с середины XVI в. было утверждено пресвитерианство. В 1560 г. шотландский парламент принял закон о признании пресвитерианской церкви государственной церковью Шотландии, а официальным языком Шотландии был принят язык, образовавшийся на основе языка англосаксонских переселенцев при значительном влиянии местного кельтского (гэльского) языка и получивший название скотс (Scots).

К концу Средневековья Шотландия была разделена на две культурные зоны: 1) равнинную, жители которой говорили на скотс, 2) горную, население которой использовало в качестве языка общения гэльский язык. Несмотря на то что скотс становился все более популярным на территории Шотландии, в удаленных частях юго-запада страны, входивших в графство Галлоуэй, использовался (возможно, до XVIII в.) галовейский гэльский диалект.

Важным в истории Шотландии стал 1603 г., когда после смерти английской королевы Елизаветы I (1533–1603), не оставившей прямых наследников, король Шотландии Иаков VI (1566–1625), сын Марии Стюарт (1542–1587) и племянник Елизаветы I, унаследовал английский престол и стал королем Англии Иаковом I. За исключением периода существования Британского содружества наций Шотландия оставалась отдельным государством, но вместе с тем имели место значительные конфликты между монархом и шотландскими пресвитерианами по поводу формы церковного управления. После Славной революции и свержения католика Иакова II (1633–1701) Вильгельмом III (1650–1702) и Марией II (1662–1694) Шотландия некоторое время стремилась избрать собственного монарха-протестанта, но под угрозой разрыва Англией торговых и транспортных связей шотландский парламент совместно с английским в 1707 г. принял «Акт об унии». В результате объединения было образовано королевство Великобритания.

Взаимодействие трех языков на территории Шотландии

Рассмотрим в исторической перспективе, как взаимодействовали между собой языки на территории Шотландии. Как можно видеть из краткого исторического экскурса, в VI в. н.э. на равнинной части Шотландии (Лоуленд), вследствие особых исторических условий, сосуществуют два языковых ареала – кельтский и гер-

манский. Именно сюда, в южную часть Лоуленда – территории к северу и югу от гор Чевиот-Хилс и реки Твид – стали заселяться англы, германское племя, войдя в состав королевства Нортумбрии. В конце X в. после нескольких войн между англосаксонскими и кельтскими королями эта часть Нортумбрии отошла шотландскому королю Кеннету III (997–1005), но по условиям договора английскому населению данного региона было разрешено сохранить свои законы и свой язык – северную ветвь нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка.

а) Гэльский язык

До конца XI в. в данном регионе использовался и гэльский язык, однако после того, как на трон объединенного Шотландского королевства взойшел Малькольм III Кенмор (ок. 1031–1093), сын короля Данкена и нортумбрийки из знатного рода, шотландская династия стала фактически англосаксонской, что способствовало дальнейшему распространению северной разновидности древнеанглийского языка за счет вытесняемого гэльского.

Гэльский¹ язык – язык по преимуществу жителей горной части Шотландии и островов, ей принадлежащих. Самые серьезные испытания на долю гэльского языка выпали в XVIII в., в результате второго якобитского восстания 1745 г., которое повлекло за собой сначала размывание, а затем и полное разрушение клановой системы и эмиграцию многих вождей и рядовых членов кланов, что и привело к очень малой плотности населения в горной Шотландии и большой разобщенности носителей языка при одновременно усилившемся притоке англоязычного населения.

Гонению подверглась древняя кельтская культура – было запрещено носить национальную одежду, запрещена была даже шотландская волынка, причисленная к «орудиям войны». Шотландские власти пытались искоренить и гэльский язык, запрещая его использование в церкви и в школах. Однако трудности обучения гэльских детей были настолько велики, что в 1766 г. было принято решение разрешить употребление гэльского языка наряду с английским. В 1767 г. в Шотландии вышло Евангелие на гэль-

¹ В научной литературе встречаются следующие варианты названия данного языка: шотландский, гаэльский, гельский, эрский, горношотландский. Гэльский язык (самоназвание Gàidhlig; англ. Gaelic, или Scottish Gaelic) относится к гойдельской ветви кельтских языков, носители которого – кельтская народность гэлы – традиционно проживали в горной части Шотландии, а также и на Гебридских островах. – *Прим. авт.*

ском языке, а в начале XIX в. – Библия, но несмотря на все принятые меры, гэльский язык сохранился лишь как разговорный.

Современный литературный гэльский язык начинает оформляться в конце XVIII – начале XIX в. на основе юго-восточных диалектов, при этом он продолжает сохранять много консервативных черт, которые уже исчезли в диалектах к XVIII в. как в орфографии, так и в лексике и в морфологии. В появляющихся в этот период изданиях фольклорных текстов авторы пытаются как можно полнее и адекватнее передать особенности живых диалектов. Письменный гэльский язык, развившийся в таких условиях, стал синтезом некоторых черт старого (ирландского) языка с особенностями западно-центральных шотландских диалектов.

б) Скотс¹

В XIV в. на базе языковой нормы эдинбургского королевского двора и университета г. Сент-Эндрюс сформировался общенациональный языковой стандарт Шотландии того времени, получивший название *Inglis*. Во второй половине XV в. этот язык стал именоваться *Scottis*, а название *Inglis* стало использоваться исключительно для обозначения близкородственного языку *Scottis* среднеанглийского языка, который был распространен на территории Англии.

В 1603 г. произошло объединение корон Шотландии и Англии, и *Scottis* стал постепенно утрачивать статус государственного языка, а после 1707 г., после объединения английского и шотландского парламентов, национальный английский язык того времени, развившийся на основе лондонского диалекта, полностью и окончательно утвердился в качестве языка политики, образования и религии на территории Шотландии. Еще в течение долгого времени *Scottis* оставался среди шотландцев языком повседневного, домашнего, общения, но доминирование английского языка в официальной среде постепенно привело к размыванию и в конечном счете фактической утрате единой нормы языка, сложившейся в XIV–XV вв. Таким образом, *Scottis* сохранился только как совокупность территориальных диалектов. Но на протяжении XVII и даже XVIII в. иностранцы продолжали воспринимать *Scottis* как самостоятельный язык, автономный по отношению к английскому.

К концу XIX – началу XX в. скотс стал восприниматься как язык низших слоев населения. Однако интерес к языку возникает

¹ Более подробно см.: [Денисова, 2010]. – *Прим. авт.*

вновь в 20-е годы XX в., в период так называемого Шотландского возрождения. В этот период была создана Шотландская национальная партия. У истоков современного шотландского национального движения стоял общественный деятель, писатель и поэт Хью Макдермид¹ (1892–1978), который в своих художественных произведениях стремился к синтезу шотландских диалектов начала XX в. с элементами языка шотландской литературы более ранней эпохи.

Однако стремления укрепить позиции языка скотс в 20–30-е годы XX в., а также после Второй мировой войны особого успеха не имели, что в значительной мере объясняется тем фактом, что все более широкое распространение получает теле- и радиовещание на литературном английском языке.

в) Шотландский английский язык

Шотландский английский язык (Scottish English) начал формироваться примерно после XVII в. на почве взаимодействия языка скотс и британского английского. Считается, что через значительный промежуток времени местное кельтоязычное население было практически полностью англоизировано, причем происходило это не через естественную языковую среду – через семью, а в порядке принуждения – через церковь и школу. Шотландский английский язык всегда отличался повышенной нормативностью речи и участием литературной нормы.

Языки на территории Шотландии сегодня

а) Гэльский язык

В конце XX в. языковая ситуация в Шотландии несколько изменилась, и с образованием шотландского парламента гэльский был провозглашен официальным языком страны.

На гэльском языке сегодня говорит часть населения западных регионов северной Шотландии и Гебридских островов. По данным на 1961 г., говорящих на гэльском языке насчитывалось 81 тыс. человек, в 1971 г. говорящие на гэльском языке составляли 88 тыс. человек (по другим данным – 89 тыс.), из них только 1,5 тыс. человек были одноязычными. В 1981 г. численность говорящих несколько уменьшилась – до 79,5 тыс. человек, из них 3 тыс. могли только читать и писать. Число носителей гэль-

¹ На английском языке его имя пишется как Hugh MacDiarmid, поэтому можно встретить и другой русскоязычный вариант его имени: Хью Мак Диармид. – *Прим. авт.*

ского языка в Шотландии, согласно переписи 2001 г., составляло 58 652 человека¹.

Говорящие на гэльском языке расселены на территории современной Шотландии неравномерно: около 30% проживают в автономной области Западных островов (т.е. Внешних и Внутренних Гебридов), 21 – на материке в горной Шотландии и 31,5% – в районе г. Глазго, остальные рассредоточены по стране.

В 2005 г. в стране была открыта первая средняя школа, где преподавание идет только на гэльском языке. Тем не менее данные переписи 2001 г. показали 11%-ное сокращение численности носителей этого языка по сравнению с 1991 г., так что гэльский язык находится в серьезной опасности и причислен к языкам, которым грозит исчезновение. Тем не менее на нем ведутся теле- и радиопередачи, издаются газеты и книги. В настоящее время в стране существует движение за более широкое использование гэльского языка в общественной жизни. Однако несмотря на активно предпринимаемые меры по сохранению и поддержке гэльского языка в Шотландии, пока что сохраняется ситуация, когда самые сильные позиции гэльский язык удерживает на Гебридах, среди пожилого населения, численность которого с каждым годом уменьшается.

б) Скотс

В 2001 г. правительство Соединенного Королевства ратифицировало Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств, утвержденную Советом Европы в 1992 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии признает язык скотс как региональный язык, указывает на необходимость сохранения языка Scottis как элемента культурного наследия, но не оказывает ему практической поддержки. При парламенте Шотландии после его утверждения в 1997 г. была создана межпартийная группа по вопросам Scottis, в стране функционирует Центр языка скотс (Scots Language Centre²), одной из задач которого является издание словарей. Финансированием проектов занимается правительство Шотландии.

¹ Небольшие сообщества носителей гэльского языка сохранились на территории США, в Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканской Республике. Общее количество носителей языка в мире составляет, по разным оценкам, от 60 тыс. до 90 тыс. человек, при этом 500–1000 носителей языка проживают в Канаде (провинция Новая Шотландия, преимущественно на острове Кейп-Бретон). – *Прим. авт.*

² У организации есть собственный сайт. – Mode of access: <http://www.scotslanguage.com> – *Прим. авт.*

Важнейшей проблемой современного состояния языка скотс является то, что у языка нет единого литературного стандарта. Этот факт не позволяет языку получить статус официального языка в Шотландии. Попытки создания наддиалектного литературного варианта языка скотс, широко известного сейчас как лалланс, были предприняты еще Хью Макдермидом, который полагал, что успешное распространение лалланса может способствовать укреплению статуса языка скотс. Уровень развития литературного языка скотс в XX в. продолжал повышаться, однако диалектные формы также развивались. На сегодняшний день большое количество диалектов языка скотс по-прежнему сохраняется. В 2011 г. в Шотландии состоялась перепись населения, впервые одним из вопросов был вопрос о владении языком скотс, в том же 2011 г. Языковой центр скотс создал интернет-сайт с образцами речи на различных диалектах *Scottis (Scots)*, чтобы говорящие сами могли определить, каким именно диалектом языка они владеют. Однако, как отмечает Павленко, далеко не всегда просто определить диалект говорящего [Павленко, 2005], поскольку даже на равнинной территории Шотландии языковая ситуация «имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идиолектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств» [там же, с. 175].

В мае 2011 г. члены шотландского парламента от набравшей большинство голосов Шотландской национальной партии принимали присягу Елизавете II на языке скотс.

Учрежденная шотландским правительством Рабочая группа по вопросам языка скотс (*The Scots Language Working Group*) выступила с инициативой введения в программу начальной и средней школы предмета *Scottish Studies*, который сочетал бы в себе сведения о шотландской истории, литературе, культуре, современной обстановке в Шотландии, истории языков скотс и гэльского. 21 марта 2013 г. был открыт интернет-ресурс *Studying Scotland*.

По результатам опроса, проведенного среди населения Шотландии в 2009–2010 гг., около 64% шотландцев считают, что скотс, называемый прошотландскими общественными деятелями «*mither tongue*», т.е. «родным языком», языком не является; 85% опрошенных говорят на скотс; 67% считают, что скотс должен продолжать использоваться в Шотландии. В научной литературе также до сих пор не сложилось единого мнения относительно того, как следует относиться к языковому феномену «скотс». Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы считать его диалектом английского

языка, частью парадигмы английского языка, другие – самостоятельным языком, близкородственным современному английскому.

Характеризуя современную ситуацию, сложившуюся вокруг языка скотс в равнинной Шотландии, где проживает подавляющее число жителей страны, А.Е. Павленко отмечает, что «в реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент... речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частотность лексических и грамматических шотландизмов и получил, поэтому, эпитет “thin Scots” (т.е. буквально “жидкий” или “разреженный” скотс)» [McClure, 1979, p. 29–31]. Этот диалект представляет собой, скорее, вариант английского языка с большим количеством разноуровневых черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лалланс» [Павленко, 2005, с. 175].

Шотландские исследователи Э. Игл [Eagle, 2005] и Н. Маккаллум и Д. Первес [Mac it new..., 1995] указывают на то, что определение статуса языка скотс зависит не столько от сугубо лингвистических, сколько от политических факторов, среди которых будущее Шотландии как государства и его языковой политики, т.е. изменения в политической жизни страны способны привести к повышению престижа и возрождению языка скотс, а также переоценке его лингвистического статуса.

в) Шотландский английский язык¹

На территории современной Шотландии ведущую роль в качестве языка, принятого в данном коммуникативном сообществе, выполняет литературный шотландский английский, использующийся во всех сферах общественной жизни, включая административно-законодательную, информационную, образовательную, культурную.

Заключение

В заключение следует отметить, что наблюдающееся сегодня на территории Шотландии трехязычие является, с одной стороны, результатом исторического развития страны, во-вторых, геополитических процессов, происходящих в современном мире.

¹ Шотландский английский считается территориальным диалектом, в отличие от канадского и австралийского английского, которые имеют статус «региональных вариантов». – *Прим. авт.*

Образованное население Шотландии, говорящее в основном на английском языке, использует в обиходно-разговорной речи шотландизмы, но чем выше социальный статус говорящего и его уровень образования, тем меньший процент шотландизмов будет представлен в его речи. Скотс и лалланс также проникают в эти сферы, однако их использование носит чаще декларативно-идеологический характер и не становится нормой речевой практики в соответствующих сферах.

В последние годы скотс получает все большее внимание в учебном процессе, например, при выполнении творческих заданий, во внешкольной деятельности, например, в театральных постановках учащихся. В периодической печати публикуются статьи в основном юмористического характера и заметки на скотс, описывающие национальные праздники шотландцев. В художественных произведениях использование скотс служит задаче создания местного колорита, т.е. также используется фрагментарно. Население сельских районов Шотландии и небольших городков говорит преимущественно на территориальных диалектах скотс.

Список литературы

- Денисова Е.А.* Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 22 с.
- Донскова И.И.* Шотландия: Мистическая страна кельтов и друидов. – М., 2007. – 320 с.
- Никольский Л.Б.* Синхронная социолингвистика: (Теория и проблемы). – М., 1976. – 168 с.
- Павленко А.Е.* На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. – СПб., 2005. – С. 175–182. – (Индоевропейское языкознание и классическая филология; т. 9).
- Павленко А.Е.* Региональный язык и его статус: (На материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – М., 2003. – 243 с.
- Eagle A.* Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots. – [L.], 2005. – 300 p.
- Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans* / Ed. by MacCallum N.R., Purves D. – Edinburgh, 1995. – 178 p.
- McClure J.D.* Scots and its range of uses // Languages of Scotland. – Edinburgh, 1979. – P. 26–48.

Е.Г. Беляевская

ФРЕЙМ «CONFLICT» В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, lexicology143@yandex.ru*

Аннотация. Термин «конфликт» как центральное понятие конфликтологии не имеет устоявшегося определения и для его уточнения следует рассмотреть структуру соответствующего фрейма. Проведенное исследование показывает, что в английском языке фрейм «конфликт» акцентирует идею непримиримых противоречий и идею (агрессивной) борьбы, что не является определяющим для соответствующего фрейма русского языка. Эти же ведущие терминалы фрейма определяют выбор слова conflict при его текстовой реализации.

Конфликтология носит междисциплинарный характер, однако чаще всего в центре внимания исследователей оказываются социальные, политические конфликты, а также многочисленные конфликтные ситуации, которые возникают в межличностных отношениях. Работы в сфере конфликтологии обычно начинаются с констатации факта возрастания напряженности в современном мире и усиления столкновений по самым разным поводам, как между государствами, так и внутри отдельных государств. Последствия конфликтов трудно предсказать, а причины возникающих трений и несогласий весьма многообразны – конфликты могут формироваться на социальной, экономической, религиозной, этнической, культурной и исторической почве (если перечислять только наиболее очевидные, лежащие на поверхности, источники). Обращение к анализу конфликтных ситуаций в начале XXI в. приобретает особую актуальность, поскольку в настоящее время растет интуитивное ощущение опасности того, что различия во мнениях и оценках и борьба за свои интересы – всегда существо-

вавшие естественные составляющие жизни и взаимодействия людей в социуме – приобретают антагонистический характер. Конфликты становятся ожесточенными и непримиримыми, и могут даже при наличии надуманного предлога привести к катастрофическим последствиям.

Описание того или иного конфликта, его анализ и изучение последовательности его исторического развития (как это имеет место в большинстве имеющихся работ по конфликтологии) предпринимается не только для того чтобы систематизировать научные факты, но, прежде всего, для того, чтобы выявить некоторые закономерности в конструировании конфликтов, которые можно было бы использовать для их мирного разрешения. Таким образом, конфликтология ставит перед собой прагматические цели, даже несмотря на то что в большинстве случаев изучение многочисленных и разнородных конфликтов, существующих в настоящее время в мире, приводит к грустному выводу об их принципиальной неразрешимости.

Особая роль в конфликтологии принадлежит лингвистике. Во-первых, существуют языковые конфликты, разделяющие людей, проживающих на одной территории, на «своих и чужих». Во-вторых, именно языковые конфликты часто являются источником межэтнических и межкультурных конфликтов, перерастающих в военные столкновения, которые приводят к многочисленным человеческим жертвам. И, наконец, самым парадоксальным образом, разрешение конфликтов возможно не столько военным путем, но посредством обсуждения и переговоров, т.е. посредством аргументации или, иными словами, языковым способом.

Понятие «конфликт» – центральное понятие конфликтологии – не является строго определенным. Как отмечают редакторы в предисловии к сборнику «Парадоксы конфликта», «в самом общем виде конфликт указывает на определенную степень несовместимости, несогласия, а также на отсутствие гармонии» (*in general terms, a conflict shows some level of incompatibility, disagreement, and lack of harmony*) [PC, 2016, p. X]. Как видно из этого определения, дефиниция, основанная на синонимах, а также на отрицании, требует обращения к другим понятиям, через которые определяется исходное, а не к его сущностным характеристикам. Содержание понятия «конфликт» является интуитивно ясным, и оно используется, как и многие другие базовые термины, без четкого определения. Представляется, что уточнение термина «конфликт» необходимо для решения основной прагматической цели конфлик-

тологии – поиска оптимальных и наиболее эффективных способов разрешения конфликтов.

В решении этой проблемы, по нашему мнению, может помочь обращение к фрейму «КОНФЛИКТ», точнее к тому, как английский язык, на котором обычно фиксируется происходящее в рамках конфликта в СМИ и ведутся переговоры о путях разрешения конфликта в международных отношениях, концептуализирует это понятие и репрезентирует информацию об этом явлении в языке.

Почему так важно «свидетельство языка»? В когнитивной лингвистике разрабатывается двухуровневая модель семантики, согласно которой языковой системе выделяется два уровня – собственно языковой уровень и концептуальный уровень, на котором располагаются концептуальные структуры, организующие семантику языковых единиц и текстов. Эта модель применима не только к лексическим единицам, но и к любому языковому явлению, обладающему содержательной стороной (к лексическим единицам, фразеологизмам и текстам). Соответственно когнитивная модель лексической семантики также состоит из двух уровней: из внешнего уровня, где располагается смысловое содержание, передаваемое в ходе коммуникации, и глубинного уровня – уровня ментальных структур, которые организуют это смысловое содержание, выделяя смысловые доминанты и обеспечивая выбор языковой единицы в процессе коммуникации. Уровень семантики лексической единицы соотносится не с понятием как логическим конструктом, но с общим энциклопедическим знанием о том фрагменте действительности, которое обозначается данной звуковой формой. В свою очередь, уровень ментальных структур представлен *концептуальной внутренней формой*, которая конструирует особое видение обозначаемого фрагмента действительности, характерное для данного языка [Беляевская, 1992; Беляевская, 2005]. Концептуальные внутренние формы слов, принадлежащих разным языкам, но обозначающих один и тот же фрагмент действительности, практически никогда не совпадают в точности, и эти различия обуславливают не только различия в употреблении соответствующих слов, но и разную в концептуальном плане интерпретацию мира. Следовательно, слово *conflict*, которое пришло и в английский, и в русский язык из латыни, может различаться по своему смысловому содержанию. Точнее, имеет разные смысловые оттенки и разную систему значений (разную семантическую структуру).

Лексическая единица *conflict* была заимствована в средне-английский период из латыни, она образована приставкой *con-* и основой *figere* (от *flict-* со значением *strike* ‘ударять, наносить удар’) [COD]. Значения слова *conflict* определяются толковыми словарями английского языка следующим образом:

Conflict n. Fight, struggle (lit. or fig.; **in** ~ discrepant (with); collision; clashing (of opposed principles, etc.); (Psych.) (distress due to opposition of incompatible wishes, etc.); [COD]

conflict n. 1. angry disagreement between people or groups. 1 a. *mainly journalism* fighting between countries or groups. 2. a situation in which it is difficult for two things to exist together or to be true at the same time. 2 a. a feeling of being nervous or unhappy because you want two different things at the same time; [MED]

Таким образом, в английском языке семантика рассматриваемого существительного акцентирует не столько интеллектуальное несогласие, сколько яростное столкновение и даже нанесение физического удара, т.е. подразумевает активную физическую борьбу. Отметим, что в русском языке *конфликт* обычно ассоциируется со ‘спором, серьезными разногласиями и противостоянием’, т.е. с отстаиванием своей точки зрения, с сильным отрицательным эмоциональным состоянием, но не с активными физическими действиями.

Для целей нашего исследования необходимо рассмотреть не только значения многозначного слова *conflict*, но весь фрагмент действительности, т.е. весь фрейм, куда это слово входит. В когнитивных исследованиях языка фрейм понимается по-разному, причем подход к определению фрейма зависит от целей проводимого анализа. Наиболее распространено понимание фрейма по Ч. Филлмору как «системы концептов, организованной таким образом, что для того чтобы понять любой концепт, принадлежащий системе, необходимо знать всю систему, в которую он входит» [Fillmore, 1982, p. 111; Croft, Cruse, 2007, p. 15]. Это определение показывает, что для Ч. Филлмора фрейм, прежде всего, – это группа слов (концептов), образующих систему, сформированную вокруг центрального концепта, этот фрейм задающего. Системная организация группы слов, связанных семантически, предполагает, что все они отражают разное видение одного фрагмента действительности, его номинацию под разными углами зрения. Поэтому изучение такого фрейма позволяет выявить те наиболее значимые для всего объединения концептуальные составляющие, которые

дают возможность представить себе, как в данном языковом социуме интерпретируется знание о данной предметной области.

Соответственно, на следующем этапе анализа мы обратились к синонимам слова *conflict*, предполагая, что они обозначают один и тот же фрагмент действительности, но концептуализируют его разным образом в соответствии с общей структурой фрейма, выводя на первый план те идеи, которые являются номинативно значимыми для английского языка.

Лексикографические источники дают следующую информацию о синонимах слова *conflict*:

1) battle, struggle, strife, tussle, scuffle; contest, war, bout, Armageddon; combat, warfare, fighting, hostilities; collision, meeting, encounter, engagement; fight, brawl;

2) controversy, infighting, feud; argument, altercation, dispute, row, quarrel, squabble, dustup, spat, tiff;

3) contention, opposition, *Literary* agon; disagreement, discord, disaccord, dissension, friction, variance; enmity, hostility, antagonism, antipathy. Bad blood, ill will. [RSF]

В соответствии с лексикографической традицией синонимы классифицируются по значениям многозначного слова *conflict*, однако это не три разных фрейма, а три относительно самостоятельных участка одного фрейма, поскольку они объединены общим когнитивным основанием, которое обуславливает особенности семантики каждого слова, входящего во фрейм.

Первая группа слов выводит на первый план важную для всего фрейма идею **военных действий**, представляющую собой неотъемлемую часть концепта «CONFLICT». Анализ синонимов обнаруживает в этой части фрейма три составляющие – *сражение* (battle, combat, fighting, tussle, bout, Armageddon, fight), в том числе *словесная перебранка* (scuffle, brawl), *вооруженная борьба* (struggle, strife, contest, war, warfare, fighting, hostilities) и активный контакт между противоборствующими сторонами, *столкновение* (collision, meeting, encounter, engagement). Представленные обозначения описывают боевые действия, разные по длительности и степени ожесточения, однако все они отражают базовую для фрейма «CONFLICT» идею **удара**.

Вторая группа слов и, следовательно, второй участок фрейма, представлен обозначениями **противоречий** и **спора**. При этом большинство слов в этом блоке содержат в своей семантике указание на интенсивность и ожесточенность несогласия, например,

Controversy – a disagreement, especially about a public policy or a moral issue that a lot of people have strong feelings about; [MED]

Dispute – a serious disagreement, especially one between groups of people that lasts for a long time; [MED]

И, наконец, третья группа слов, составляющих фрейм «КОНФЛИКТ», акцентирует **противоречие** и **несогласие**. Как и в двух предыдущих случаях, в семантике элементов этой группы акцентируется глубина расхождений и непримиримость противоречий:

Contention – strong disagreement between people or groups; [MED]

Discord – disagreement between people; a strange sound in a piece of music, made by playing an unusual combination of notes at the same time; [MED]

Dissension – strong disagreement about something, especially within a group of people; [MED]

Проведенный анализ семантики слов, составляющих фрейм «CONFLICT», позволяет определить его ведущие концептуальные составляющие, однако при определении взаимодействия элементов фрейма возникают некоторые вопросы. В частности, странным образом ни один из словарей синонимов не включает во фрейм такие слова, как contradiction (**противоречие**) и confrontation (**конфронтация, противостояние**):

Contradiction – difference in two or more statements, ideas, stories, etc. that makes it impossible for both or all of them to be true; [MED]

Confrontation – a situation in which people or groups are arguing angrily or fighting; [MED]

По семантике эти слова полностью соответствуют рассматриваемому фрейму: присутствует указание на противоречие и несовместимость (contradiction), а также на агрессивное столкновение разных (групп) людей (confrontation). Причина, по которой при очевидной семантической общности эти слова, особенно слово confrontation, не включаются в рассматриваемый нами фрейм, по-видимому, состоит в том, что в английском языковом сознании они не воспринимаются как близкие в смысловом отношении.

Интересные данные в этом плане обнаруживаются при рассмотрении контекстной реализации слов conflict и confrontation в тексте. В частности, в специальном издании The Sunday Times, посвященном памяти Маргарет Тэтчер, многолетнего премьер-министра и лидера Консервативной партии Великобритании, опубликовано 14 развернутых статей, в которых бывшие соратники

Маргарет Тэтчер, а также известные политические деятели, вместо обычных в таких случаях теплых воспоминаний анализируют ее действия и пытаются оправдать те решения, которые она принимала. Такая несколько необычная концепция подобного издания объясняется тем, что отношение к этому политическому деятелю и у элиты, и у народа Соединенного Королевства, мягко говоря, неоднозначное – ее достижения подвергаются сомнению, а ее методы вызывают резкое неприятие и осуждение. Маргарет Тэтчер никогда не шла на компромиссы, активно боролась против любых возражений и никогда не принимала чужую точку зрения, т.е. действовала в атмосфере постоянных конфликтов. Однако само слово *conflict* в представленных в сборнике материалах встречается только в одной статье и появляется три раза – два раза в одном контексте при описании войны между Великобританией и Аргентиной на Фолклендах:

Nobody talked like that again after the Falklands War. During the conflict Reagan's commitment to the alliance was tested more strongly than her determination to defend vital British interests. At one stage, the conflict threatened to become a rerun of the 1956 Suez debacle, when Eisenhower pressured Eden to withdraw British forces from Nasser's Egypt [STCE, p. 21].

Еще один раз упоминаются крайне противоречивые взгляды Маргарет Тэтчер – *She rejected the "tyranny of fashion" in moral values but held conflicting views.*

Однако хорошо известно, что вся история правления Маргарет Тэтчер была полна конфликтов – с коллегами, с членами парламента, со странами Евросоюза и др., – но при упоминании о них слово *conflict* в текстах, представленных в сборнике, не используется. Вместо него употребляется глагол *to confront* и его производные. Например, говорится о том, что королева осуждала агрессивную и порождающую конфликты политику Маргарет Тэтчер: *The Sunday Times report about the royal view of Thatcher's confrontational policies ... left the prime minister feeling battered.* [STCE, p. 23]; *Confrontational policies won enemies and admirers alike* [STCE, p. 20].

Наиболее вопиющий случай в годы правления Маргарет Тэтчер – противостояние премьер-министра и профсоюза горняков, закончившееся голодовкой и гибелью шести человек, – описывается не как конфликт, а как конфронтация, причем отмечается, что Тэтчер тщательно выбирала время для того, чтобы удар по горнякам был наиболее болезненным:

She (M. Thatcher) would have lost if she had confronted the National Union of Mineworkers in 1982 as the energy department advised. She waited until 1984 when the coal stocks were higher and the economy could withstand Arthur Scargill's bitter, often violent year-long strike, and mass picketing [STCE, p. 22].

Этот текстовый пример указывает на направление дальнейшего моделирования фрейма «CONFLICT». Дело в том, что **конфликт – это ситуация, которая развивается во времени**. Поэтому рассматривать конфликт, по-видимому, более логично как ситуационный фрейм по М. Минскому, т.е. как структуру данных для представления стереотипной ситуации (или фрагмента действительности).

Как показало проведенное исследование, ситуационный фрейм «CONFLICT» представляет собой весьма сложную когнитивную структуру, которая к тому же является гибкой и динамичной, поэтому мы будем рассматривать ее последовательно, «по частям». В качестве первой составляющей следует выделить указание на УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА. Теоретически можно полагать, что участвовать в конфликте могут несколько сторон, однако хотя теоретически сторон может быть больше, чем две, обычно подразумевается наличие двух участников, что обусловлено, как будет показано ниже, общей структурой фрейма. Далее, у конфликта должны быть причины или ПОВОД, а также ПРЕДЫСТОРИЯ.

Каждый ситуационный фрейм имеет акциональную подструктуру, т.е. схематизированное представление о последовательности событий и / или изменений, формирующих знание о ситуации. Во фрейме «CONFLICT» логически восстанавливаются следующие этапы развития конфликта.

Прежде всего, на начальном этапе между сторонами конфликта существует **disagreement** ('несогласие'), иными словами, расхождение во взглядах и / или мнениях. Расхождение, в самом общем случае, может быть материальным: стороны могут говорить на разных языках, иметь разный цвет кожи, разную религиозную принадлежность и т.д. Таким образом, несогласие обычно сопровождается 'расхождением' и 'различием' (**difference**), и осознание этих различий лежит в основе возникновения конфликта.

Далее, расхождения и разногласия приводят к тому, что обе стороны начинают понимать необходимость отстаивания своей точки зрения и своих интересов, что приводит к **opposition**, т.е. к 'противостоянию'. Семантика слова **opposition** – ME от OF, от лат.

oppositus, от лат. *op+ponere* (*place* = ‘место’) основывается на пространственном представлении и формируют образ оппонентов, которые занимают места напротив друг друга. Таким образом, *opposition* указывает на пассивное противостояние, которое подчеркивает различие точек зрения, но лишено агрессии и не предполагает физического нападения на того, кто придерживается другого мнения. Необходимо отметить, что английское *opposition* предполагает двоих участников, т.е. бинарную, а не многомерную оппозицию. Эта идея бинарного противопоставления поддерживается и грамматическими конструкциями, в которых слова *opposition*, *confrontation* и *conflict* реализуются в тексте. Все эти существительные сочетаются с предлогом *between*, который предполагает двух участников.

Следующий этап в развитии конфликта – формирование ***confrontation*** (‘конфронтации’ или ‘напряженного противостояния’). *Confrontation*, которое происходит от лат. *con + frontare* (и далее от франц. *frons – ntis face* ‘лицо’), основывается на образе двух людей, стоящих лицом к лицу и смотрящих друг на друга, что имплицитно не только противостояние, но и готовность отразить удар. Это последняя фаза перед столкновением, т.е. перед тем, что, собственно, и называется конфликтом (***conflict***).

Анализ семантики *opposition* и *confrontation* показывает, что в обоих случаях подчеркивается отсутствие активных действий, хотя агрессивность и непреклонное намерение отстаивать свою позицию до конца также имплицитно.

Схематически акциональную составляющую фрейма «КОН-ФЛИКТ» можно представить следующим образом:

DIFFERENCE → → → ► **DISAGREEMENT** → → → ►
OPPOSITION → → → ► **CONFRONTATION** → → → ►
CONFLICT → → → ► **ПОСЛЕДСТВИЯ?**

Фрейм должен быть дополнен шкалой времени, причем настоящий момент времени может приходиться на любую из перечисленных выше концептуальных составляющих.

Кроме того, фреймовую структуру можно дополнить еще одним факультативным терминалом – ПОСРЕДНИКОМ как еще одним возможным участником ситуации, который способствует разрешению конфликта и помогает в поиске путей сглаживания разногласий, которые этот конфликт подогревают.

Идея непримиримых противоречий, которые приводят к активному столкновению и, возможно, к вооруженной борьбе, неизменно присутствует во фрейме «CONFLICT» в английском языке,

вследствие чего эти смыслы обычно эксплицитно проявляются в контексте, поскольку они являются текстообразующими. Приведем в качестве примера контекст, взятый из аналитической статьи, в которой описываются взаимоотношения, сложившиеся между Россией и Евросоюзом после насильственной смены власти на Украине в 2014 г.:

The EU and Russia are fighting over their joint neighborhood, and the stakes are too high for either side to back down. Can they bridge their divides?

The EU and Russia are engaged in an open conflict over their joint neighborhood. Yet, curiously, the EU never intended to get into a geopolitical confrontation with Russia...

Both sides see the conflict as vital and it is shattering fragile relations between Russia and the West. How did they stumble into a confrontation that the EU, at least, wanted to avoid? Why is this conflict so intense? And what have both sides learned so far from the confrontation?

...Still, the EU remains very reluctant to move with full steam toward a confrontation with Russia... In the struggle over Ukraine both sides have lost their illusions, about themselves and about the other [Speck, 2014].

Обращает на себя внимание то, что одна и та же ситуация обозначается в тексте то как *conflict*, то как *confrontation*, хотя, если верить словарям, эти слова синонимами не являются. Постоянно подчеркивается противостояние *двух* сторон конфликта (*both sides, either side, the other, confrontation with...*), несмотря на то что участников очевидно больше: в ситуацию вовлечены и Украина, и США. Время от времени упоминается активный и разрушительный характер противостояния – *fighting, open conflict, shattering fragile relations, conflict is intense, struggle*. И, наконец, непримиримость противоречий обуславливает появление в тексте (причем в подводке, где суммируется основная идея текстового сообщения) заявления о том, что ставки настолько высоки, что ни одна сторона не может отказаться от занятой ею позиции: ‘ни одна из сторон не может отступить’ (*stakes are too high for either side to back down*), ‘смогут ли стороны преодолеть свои разногласия?’ (*Can they bridge their divides?*).

Идея непримиримости сторон конфликта всегда имплицитно присутствует при употреблении слова *conflict* в англоязычном политическом дискурсе, что, например, читается в следующем контексте, где утверждается, что после Войны в Заливе сформировался

мировой конфликт, который далее время от времени будет возникать в разных районах мира: *The 1990 Gulf Crisis suggests that world conflict will unfortunately continue, even though its location may shift.*

Когда английское слово *conflict* становится научным термином, в его семантику переходят те смысловые составляющие, которые определяют сущность фрейма «CONFLICT» в английском языке, а именно: идея непримиримости, идея жесткого отстаивания своей позиции и идея активной, связанной с физическими действиями, борьбы в ходе противостояния.

Как известно, конфликты могут возникать в разных сферах жизни общества или разных сферах взаимодействия человека с природой. Социальные конфликты, по-видимому, не принадлежат к числу наиболее кровавых и жестоких, и обычно они предполагают ведение переговоров, достижение компромисса и заключение соглашения (хотя, возможно, и временного). Но вот как определяет социальный конфликт один из основоположников современной конфликтологии Льюис А. Коузер:

Social conflict may be defined in various ways. For the purpose of this study, it will provisionally be taken to mean a struggle over values and claims to scarce status, power and resources in which the aims of the opponents are to neutralize, injure or eliminate their rivals [Coser, 2011, p. 7]¹.

В этом определении фиксируются конечные цели конфликта – уничтожение своих противников (*to eliminate their rivals*) или, по крайней мере, нанесение своим противникам серьезных увечий (*to injure their rivals*) или их нейтрализация (*to neutralize their rivals*). Подчеркивается также активное противостояние (*struggle*), т.е. все те концептуальные составляющие, которые структурируют соответствующий фрейм. В русском языке выделенные выше особенности ассоциируются, в большей степени, с представлением о социальной революции, государственном перевороте и о гражданской войне.

В заключение следует отметить, что реконструкция фрейма «КОНФЛИКТ» была проведена нами на материале английского

¹ Социальный конфликт можно определить разным образом. Для целей настоящего исследования мы будем в предварительном плане считать, что он обозначает борьбу по поводу ценностей и стремление значительно понизить статус, уменьшить власть и ресурсы, причем целями противников в ходе этой борьбы является нейтрализация, нанесение значительного ущерба противнику или его полное устранение. – *Перев. авт.*

языка и для квалифицированного сопоставления необходимо провести аналогичную реконструкцию на материале других языков – русского, немецкого и др. Однако по первому впечатлению можно предположить, что для русского языкового сознания представление о ‘конflikте’ будет несколько иным. Оно скорее будет связано с противостоянием, которое можно разрешить путем логического обсуждения, в котором можно сгладить противоречия, переведя конфликт в мирное русло. По-видимому, эти факторы стоит учитывать, когда участники переговоров говорят на разных языках, но сами переговоры вынуждены вследствие определенных обстоятельств вести на английском языке.

Список литературы

- Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 401 с.
- Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вopr. когнитивной лингвистики. – М.; Тамбов, 2005. – № 1. – С. 5–15.
- COD: *The concise Oxford dictionary* / Ed. by Sykes J.B. – 6-th ed. – Oxford: Clarendon press, 1976. – 1368 p.
- Coser L.A. The functions of social conflict. – N.Y.: Routledge, 2011. – 93 p.
- Croft W., Cruse D.A. Cognitive linguistics. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2007. – 356 p.
- Fillmore Ch.J. Frame semantics: Linguistics in the morning calm. – Seoul: Hanshin, 1982. – P. 111–137.
- MED: *Macmillan English dictionary*. International student ed. – Oxford: Macmillan publ. limited, 2002. – 1693 p.
- PC: *Logic, argumentation and reasoning*. – Cham: Springer, 2016. – Vol. 12: Paradoxes of conflict. – 218 p.
- RSF: *Rodale J.I.* The synonym finder. – N.Y.: Warner books, 1998. – 1361 p.
- Speck U. How the EU sleepwalked into a conflict with Russia. [Электрон. ресурс]. – Mode of access: <http://carnegieeurope.eu/2014/07/10/how-eu-sleepwalked-into-conflict-with-russia> (дата обращения: 20.07.2019).
- STCE: *Jones M.* Her vision was to shake us awake // The Sunday Times / Commemorative ed.: Margaret Thatcher. – 2013. – 14 Apr. – P. 20–23.
- STCE: *The Sunday Times*: Commemorative edition. Margaret Thatcher. – 2013. – 14 April.

Т.И. Шевченко

**ФРАНЦУЗСКИЙ СЛЕД В АНГЛИЙСКОМ УДАРЕНИИ:
КОНФЛИКТ ИЛИ КОМПРОМИСС?**

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, tatashevchenko@mail.ru*

Аннотация. Современное состояние лексического ударения в английском языке представлено как взаимодействие различных тенденций, обусловленных ассимилятивными процессами в заимствованной лексике романского происхождения. Определяющими в исторической перспективе остаются рецессивная и ритмическая тенденции. Современные методы корпусного и когнитивного анализа вносят новые дополнения в понимание сложных процессов ассимиляции французских заимствований в английском языке. Долговременный контакт и сосуществование двух языков составляет специфику словесного ударения в канадском варианте английского языка.

**История заимствования и акцентной ассимиляции
французской лексики**

В современную эпоху, когда английский язык становится глобальным и оказывает влияние на другие языки, уместно проследить, как он сам справлялся с заимствованиями из других языков, прежде всего с огромным пластом французской лексики, которая начиная с середины XI в. вследствие Норманнского завоевания и в силу других исторических условий проникла в английский язык. В настоящее время разные источники оценивают долю слов французского происхождения в английском культурном лексиконе в размере 40–60%, а количество языков, которые обогатили английский язык, приблизилось к 21 [Прошина, 2017]. Французская лексика оказалась привитой на английскую грамматику, при

этом она расширила стилистические возможности языка и преодолела фонетические сложности произношения. Понадобилось три века насильственного вытеснения английского языка из сферы политико-административной, торговой и культурной жизни страны, за которыми последовало признание английского языка как государственного, чтобы английский язык доказал свою жизнестойкость, сохранил свой грамматический и ритмический строй речи, вернулся к письменной литературной традиции и освоил чужеземную лексику [Брэгг, 2019; Котин, 2018; Плоткин, 1976]. Этот процесс, как мы постараемся показать в своей статье, продолжается и в настоящее время на разных территориях, с разными темпами и результатами.

С фонетической точки зрения «гибридный», по выражению Д. Кристала [Crystal, 1996], характер английской лексики ярче всего проявляется в том, что в английском лексическом ударении противостоят (или уже мирно сосуществуют?) две основные тенденции: *рецессивная*, которая притягивает главное ударение к корневой основе, а, точнее, к первому слогу в существительных, и *ритмическая*, которая обеспечивает чередование сильных и слабых слогов, т.е. ударных и безударных. (Рецессивная тенденция объединяет все германские языки, где счет ударных слогов ведется слева направо, в то время как согласно романской традиции ударные слоги определяют свое место при счете справа налево). Действие ритмической тенденции, как правило, связывают с ассимиляцией французских слов, которые в исконной лексике имели ударение на последнем слоге, например, *family*, *colony*. Первоначальная стадия ассимиляции состояла в появлении двух ударений: на первом слоге под воздействием рецессивной германской тенденции, на последнем слоге – как результат французского финального ударения, что не противоречило ритмическому чередованию ударных и безударных. Со временем рецессивная тенденция оказывалась сильнее, и финальное ударение исчезло в этих словах, но не во всех. Появился целый ряд слов, в которых сохраняются два ударения, главное и второстепенное, и при этом ритмическая тенденция торжествует: *,uni`versity*, *,ele`mentary*.

Место главного и второстепенного ударения зависит от взаимодействия еще целого ряда факторов: фонологического состава слогов, количества слогов в слове, морфологического состава слов, морфологической категории слов (существительное или глагол). В.А. Васильев, например, в зависимости от эпохи заимствования различал следующие тенденции: *диахронически ритмическую* (как

в словах типа *family, colony, radical, enemy, unity*, где следы второго ударения уже исчезли) и *синхронно ритмическую*, характерную для более поздних заимствований из французского и других романских языков: *pro,nunci`ation; subdi`vide; under`go; disap`point* [Vassilyev, 1970]. Г.П. Торсуев, напротив, на первое место ставил в таких случаях *семантический фактор*, поскольку в этих случаях семантика префиксов сохраняется и требует особого выделения посредством словесного ударения [Торсуев, 1960]. Ван дер Хульст характеризует английское ударение как определяемое *количеством*, т.е. составом сильного слога (quantity-sensitive), близостью к *краю слова* (edge-sensitive), с тенденцией к *трохеическому* (trochaic rhythm), т.е. хореическому ритму, в котором ударный слог предшествует безударному [Hulst, 2013]. Изучая экспериментальным путем, какие характеристики ударного слога оказываются «ключами» для узнавания ударного слога в паре типа *`permit – per`mit*, А. Катлер пришла к выводу, что именно *качество гласного* является определяющим для восприятия носителей языка [Cutler, 2012; Cutler 2015]; тем не менее в другой работе, выполненной в соавторстве с нидерландскими экспериментаторами, отмечается, что не только голландцы, но и австралийцы используют «просодические ключи» длительности и мелодики для узнавания слов с ударным гласным [Cooper, Cutler, Wales, 2002].

Освещая различные факторы, влияющие на расстановку ударения в английском языке, исследователи выявляют, таким образом, сложность наблюдаемого явления, в котором можно проследить определенные тенденции, но невозможно установить непреложные правила, действующие во всех случаях [Fox, 2007; Prosodic typology, 2005]. В 1970 г. В.А. Васильев писал о противоборстве рецессивной и ритмической тенденций, которое привело к образованию акцентных вариантов: *`hospitable – hos`pitable*, а сегодня второй вариант стал нормативным, первым [Jones, 2011; Wells, 2008]. Д.А. Шахбагова считала ритмическую тенденцию более характерной для североамериканских вариантов, и эта тенденция сохраняется, но тем не менее частично оспаривается современными авторами [Бурая, 2010]. Современные методы исследования открывают нам новые аспекты лексического ударения в английском языке благодаря корпусному анализу, когнитивному аспекту выявления акцентных структур и учету социодемографических факторов определенных групп населения, которые используют английский язык в общении.

Новые данные корпусного, когнитивного и социофонетического анализа ударения

Начиная с 80-х годов прошлого столетия изучение словесного ударения опиралось в основном на материалы *орфоэпических словарей*, которые были ориентированы на выявление нормы, т.е. образца произношения, и в какой-то степени отражали субъективную позицию составителей этих словарей. Данные, полученные в результате анализа, имели ограниченный уровень обобщения и достоверности. Кроме того, в словарях кодифицировались национальные варианты произношения, которые отличались от британского варианта в связи со следующими факторами: 1) принадлежность слов к исконно английским или заимствованным; 2) морфологический и семантический состав слов; 3) степень освоения заимствованного слова и сфера его употребления; 4) время заимствования, т.е. хронологический фактор, определявший состояние фонологической системы английского языка к моменту его переноса на новую территорию [Шахбагова, 1992].

Сопоставление британского и американского вариантов ударения выполнялось на базе разных изданий британских произносительных словарей: словаря Д. Джоунза, который впоследствии стал Кембриджским произносительным словарем и пережил 18 изданий в течение XX в. [Jones, 2011], а также словаря Дж. Уэллза издательства Лонгман, который начиная с 1990 г. переиздавался четыре раза [Wells, 2008]. В этих источниках были отражены оба варианта произношения, что давало возможность провести сопоставление двух национальных вариантов, отраженных в лексикографическом источнике с единых фонологических позиций. Несмотря на ограничения, упомянутые выше, были выявлены весьма существенные закономерности, характерные для английского словесного ударения в целом и для специфики двух основных вариантов английского языка.

1. Различие в размещении главного ударения в зависимости от этимологии слов: французского и нефранцузского происхождения.

2. Значительное превалирование слов, имеющих общую акцентуацию в британском и американском вариантах, над теми, которые различают два национальных варианта.

3. Связь между частотностью слов в словаре и протяженностью слов (количеством слогов в слове).

4. Большее количество двусложных слов, имеющих структуру по ямбической модели, характерной для французского языка, в американском варианте по сравнению с британским вариантом [Ерошин, 1989; Berg, 1999; Бурая, 2010; Типология вариантов фонологической системы английского языка, 2012].

В результате количественных наблюдений и отбора слов по словарям авторы составляли списки слов (от 800 до 1000 слов), в которых британская и американская акцентуация различаются. Было установлено, что в основном это малоупотребительные слова романского происхождения.

Дальнейшие исследования выявили преимущества метода *корпусного анализа* для изучения словесного ударения. К ним относятся следующие.

1. Большие массивы естественной речи, собранные в корпусах, в силу своей репрезентативности дают возможность осознать масштабы значимости самого явления для коммуникации. В английском языке, например, односложные слова составляют 80% всех слов в дискурсе, что оставляет только 20% многосложных слов для определения места словесного ударения, причем по мере нарастания количества слогов их частотность резко падает.

2. *Частотность* оказалась ключевым моментом для определения того, что сильный слог в инициальной позиции, как правило, находится под ударением в английском языке. Ударение, таким образом, выделяет либо знаменательное односложное слово на фоне служебных, либо начало слова [Cutler, Carter, 1987]. Таким образом, наличие большого числа коротких слов германского происхождения, которое было очевидно на материале словарей, получило свое убедительное подтверждение на материале корпусов, и оказалось существенным для изучения ударения и ритма. *Ритмическая тенденция*, которая участвует в просодическом оформлении многосложных слов французского происхождения, является, безусловно, английской по природе и состоит в чередовании сильных и слабых слогов, что характерно для английского тактосчитающего ритма (о другом типе ритма см. далее).

3. Выявленная частотность слов, имеющих различие в акцентной структуре слов британского и американского вариантов произношения, проверенная на материале трех национальных корпусов (BNC – британский, COCA – американский, CCE – канадский), оказалась неоднородной. Примерно каждое десятое слово из списка, составленного по словарям, общим числом около 100 единиц, имеет не низкую, как предполагалось, а среднюю час-

тотность в корпусах (50 слов на миллион), причем эти показатели совпали во всех трех корпусах [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Это значит, что в отношении слов романского происхождения при их средней частотности национальные варианты продемонстрировали единство, обеспечивающее более успешную коммуникацию.

Установленная частотность слов в корпусах естественной речи имеет непосредственное отношение к *когнитивному* аспекту речепроизводства на английском языке. Частотные слова, как известно, быстрее извлекаются из памяти, поскольку частотность, яркость и недавнее употребление входят в признаки, способствующие сохранению слов в памяти и более успешному их использованию в речи. Так, в частности, применительно к ударению это обеспечивает более успешное узнавание слов в потоке речи [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Когнитивный аспект изучается и другими методами, направленными на обнаружение ментальных репрезентаций слов, в нашем случае – идеальных акцентных структур слов, которые хранятся в памяти носителей языка. Джон Уэллз, например, использовал метод анкетирования для своего словаря, чтобы выявить предпочтения носителей языка в отношении тех вариантов произношения, включая ударения, которые сегодня не представляются устойчивыми, например, в слове *ˈresearch – reˈsearch*, где первый вариант предпочли большинство американцев, а второй – большинство британцев [Wells, 2008]. Современные технологии позволяют выбрать вариант дистанционно, по Интернету, с помощью экспресс-опроса [Shevchenko, Pozdeeva, 2017].

Социодемографический и социокультурный аспекты ударения показывают, с одной стороны, как разные слои населения используют данное слово, тем самым намечая возрастные и гендерные приоритеты, существенные для продвижения инноваций, для развития акцентологической системы. С другой стороны, любое слово, произнесенное не так, как принято в данном речевом сообществе, становится социальным маркером, признаком той или иной национальной или социальной идентичности [Шевченко, 2016]. Дж. Уэллз, например, включил в свой словарь графики, иллюстрирующие предпочтения молодых и старых респондентов относительно произношения, влияющего на степень аффрицирования, но по ударению таких помет очень мало. В случае с ударением в слове *reˈsearch* дается помета, что при общебританском показателе 80% преподаватели университетов дают показатель 95%, т.е. практически не отклоняются от избранной нормы [Wells, 2008, p. 683]. Это профессиональный социокультурный маркер

академического речевого сообщества. Сопоставление графиков ударения в слове *in`comparable – incom`parable* показывает, что и в Англии, и в США чем моложе респонденты, тем больше они предпочитают второй вариант [Wells, 2008, p. 407]. Это свидетельство нарастающей тенденции современной акцентуации. Аналогичная тенденция просматривается в смещении ударения на второй слог в слове *`protester – pro`tester*, также на основе возрастных данных, но только в Великобритании [Ibid., p. 647].

Обращаясь к анкетным данным социодемографического характера, полученным в экспресс-опросе, Д.Т. Поздеева проанализировала различия в выборе акцентных моделей в Канаде, разделив респондентов на англофоны, франкофоны-билингвы и аллофоны (тех, у кого английский – второй язык). Типичные канадские модели с второстепенным ударением после главного оказались в речи англофонов, а франкофоны-билингвы предпочли британский вариант, в отличие от аллофонов, избравших американскую модель ударения. Эти данные были интерпретированы как влияние британской системы образования в случае с франкофонами, избравшими самую типичную модель с ударением на первом слоге, а в случае с иммигрантами – влияние американских СМИ и растущее влияние американского произношения в мире, в том числе на территории Канады [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Эти социокультурные характеристики жителей мультикультурного сообщества Канады продолжают интересовать исследователей словесного ударения.

Канада: Эффект долговременных контактов с французским языком

Изучение специфики английского ударения в канадском варианте английского языка также начиналось со словарей, с той разницей, что в Канаде нет специализированного произносительного словаря, но есть два толковых словаря, Оксфордский словарь канадского варианта английского языка [OCD: Oxford Canadian dictionary, 2004] и Канадский краткий словарь издательства Гейдж [GCCD: Gage Canadian concise dictionary, 2002], в каждом из которых часть слов снабжена транскрипцией, включая ударение. По традиции исследование канадского варианта первоначально было направлено на поиск идентичности путем сопоставления со списком британо-американских различий, что позволило обнаружить не только американо-британские предпочтения, но и специфическую с точки зрения частотности и дистрибуции канадскую

модель с посттоническим второстепенным ударением [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Далее весь лексикон, включенный в словарь Gage, был изучен методом сплошного анализа для верификации частотности этой модели в зависимости от количества слогов в слове [Шевченко, Абызов, 2019]. Основным доменом характерной канадской идентичности оказались 2- и 3-сложные слова, при этом в двухсложных словах обнаружилась оригинальная акцентная модель с двумя ударениями, главным и посттоническим второстепенным, что можно рассматривать, как признак влияния французского слогового ритма, например: `de,tail; `mo,vie; `bath,tab; `cray,fish. Вот примеры 3-сложных слов: `conse,quence; `other,wise; `moʔɔr,bike.

Напомним, что предсказуемо было бы найти черты влияния контакта с французским языком в следующем: 1) сдвиг (или сохранение) ударения на конце слова 2) ямбический ритм в 2-сложных словах 3) слоговой ритм в отличие от трохеического. Сопоставление с ранее полученными результатами по британскому и американскому вариантам произношения [Буряя, 2010; Типология вариантов фонологической системы английского языка, 2012] показало, как черты французского влияния усилили эти характеристики, но не во всех структурах. Так, в частности, в 2-сложных словах появилось больше посттонических второстепенных ударений, а ритм оказался ближе к британскому варианту:

Брит. трох. 67% ямб. 23% второстепенные ударения: пред – 10%, пост – нет

Амер. трох. 34% ямб. 57% второстепенные ударения: пред – 8%, пост – 1%

Канад. трох. 68% ямб. 22% второстепенные ударения: пред – 1%, пост – 9%

В 3-сложных словах доля посттонического ударения возросла:

Брит. второстепенные ударения: предтоническое 30%, посттоническое 2%

Амер. предтоническое 26% посттоническое 7%

Канад. предтоническое 15% посттоническое 18%

Таким образом, данные словарей говорят о том, что в Канаде, где непосредственный контакт с французским языком не прерывался в течение долгого времени, развилось такое явление, как дополнительное ритмическое ударение на конце трехсложных слов, что выглядит как зеркальное отражение модели с дополнительным ритмическим ударением на первом слоге в британском варианте английского языка.

Обращаясь к корпусному анализу канадской разговорной речи (монологическая часть интервью с жителями Канады из разных регионов страны), рассмотрим эффект влияния на расстановку ударения в двух регионах, из которых: Онтарио – типичный регион проживания англофонов, а Квебек – типичный регион проживания франкофонов-билингвов, которые в течение одного дня могут использовать переключение кодов или смешение кодов в зависимости от ситуации, собеседника и коммуникативного намерения [Heller, 1982]. Наиболее выразительной региональной характеристикой оказалось ударение на первом слоге по отношению к финальному в 2-сложных словах: в Онтарио 4:1, а в Квебеке 2:1, т.е. вдвое реже, чем у англофонов. Второй признак состоит в том, что доля всех дополнительных, т.е. ритмических, ударений в Квебеке значительно больше, чем в Онтарио, и они сосредоточены в финале интонационных единиц.

В свете полученных данных представляется неоправданным ограничение поиска канадской идентичности только в отношении сочетания британских и американских характеристик. Реальное своеобразие канадской речи проявилось в большем сохранении (или развитии) некоторых черт французского слогосчитающего ритма и французского ударения на финальном слоге.

Заключение

Рассмотренные в статье явления акцентной ассимиляции представляют собой процессы взаимодействия рецессивной и ритмической тенденции английского языка при освоении французской заимствованной лексики. Современные данные корпусного, когнитивного и социокультурного анализа свидетельствуют о том, что процесс изменения языка продолжается. Наиболее выразительно влияние французского ударения и ритма просматривается в канадском варианте английского языка.

Список литературы

- Брэгг М.* Приключения английского языка: пер. с англ. – 5-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с.
- Буряя Е.А.* Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: Конвергенция или дивергенция? // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. – М., 2010. – Вып. 1 (580). – С. 23–41.

- Ерошин А.А. Логическая обусловленность вариативности акцентной структуры слова в процессе коммуникации // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1989. – Вып. 332. – С. 119–130.
- Котин М.Л. Язык и время. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. – 224 с.
- Методы анализа звучащей речи / Шевченко Т.И., Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Кузьмина М.О., Соколова Т.В., Федотова М.В.; под ред. Бурой Е.А., Шевченко Т.И. – Дубна: Феникс+, 2017. – 248 с.
- Плоткин В.Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. – М.: Высш. школа, 1976. – 152 с.
- Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории: World English paradigm: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 208 с.
- Типология вариантов фонологической системы английского языка / Постникова Л.В., Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. – Тула: Изд. Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. – 194 с.
- Торсуев Г.П. Вопросы акцентологии современного английского языка. – М; Л.: Изд. АН СССР, 1960. – 91 с.
- Шахбагова Д.А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии: (На материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). – М.: Изд. Фоллис, 1992. – 284 с.
- Шевченко Т.И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – Изд. 2-е, доп. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 240 с.
- Шевченко Т.И., Абызов А.А. Канадское ударение: От специфики ко всему лексикону // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – Петрозаводск, 2019. – янв., № 1 (178). – С. 57–61.
- Berg Th. Stress variation in British and American English // World Englishes. – 1999. – Vol. 18, N 2. – P. 123–143.
- Cooper N., Cutler A., Wales R. Constraints of lexical stress on lexical access in English: Evidence from native and non-native listeners // Lang. a. speech. – 2002. – N 45 (3). – P. 207–228.
- Crystal D. The past, present and future of English rhythm // Changes in pronunciation (Special issue of Speak Out!). – IATEFL, 1996. – P. 8–13.
- Cutler A. Lexical stress in English pronunciation // The handbook of English pronunciation / Ed. by Reed M., Levis J.M. – Chichester, 2015. – P. 106–124.
- Cutler A., Carter D.M. The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary // Computer speech a. lang. – 1987. – N 2. – P. 133–142.
- Cutler A. Native listening: The flexibility dimension // Dutch j. of applied linguistics. – 2012. – N 1/2. – P. 169–188.
- Fox A. Prosodic features and prosodic structure: The phonology of suprasegmentals. – Oxford: Oxford Univ. press, 2007. – 399 p.
- GCCD: Gage Canadian concise dictionary. – Toronto: Gage, 2002. – 1024 p.

- Heller M.S.* Negotiations of language choice in Montreal // *Language and social identity* / Ed. by Gumperz J.J. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1982. – P. 108–118.
- Hulst H., van der.* The study of word accent and stress: past, present, and future // *Word stress: Theoretical and typological issues* / Ed. by Hulst H., van der. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2013. – P. 3–55.
- Jones D.* Cambridge English pronouncing dictionary. – 18th ed. – Cambridge: Cambridge Univ. press, 2011. – 580 p.
- OCD: Oxford Canadian Dictionary / Ed. by K. Barber. – 2nd ed. – Toronto: Oxford Univ. Press, 2004. – 987 p.
- Prosodic typology: The phonology of intonation and phrasing* / Ed. by Sun-Ah Jun. – Oxford, 2005. – 462 p.
- Shevchenko T., Pozdeeva D.* Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community / Karpov A., Potapova R., Mporas I. (eds) // *Specom 2017. LNAI*. – Cham: Springer, 2017. – Vol. 10458. – P. 221–232.
- Vassilyev V.A.* English phonetics: A theoretical course. – Moscow: Higher school publ. house, 1970. – 321 p.
- Wells J.C.* Longman Pronunciation Dictionary. – 3rd ed. – Harlow: Pearson Longman, 2008. – 922 p.
- Word Stress: Theoretical and typological issues* / Ed. by Hulst H., van der. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. – 374 p.

Л.В. Порохницкая*, С.М. Теплякова**

**ИНТЕРАКЦИЯ VS КОНФЛИКТ КОНЦЕПТОВ
В СЕМАНТИКЕ ЭВФЕМИЗМА**

(На материале английского и французского языков)¹

**Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, lidie@list.ru*

***Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, djcrazy@rambler.ru*

Аннотация. В статье описываются основные подходы к изучению явления эвфемии в контексте лингвистической конфликтологии. Показано, что амбивалентность и внутренняя противоречивость эвфемии позволяют ей работать не только на нивелирование социального напряжения, но и в некоторых случаях на обострение конфликтной ситуации. В данной работе внутренний конфликт процесса эвфемизации рассматривается на двух уровнях – на внешнем культурно-психологическом уровне и на глубинном семантическом уровне, который представлен сложными конфигурациями метафорических и метонимических концептов.

На современном этапе развития лингвистической науки уже с полным основанием можно говорить о становлении нового исследовательского направления – лингвистической конфликтологии.

Конфликтология как зонтичное понятие предполагает изучение конфликтных ситуаций во всех их разнообразных проявлениях. Речь идет о выработке действенной методологии разрешения существующих конфликтов и предотвращении новых, а также моделировании потенциальной конфликтной ситуации с целью разработки механизмов урегулирования подобных ситуаций в будущем.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Конкурс поддержки молодых ученых 2017 г. Номер проекта: 17-34-01003 а2 («Семантика эвфемизма с когнитивной точки зрения»).

Очевидно, что краеугольным камнем конфликтологии вообще и лингвистической конфликтологии в частности следует признать их междисциплинарный характер. В последние десятилетия наблюдается настоящий бум смежных научных направлений, зародившихся в недрах конфликтологии.

В фокусе лингвистической конфликтологии, возникшей на стыке прагмалингвистики, социолингвистики и психолингвистики, находятся различные аспекты речевого конфликта и языкового манипулирования.

На настоящем этапе развития лингвистической конфликтологии наиболее обоснованным и комплексным представляется изучение речевого конфликта в рамках теории фреймов [Третьякова, 2003]. Фрейм речевого конфликта включает в себя такие обязательные компоненты, как участники конфликта, противоречия (во взглядах, интересах, точках зрения, мнениях, оценках, ценностных представлениях, целях и т.п.) у коммуникантов; причина-повод, ущерб, временная и пространственная протяженность. Коммуникативное событие «конфликт» может быть представлено как сценарий, что позволяет проследить поэтапное развитие конфликта, изучить его стадии в динамике. В то же время рассмотрение речевого конфликта как речевого жанра делает возможным подробное изучение языковых средств, соответствующих прагматическим намерениям коммуникантов [Третьякова, 2003].

В.С. Третьякова отмечает, что среди наиболее частотных лексических маркеров речевого конфликта следует назвать, во-первых, обсценную лексику, в частности грубопросторечные, инвективные слова и сочетания. Лексическим маркером речевого конфликта также может быть негативная оценочная лексика при характеристике партнера, представляющая как интеллектуальную оценочную шкалу, так и эмоциональные и сенсорные шкалы. По сути, речь идет о любых периферийных средствах лексической системы – ненормативной, коннотативно окрашенной лексике [там же].

Мы полагаем, что изучение языковых средств, способных как инициировать конфликтную ситуацию, так и нивелировать ее, правомерно проводить на двух уровнях – на внешнем референциальном уровне и на уровне глубинной семантики языковой единицы. В этом смысле наибольший интерес представляет, по нашему мнению, амбивалентное явление эвфемии.

В своей классической интерпретации понятие эвфемии непосредственным образом коррелирует с представлением о *бесконфликтной* коммуникации. Именно такое толкование мы находим

во многих современных дефинициях эвфемизма. «Эвфемизмы по своей основной цели – смягчать слова и выражения, чтобы умерить неприятное для собеседника – близки языку дипломатического общения: смысловая размытость, толерантность, уклончивость в высказываниях, позволяющие избежать конфликтов, являются основными чертами этой области деятельности» [Ковшова, 2007, с. 274].

При всей правомерности такого подхода к явлению эвфемизации, при изучении семантико-прагматических параметров эвфемизмов, а также их поведении в дискурсе становится очевидным, что природа эвфемизма во многих случаях амбивалентна. Прагматическая амбивалентность эвфемии обусловлена крайне высокой степенью вариативности аспектов значения единиц, которые обладают потенциалом к смягчению и / или маскировке нежелательных явлений действительности. Многие эвфемизмы в конкретной речевой ситуации могут менять маркер своей оценочности на противоположный, т.е. трансформироваться в дисфемизм. Такое явление мы предлагаем называть *ситуационной вариативностью коннотации эвфемизма*. Волатильность, внутренняя противоречивость и прагматическая осложненность эвфемистических номинаций делает практически невозможным четкое деление кореферентных номинаций табуированных понятий на эвфемизмы, дисфемизмы и прямые наименования в соответствии с классической трехполярной оппозицией, постулируемой во многих работах по теории эвфемии.

Понятие эвфемистической амбивалентности определенным образом коррелирует с основополагающей для эвфемии категорией *оппозициональности*, которая характеризуется многоуровневой реализацией (Порохницкая, 2019).

Внутренний конфликт процесса эвфемизации на культурно-психологическом уровне уходит корнями в глубокую древность и обусловлен диалектическим единством нечистого и святого большинства табуированных представлений. На синхронном срезе изучения эвфемии в европейских лингвокультурах правомерно говорить о реализации дихотомии *деструктивный – созидательный*. В контексте идеологии политической корректности все чаще приходится наблюдать актуализацию оппозиций *информация – дезинформация*, *свобода – несвобода*, *толерантность – нетерпимость*, *серьезность – комичность*, когда одна и та же языковая единица, используемая с разной прагматической интенцией, может полностью менять свой коннотационный маркер и даже трансформироваться из единицы «политкорректной» в «неполиткорректную». Социологические опросы и исследования показывают, что неко-

торые медкорректные единицы, навязываемые средствами массовой информации, например, *sunnychildren* (англ. дети с умственными отклонениями), *optically inconvenienced* (амер. англ. слепой), *personnalité pathologi que de type borderline* (фр. человек с умственными отклонениями), вызывают амбивалентные чувства, привлекают общественное внимание к определенным заболеваниям и не способствуют социализации людей, страдающих от подобных недугов. Константность отмеченных дихотомий в европейском лингвокультурном пространстве свидетельствует об определенном кризисе языка и идеологии политической корректности, который во многих случаях выражается в полном неприятии навязываемых языковых формул. Наиболее последовательно такой позиции придерживаются, по всей видимости, представительницы радикального феминизма, которые настаивают на использовании прямых наименований табуированных явлений, особенно в вопросах женской физиологии (например, англ. *abortion* вместо эвфемизма *planned ter-mination*). Примечательно, что идеология политической корректности, изначально направленная на *затушевание конфликтных зон* (социальное неравенство, дискриминация по половому признаку, возрастная дискриминация, инвалидность, расовый вопрос и т.д.), в настоящее время начинает выполнять противоположную функцию высвечивания назревших социальных проблем, не разрешая, а зачастую, напротив, усугубляя *общественный конфликт*.

На уровне глубинной семантики эвфемистических единиц диалектический закон единства и борьбы противоположностей не менее очевиден. В основе семантики большинства единиц, обладающих эвфемистическим потенциалом, во многих случаях лежит сложная конфигурация метафорических и метонимических концептов. Метафорические концепты, реализуемые в значении эвфемизмов в германских и романских языках, репрезентируют основные концептуальные блоки: блок антропоморфных концептов (ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ, ПИТАНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИГРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДУХОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ), блок сложных артефактов (СТРОЕНИЕ и МЕХАНИЗМ), блок природных явлений и блок базовых представлений (КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ и т.д.) [Порохницкая, 2015]. Принципы взаимодействия концептов разных блоков представляют собой регулярные модели, которые во многих случаях базируются на *концептуальных оппозициях*. В семантике эвфемистических единиц концептуальные оппозиции реали-

зуются на двух основных уровнях – на уровне метафорических (метонимических) концептов и на уровне концептуальных фокусов (вершинных элементов концептуальных конфигураций). Типология концептуальных оппозиций, актуализирующихся в германских и романских языках, достаточно разнообразна. Проведенное исследование позволяет выделить *оппозиции константные* (реализуемые в семантике эвфемизмов, принадлежащих к целому ряду табуированных областей, например, «болезнь» – «лечение», «движение вверх» – «движение вниз»), *уникальные* (напр., оппозиция «бездонный контейнер» – «наполненный контейнер» активна в номинативной сфере «опьянение»), *продуктивные* (представляющие концептуальную основу для моделирования значительного количества эвфемистических единиц (напр., «поход в гости» – «прием гостей» в номинативной сфере «смерть»)) и *непродуктивные* (напр., «нарушение целостности» – «упрочение связи между элементами» в эвфемистическом номинировании нетрадиционной ориентации), *центральные* (представляющие собой системообразующую оппозицию для конкретной номинативной сферы, например, «свой» – «чужой» в сфере «увольнение») и *периферийные* (напр., «повышение энергии» – «вялость» в номинативной сфере «опьянение»). В отдельную группу можно выделить концептуальные оппозиции, в которых элементы характеризуются разной продуктивностью. В то время как один элемент характеризуется высокой активностью в рамках одной или нескольких номинативных сфер, второй элемент может быть представлен ограниченным количеством эвфемистических репрезентантов (например, «загрязнение» и «мытьё» в контексте эвфемизации опьянения).

Реализация метонимических концептов в семантике эвфемизма также обнаруживает определенные закономерности. Большинство метонимических концептов в германских и романских языках актуализируются в рамках семи основных блоков: темпоральные концепты, пространственные концепты, структурные концепты, концепты перехода состояния, концепты отклонения от нормы, антропоморфные концепты и обобщенные концепты.

В значительной степени амбивалентной представляется новейшая тенденция «политкорректного» переименования нетабуированных явлений социальной жизни исследуемых лингвокультур. Сравните примеры: *espace de représentation* (фр. театр), *espace de convivialité* (фр. кафе), *unité de production culinaire* (фр. столовая), *espace d'études* (фр. библиотека), *espace nautique* (фр. бассейн). Метонимическая модель с ведущим пространственным или структур-

ным концептом, лежащая в основе семантики подобных многокомпонентных номинаций, по всей видимости, призвана работать на улучшение имиджа учреждений и повышение их социальной значимости.

Необходимость такого переименования во многих случаях вызвана пейорацией наименований некоторых непристижных видов трудовой деятельности, которые как бы контаминируют своими негативными ассоциациями саму сферу деятельности и сопряженные понятия (напр. *Animateur d'espaces verts* фр. садовник – *espace arboré* фр. сад).

Неоднозначно трактуется и такое продуктивное в языке политкорректности явление, как поляризация, когда эвфемизируемый концепт и концепт, стоящий за эвфемистической номинацией, являются членами оппозиции. Сравните, например, *pacification* (фр. подавление, угнетение), *libération* (фр. вторжение) *potentiel de croissance* (фр. экономическое отставание), *personne àso-briété différée* (фр. алкоголик).

Еще больше противоречий обнаруживают модели интеракции метафорических и метонимических концептов в структуре эвфемистического значения. Во многих случаях имеет место поэтапное усложнение конфигурации метафорических концептов за счет активизации элементов соседнего сегмента одного блока или других блоков. Такое усложнение приводит к вуалированию первоначального фокуса, представленного простым метонимическим концептом. Появление дополнительных импликаций влечет за собой трансформацию нейтрального эвфемизма в единицу с невысоким эвфемистическим потенциалом, эксплуатируемую в ограниченном спектре коммуникативных ситуаций. В некоторых случаях такое концептуальное усложнение приводит к перерождению эвфемизма в свою противоположность – дисфемизм. В качестве примера можно привести английскую эвфемистическую единицу для номинирования беременности *inacertain condition*, в фокусе которой находится нейтральная идея *изменения состояния*. Отмеченная единица обладает высоким эвфемистическим потенциалом, позволяющем ей реализовывать свою смягчающую функцию в широком спектре коммуникативных ситуаций. Эвфемистический потенциал практически полностью нивелируется, например, в английском фразеологизме *Irish toothache*. Параллельная активизация метафорического концепта БОЛЕЗНЬ (блок антропоморфных метафор, сегмент ФИЗИОЛОГИЯ) и концепта национальной принадлежности ИРЛАНДСКИЙ, ассоциируемого в британском англий-

ском с чем-то нелогичным и неправильным, профилирует *негативные изменения*, связанные с беременностью (дискомфорт, неприятные ощущения и т.д.).

Трансформация концептуального фокуса во многих случаях может приводить, напротив, к увеличению эвфемистического потенциала языковой единицы. Такое явление имеет место в случае незначительного усложнения метонимического концепта, лежащего в основе семантики эвфемизма. Так, большинство эвфемизмов для номинирования физических недостатков также имеют в фокусе идею *изменения, отклонения от нормы* (ср., например, англ. *human difference*, англ. *motion discomfort*, англ. *restricted growth*, англ. *partially sighted*, фр. *personne à mobilité réduite*, фр. *personne à motivation diminuée* т.д.). В современном политкорректном дискурсе наибольшим эвфемистическим потенциалом обладают единицы, в семантике которых профилируется идея *отклонения от нормы в положительную сторону*, что по инференции предполагает наличие некоторой способности, не присущей обычным людям (например, англ. *differently abled*, англ. *people with differing abilities*, англ. *handicapable*, фр. *personne à compétence alternative*).

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что современная эвфемия, несмотря на присущие ей противоречия и амбивалентность, остается тем не менее единственным лингвистическим приемом, способным если не разрешить, то, по крайней мере, смягчить и замаскировать общественный конфликт. И в этом, по всей видимости, и заключается ее основной парадокс.

Список литературы

- Ковишова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
- Порохницкая Л.В. Константность и вариативность сегментов концептуального номинативного базиса как критерий сопоставительного изучения эвфемизмов разных языковых систем // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание и литературоведение. – М., 2015. – Вып. 12 (723). – С. 159–164. – Режим доступа: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-723z.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
- Порохницкая Л.В. Концептуальные оппозиции в семантике эвфемистических единиц // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. – М., 2018. – Вып. 5 (795). – С. 109–115.
- Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2003. – 35 с.

УДК: 81

И.А. Гусейнова

**КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, ginnar@mail.ru*

Аннотация. В настоящей статье на примере институциональной коммуникации описываются конфликтогенные факторы. Анализ немецкоязычной предметно-специальной литературы свидетельствует о том, что к конфликтогенным факторам следует отнести необдуманное использование языковых средств, применение оценочных высказываний, употребление гендерно маркированной лексики и др. При анализе конфликтов необходимо уделять особое внимание психологическим установкам всех участников социокультурного взаимодействия в институциональной среде, а также социолингвистическому аспекту, во многом определяющему статус языка в институциональной коммуникации.

Современная институциональная коммуникация протекает преимущественно в условиях межкультурного взаимодействия. Нередко общение сопровождается компьютерными технологиями, поддерживающими контакты между представителями различных лингвокультур на постоянной основе. В профессиональной сфере межкультурное взаимодействие под воздействием различных факторов может стать деструктивным. При этом применение деструктивных технологий в общении часто носит обдуманый, целенаправленный характер, и одновременно может быть обусловлено отсутствием компетентности и опыта у отдельных участников коммуникации, реализуемой в институциональной среде.

Современная наука, занимающаяся изучением социальных конфликтов, носит название лингвистической конфликтологии, ср. нем.: *die Konfliktlinguistik*. Ученые очерчивают широкий круг

проблем, изучаемых лингвистической конфликтологией, суть которых составляют: 1) факторный анализ причин коммуникативных неудач в процессе взаимодействия, провоцирующих столкновения социального и силового характера, 2) лингвистический анализ как конфликтогенных факторов в коммуникативно-дискурсивном пространстве, так и способов их вербального и невербального преодоления в различных типах текста, например, анализ агрессивных высказываний в текстах СМИ или соцсетях, изучение социальных конфликтов в ходе юридических разбирательств и медиации и т.п.

Немецкие современные ученые демонстрируют в своих трудах возросший интерес к изучению разновидностей институционального дискурса, для которого типичны тенденции глобализирующего характера, с одной стороны, и национально-специфические явления – с другой. Обе тенденции насыщены зонами потенциального конфликта, что требует своевременной разработки мер по его предотвращению. Примечательно, что одной из конфликтных зон выступает образовательная среда, которая в последние десятилетия сопровождается различными реформами. Не менее конфликтогенными являются политический, исторический, религиозный, экономический, миграционный, социальный виды дискурса. Это объясняется тем обстоятельством, что институциональный дискурс в целом характеризуется наличием гендерного фактора, властных отношений, иерархии, стремлением к власти и сохранению превосходства, использованием СМИ в качестве коммуникационно-информационного канала для распространения определенного содержания и формирования оценки [Diskursforschung: Ein interdisziplinäres Handbuch, 2014]. В свете вышесказанного существенный вес приобретают исследования дискурса вышеупомянутых авторов, нацеленные на изучение различных корпусов текстов и их контент-анализа, на выявление факторов, препятствующих коммуникации, на расчет их плотности в устных и письменных текстах, на анализ конфликтов, возникающих в ходе интерпретации фактов действительности, на изучение отдельных фаз коммуникативных процессов с целью выявления зон недопонимания; на анализ высказываний авторитетных личностей, опубликованных в текстах массовой коммуникации и др. Приведем в подтверждение высказывание М.Б. Розенберга: «Ich kann damit umgehen, wenn du mir sagst, was ich tue oder nicht tue. Und ich kann damit umgehen, wenn du interpretierst. Aber bitte vermische beides nicht miteinander» [Rosenberg, 2016, S. 37], ср. рус.: *Я знаю, что делать, если ты мне говоришь, что я делаю или не делаю.*

Я знаю, что делать, когда ты интерпретируешь. Но, пожалуйста, не смешивай эти разные вещи (пер. наш. – И. Г.). Иными словами, анализируя факты действительности, следует избегать оценки, которая является мощнейшим конфликтогенным фактором, ср. нем.: «Beobachtungen sind ein wichtiges Element in der gewaltfreien Kommunikation, wenn wir einem anderen Menschen klar und ehrlich mitteilen wollen, wie es uns geht. Wenn wir die Beobachtung mit einer Bewertung verknüpfen, vermindern wir die Wahrscheinlichkeit, dass andere das hören, was wir sagen wollen» [Rosenberg, 2016, S. 38] – ср. рус. *Наблюдения являются важным элементом ненасильственной коммуникации, если мы четко и честно хотим рассказать другому человеку о себе. Если наблюдения сопровождаются оценкой, то мы уменьшаем вероятность того, что другие услышат то, что мы хотим сказать* (пер. наш. – И. Г.). Ученые предлагают различать наблюдения, включающие оценку и наблюдения, исключаящие оценку, приводя конкретные примеры высказываний. Так, если цель коммуникации состоит в том, чтобы при помощи глагола *sein* (*быть*) не показать, что оценивающий берет на себя ответственность за свою оценку, высказывание следует строить следующим образом: «Wenn ich sehe, dass du all dein Essensgeld weggibst, finde ich, dass du großzügig bist» вместо «Du bist zu großzügig» [Ibid., S. 42] – ср. рус.: *Когда я вижу, что ты тратишь все деньги на еду, я считаю, что ты очень щедрый // Ты слишком щедрый* (пер. наш. – И. Г.). Другой пример: «Jochens Äußeres zieht mich nicht an» вместо «Jochen ist hässlich» [Ibid.] – ср. рус.: *Меня не привлекает внешность Йохана // Йохан страшный* (пер. наш. – И. Г.).

Конфликтогенная тематика нередко является содержанием проектной деятельности международных научных коллективов, ср. нем.: Die Konfliktlinguistik orientiert sich an mehreren aktuellen Problemen und hinterfragt die Ursachen unbeabsichtigter kommunikativer Misserfolge, die zu Verständigungsschwierigkeiten und zu Konfrontationen zwischen Kommunikationspartnern führen, bis zur linguistischen Analyse von globalen Konflikten in ihren diskursiven Dimensionen (z.B. unter dem Aspekt des sogenannten Hatespeech, der Hasssprache in Medien oder sozialen Netzwerken)¹ – ср. рус.: *Лингвистическая кон-*

¹ Научный проект: Агрессия и аргументация – конфликтный дискурс и его языковое разрешение **Поддержка:** Фонд Фольксвагена. **Название:** Агрессия и аргументация – конфликтный дискурс и его языковое разрешение. **Инициатива:** Трехстороннее партнерство – Сотрудничество между учеными из Украины, России и Германии. **Срок:** 3 года (май 2016 – апрель 2019 гг.); Ответственные ис-

фликтология направлена на изучение широкого круга вопросов – от причины ненамеренных коммуникативных неудач, которые приводят к проблемам во взаимопонимании и к конфронтации между участниками коммуникации, до лингвистического анализа глобальных конфликтов в их дискурсивном измерении, например, выражение ненависти в СМИ или социальных сетях (пер. наш. – И. Г.).

Изучение немецкоязычных предметно-специальных публикаций свидетельствует о том, что исследования разновидностей дискурса тесно связаны с тематикой, сходной с проблематикой лингвистической конфликтологии. Так, немецкоязычные ученые [Rosenberg, 2016; Mack, Mack, Mack, 1983; Dass, Bush, 1993; Gendlin, 2004; Zuschlag, Thielke, 1989 и др.] выделяют особо агрессивные высказывания в двух коммуникативных сферах – бытовой [Steiner, 2009; Gendlin, 2004; Dass, 1978; Dass, Bush, 1993 и др.] и институциональной [Rosenberg, 2016; Mack, Mack, Mack, 1983; работы в: Diskursforschung, 2014 и др.]. Основная теоретическая идея, разделяемая упомянутыми выше учеными, заключается в том, что соблюдение современной ценностной системы всеми участниками коммуникативного процесса поддерживает преодоление конфликтов, позволяя одновременно избежать ситуации разочарования и фрустрации, ср.: «das neue Wertesystem sieht die Lösung von Konflikten ohne die üblichen frustrierenden Kompromisse vor» [Rosenberg, 2016, S. 9]. По мнению исследователей, сегодня наиболее востребованной является модель *ненасильственного* общения, ср. нем.: *gewaltfreies Modell*, основанная на обдуманном действии, ср. нем.: *Handlung und Bewusstsein*, уточним, как практических, так и речевых. Большинство исследователей придерживаются той мысли, что история человеческого общения пронизана противоречиями, порождающими конфликты, ср. нем.: *zu Konflikten führen*, требующими выстраивания психологических «связей-мостов», ср. нем.: *Verbindungen als psychologische Brücke*. Агрессия как имманентное свойство человека, сконцентрированного исключительно на своем «я», является основной причиной возникновения конфликта, ср. нем.: «Aggression ist eine immanente Eigenschaft des Ego-Systems, dass sich ausschließlich auf “ich, mir und mein” konzentriert, wann

полнители: д-р филол. наук Марина Шарлай, Дрезденский технический университет, Институт славистики; доц., канд. филол. наук Елена Тараненко, Донецкий национальный университет им. В. Стуса, кафедра журналистики; проф., д-р филол. наук Валерий Ефремов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, филологический факультет.

immer ein Konflikt aufkommt» [Rosenberg, 2016, S. 11]. Решение конфликтной ситуации состоит в достижении изменений в сознании человека, которое в дальнейшем проявится в его действиях и поступках: «Es geht nicht um eine Veränderung des Handelns, sondern um eine Veränderung des Bewusstseins» [Ibid.].

В качестве одного из существенных конфликтогенных факторов выделяется неправильное употребление речевых действий в понимании М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского [Городникова, Добровольский, 1998]. В этом смысле ключевой становится цель выявления соотношения между степенью агрессии и ее корреляцией с речевыми высказываниями в институциональной среде. Существенную роль в выражении агрессии играют эмоции и чувства. Иными словами, эмоции рассматриваются в качестве весомого конфликтогенного фактора. Важно, что степень эмоциональности может варьировать, что зависит от практического достижения цели. Так, если неречевая цель достигнута, то в наличии имеется позитивный результат, например: «angeregt – fasziniert – motiviert» [Rosenberg, 2016, S. 54], ср. рус.: *возбужден – очарован – мотивирован* (пер. наш. – И. Г.). Если неречевая цель не достигнута, то у партнера по коммуникации наблюдается следующая эмоциональная реакция: «deprimiert – leblos – unzufrieden» [Ibid., S. 56], ср. рус.: *угнетенный – безжизненный – недовольный* (пер. наш. – И. Г.). В дальнейшем эмоциональное недовольство развивается: «verärgert, wütend, zornig» [Ibid.], ср. рус. *разозленный, гневный, яростный* (пер. наш. – И. Г.) и т.д.

Таким образом, научная задача специалистов в области управления конфликтами заключается в том, чтобы систематизировать конфликтогенные факторы, затрудняющие коммуникативное общение, с одной стороны, и рассмотреть возможности «параллельного включения» [Джуманова, 2018, с. 38] различных языков в институциональной сфере – с другой. Таким образом, в условиях межличностного взаимодействия ключевым конфликтогенным фактором становится язык и употребление языка.

В настоящий момент одним из ключевых направлений теории языковых контактов или лингвоконтактологии становятся процессы и одновременно «результаты контактирования языков в конкретном геополитическом пространстве» [там же, с. 39]. Безусловно, понятие результата следует интерпретировать в различных смыслах, но применительно к системе институциональной коммуникации или ее разновидностей, в том числе маркетинговой, социально ориентированной, рекламной и др., толкование результата

закключается в достижении конкретных коммуникативно-прагматических целей – в достижении консенсуса по спорным вопросам, в подписании соглашений о партнерстве или сотрудничестве, в осуществлении совместных действий в различных отраслях экономики, в продвижении результатов труда и т.п. Иными словами, важным представляется вопрос о «взаимном приспособлении языка говорящего и языка слушающего к соответствующим изменениям норм обоих контактирующих языков» [Джуманова, 2018, с. 39]. В институциональной среде это предполагает три ситуации социокультурного взаимодействия в условиях межкультурной коммуникации: 1) одновременное использование нескольких языков в ходе общения, предполагающее быструю смену семиотических кодов; 2) применение в ходе реализации коммуникации разных видов перевода; 3) использование «смешанного» языка. В последнем случае следует различать «взаимопроникновение двух морфологических систем» и «язык с элементами смешения» [там же]. В институциональной среде речь идет преимущественно об употреблении единиц интернациональной лексики, а также гибридной лексики, обусловленном прагматическими обстоятельствами конкретной ситуации речевого общения, что не исключает возникновения конфликтов и недопониманий между представителями различных этносоциумов, но одновременно и свидетельствует об обоюдном стремлении сторон к решению практической задачи. Следует отметить, что тенденция к смешению и контаминации обусловлена влиянием современных коммуникационно-информационных технологий. С одной стороны, институциональная коммуникация подвергается влиянию английского языка, с другой стороны, она остается под влиянием информационно-коммуникационного пространства, что приводит к необходимости решения вопроса о том, «каково лингвистическое коммуникативное пространство, выход за рамки которого может привести к недопониманию и непониманию партнера по коммуникации <...>» [Потапова, Потапов, 2018, с. 126], в нашем случае – в институциональной сфере.

Рассмотрим ниже современные технологии стратегического строительства пространств в институциональной среде с опорой на социолингвистические учения, в которых широко представлен термин «языковое строительство» [Бондалетов, 2019, с. 3]. Мы позволим себе трактовать данное словосочетание в узком и широком смысле, выходя за пределы его традиционного языковедческого употребления. В узком смысле понятие передает внутреннюю

логику развития языка, позволяя тем самым создавать письменность в бесписьменных языках или обогащать литературный язык новыми словами и устойчивыми выражениями. По мнению Д.В. Бондалетова, социалингвистические исследования приобретают особый вес в периоды, когда «развитие общества дает своего рода социальный заказ языковедам, социологам, работникам культуры, искусства, выполнение которого входит в программу социального развития страны, подъема ее экономики, культуры, общей и языковой грамотности населения» [Бондалетов, 2019, с. 20]. В круг научных проблем попадают также такие вопросы, как функциональное развитие языков, закономерности развития национальных языков, социальные факторы развития языка и др.

В широком смысле языковое строительство можно рассматривать как выстраивание коммуникативно-дискурсивных пространств «под заказ» с использованием определенного репертуара языковых и неязыковых средств в соответствии со стратегиями их освоения, что приводит к возникновению в институциональной сфере сложных словосочетаний, несущих в себе определенную политическую и / или государственную позицию: *освоение реального географического пространства, конструирование виртуального пространства, строительство социального пространства* и т.п. Нередко подобные высказывания порождают противодействие со стороны участников социокультурного взаимодействия, так как в них, на первый взгляд, присутствует скрытая угроза, агрессия и наступательная тактика, особенно если их рассматривать с позиций внешней коммуникации, направленной на контакты с внешним миром. В самом широком понимании процесса языкового строительства применительно к конструированию различных пространств необходимо учитывать две актуальные социалингвистические проблемы: 1) проблемы, связанные с социальной дифференциацией языка; 2) процессы социального развития языка. В числе центральных вопросов необходимо обратить научное внимание на «1) социальную обусловленность языковых явлений; 2) общественные функции языка; 3) воздействие языка на общество» [там же, с. 14]. Учитывая тот факт, что роль языка меняется в зависимости от условий и ситуации общения и он все чаще выступает инструментом достижения неречевых целей, язык используется для конструирования или «строительства» пространств при помощи различных кодов, способных придать взаимодействию конструктивный или деструктивный характер. В обоих случаях язык институциональной коммуникации в реальной си-

туации общения далек от совершенства и от литературного языка, отличающегося «обработанностью, нормированностью, стабильностью, обязательностью для всех членов общества, стилистической дифференцированностью, универсальностью, наличием устной и письменной разновидностей» [Бондалетов, 2019, с. 48–49]. Фактором, который осложняет общение между представителями различных лингвокультур в институциональной сфере, является неадекватное использование языковых средств.

Сразу определим, что мы не рассматриваем в нашей статье случаи присутствия профессионального переводчика или ситуацию с множественным переключением семиотических кодов, понимая, что в упомянутых выше случаях речь идет о высочайшем уровне компетентности всех участников социокультурного взаимодействия в межкультурных условиях. Это предполагает наличие высокого уровня сформированности коммуникативной, лингвистической, социальной и иных видов компетенций.

В нашей статье мы акцентируем свое внимание на тех ситуациях общения в институциональной среде, которые возникли в результате глобализации пространства, с одной стороны, и могут привести в некоторых случаях к агрессивному выражению чувств участников коммуникации в немецкоязычной сфере.

Следует отметить, что в институциональной сфере участники общения в немецкоязычной среде придерживаются отказа от применения силы, ср. нем.: «Gewalt ist eine Methode von gestern» [Holler, 2016, S. 14], ср. рус.: *Насилие – это вчерашний метод* (пер. наш. – И. Г.). Однако в человеческом общении нетерпимость по отношению к поведению других людей, а также стремление обвинить в своих ошибках других людей, ср. нем.: «das Verhalten anderer Menschen // Immer wenn wir uns ärgern, suchen wir beim anderen einen Fehler» [Rosenberg, 2016, S. 137, 139].

Реальные проблемы институциональной коммуникации формируют основание для поиска и выделения конфликтогенных факторов, затрудняющих институциональную коммуникацию. Мы исходим из того, что институциональное общение реализуется при помощи различных жанров, упорядочивающих общение в соответствии с последовательностью практических задач. Наиболее насыщенными разнообразными социальными конфликтами выступают те устные и письменные тексты, которые призваны обеспечить организационно-технологическое сопровождение процессов. К ним относятся переговоры и деловая переписка, соответственно. Следует отметить, что конфликтогенные факторы можно сгруппи-

ровать следующим образом: а) лингвистические, б) экстралингвистические и в) смешанные. К лингвистическим факторам, безусловно, относятся те, которые нуждаются в разработке теорий, способных не только систематизировать выявленные языковые факты, но и найти им методологически обоснованное объяснение. Например, в случаях использования смешанного языка в институциональной сфере неизбежно возникает методологический вопрос о его лингвистическом статусе, насколько правомерно его причисление к койне, пиджину, креольскому языку; необходимо ли рассматривать ситуации социокультурного взаимодействия в контексте билингвизма или полилингвизма; насколько смешанные языки соотносимы с социолектами. Напомним, что койне является одним из средств междialeктного или даже межнационального общения, «возникающего первоначально в торговых, военных или культурных целях на базе одного из группы близких диалектов» [Бондалетов, 2019, с. 52]; пиджин – «разновидность смешанного языка, возникающая в результате необходимости общения на разноразличной территории» [там же, с. 58]. Так, сложные, например, для немцев русские слова, содержащие русское *х*, произносятся как *к* с придыханием: *хорошо* \ *карашо*; звонкие согласные произносятся как глухие: *давай* \ *дафай* и др. Креольский язык – это «полноценный язык, располагающий обширной лексикой и самостоятельно выработанной грамматикой, способный развиваться по своим внутренним законам, подобно любому естественному языку» [Бондалетов, 2019, с. 60]. Назначение социолектов – «служить средством связи для лиц, входящих в определенную социальную или профессиональную группировку, объединять членов в одну корпорацию, имеющую свои интересы – профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-эстетические и т.п.» [там же, с. 68]. К социальным диалектам относятся, прежде всего, профессиональные языки рыбаков, охотников, гончаров и пр.; жаргоны, например, студентов, спортсменов и т.п.; аргос или условные языки. Общение в институциональной среде нередко сопровождается всеми вышеперечисленными элементами при одновременном сохранении профессиональной лексики и формировании терминосистем, понятной для всех участников социокультурного взаимодействия. Важно, что профессиональная лексика служит основой для формирования терминологии, однако профессиональное слово отличается от термина, прежде всего, своей «эмоционально-экспрессивной окрашенностью» [Бондалетов, 2019, с. 132].

К экстралингвистическим факторам следует отнести те из них, которые оказывают влияние на формирование отношения к явлениям иной культуры. К ним следует отнести так называемые «замороженные конфликты», ср. нем.: *eingefrorene Konflikte*. «Замороженные» конфликты с позиции институционального взаимодействия могут вспыхнуть в любой момент и перерасти из социального конфликта в силовой, сопровождаемый военными или иными насильственными действиями. С точки зрения гуманитарного знания к потенциальным «замороженным» конфликтам можно отнести, по мнению немецких ученых, конфликты, возникающие в следующих институциональных сферах, – правовой, политической, экономической, религиозной и социальной. По этой причине интерес ученых сосредоточен на проведении междисциплинарных исследований, реализуемых на стыке институциональных теорий и лингвистической конфликтологии.

Следует отметить, что современные работы зарубежных ученых нацелены на систематизацию способов преодоления конфликтных ситуаций. В сборнике [*Sprache im Konflikt*, 1995], вышедшем под редакцией Р. Райер, справедливо отмечается роль языка в решении социальных и военных конфликтов; переговоры полагаются одним из самых востребованных инструментов управления различными видами конфликта. Такого же мнения придерживаются и Д.Г. Прутт, П.Дж. Карневал [*Pruitt, Carnevale*, 2003], изучающие различные техники медиации и их действенность в решении социальных конфликтов. Важно отметить интерес немецких специалистов к изучению способов преодоления межличностных конфликтов, возникающих в институциональной сфере, – на предприятиях, фирмах, в компаниях и пр. Данной проблемой занимаются Г. Нолльманн [*Nollmann*, 1997], Б. Цушлаг, В. Тильке [*Zuschlag, Thielke*, 1989], справедливо утверждая, что многие конфликты, возникающие в малых группах, проявляются в процессе институционального взаимодействия между представителями различных этносоциумов и социальных слоев, работающих совместно. В этом смысле особый интерес представляют технологии распознавания конфликтных ситуаций и способы их разрешения путем осмысления причин их возникновения и учета конфликтогенных факторов в процессе социокультурного взаимодействия [*Schwarz*, 2010; *Kreß*, 2010]. Б. Кресс особое внимание уделяет типологии конфликтов, правильному построению общения с учетом специфики потенциальных «замороженных» конфликтов, стратегиям уступок, способствующих достижению взаимопонимания, консен-

суса и компромисса, ср.: «Siege: Konzession und Konsens», «Kompromiss» [Kreß, 2010, S. 570–573]. К наиболее распространенным в институциональной среде конфликтогенным факторам Р. Курилла причисляет эмоции, стимулирующие конфликтные ситуации в ходе коммуникации [Kurilla, 2013]. Ученый утверждает, что эмоции следует рассматривать в качестве социальных или коммуникативных конструкторов, ср.: «soziale bzw. kommunikative Konstrukte», которые в ходе институциональной коммуникации могут по-разному проявляться и порождать недопонимание между представителями различных культур. Важно, что наблюдения автора подкрепляются мнением самых различных ученых.

В заключение подчеркнем, что к конфликтогенным факторам в институциональной среде причисляют оценку, эмоции, гендер и отсутствие толерантности, в то время как вежливость, стремление к консенсусу и компромиссу являются наиболее распространенными стратегиями преодоления конфликтов в профессиональной сфере.

Список литературы

- Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Ленанд, 2019. – 208 с.
- Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. – М.: Рус. яз., 1998. – 332 с.
- Джуманова Д.Р. Языковой контакт: Понятие и толкование // XIV Виноградовские чтения: Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 16 мая 2018 г.) / отв. ред. Миркурбанов Н.М.; Представ-во Россотрудничества в Республике Узбекистан; Ташкент. объединение преподавателей рус. яз. и лит.; Урал. гос. экон. ун-т; Сев. Арктич. (федер.) ун-т; Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова. – Ташкент; Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – С. 38–43.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Функционирование «денглиша» в немецкоязычном сегменте Интернета // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – С. 125–149.
- Dass R. Alles Leben ist Tanz. – B.: Schickler, 1978. – 119 S.
- Dass R., Bush M. Auf dem Weg zum Herzen: Spiritualität und praktische Nächstenliebe. – München: Droemer Knaur, 1993. – 147 S.
- Diskursforschung: Ein interdisziplinäres Handbuch: 2 Bde / Angermüller Jh., Nonhoff M., Herschinger E, Macgilchrist F., Reisigl M., Wedl J., Wrana D., Ziem A. – Bielefeld: Transcript Verl., 2014.

- Gendlin E.* Focusing: Selbsthilfe bei der Lösung persönlicher Probleme. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2004. – 224 S.
- Holler I.* Vorwort zur deutschen Neuauflage // *Rosenberg M.B.* Gewaltfreie Kommunikation: Eine Sprache des Lebens. – Paderborn, 2016. – S. 13–14.
- Kreß B.* Kooperation und Konflikt: Äußerungsstrukturen in Konflikten und Konfliktlösungen auf der Grundlage russischer und tschechischer literarischer Texte. – München etc.: Sagner, 2010. – 653 S.
- Kurilla R.* Emotion, Kommunikation, Konflikt: Eine historiographische, grundlagentheoretische und kulturvergleichende Untersuchung. – Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden: Imprint: Springer VS, 2013. – Bd 1. – 382 S.
- Mack B., Mack A., Mack A.* Krieg ohne Waffen? Studie über Möglichkeiten und Erfolge sozialer Verteidigung. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1983. – 155 S.
- Nollmann G.* Konflikte in Interaktion, Gruppe und Organisation: Zur Konfliktsoziologie der modernen Gesellschaft. – Opladen: Westdt. Verl., 1997. – 367 S.
- Pruitt D.G., Carnevale P.J.* Negotiation in social conflict. – Maidenhead: Open Univ. press, 2003. – XVII, 251 S.
- Rosenberg M.B.* Gewaltfreie Kommunikation: Eine Sprache des Lebens. – Paderborn: Junfermann Verl., 2016. – 222 S.
- Schwarz G.* Konfliktmanagement: Konflikte erkennen, analysieren, lösen. – Wiesbaden: Gabler, 2010. – 428 S.
- Sprache im Konflikt: Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen u. militärischen Auseinandersetzungen / Hrsg. von Reiher R. – B. etc.: de Gruyter, 1995. – 460 S.*
- Steiner C.* Wie man Lebenspläne verändert: Die Arbeit mit Skripts in der Transaktionsanalyse. – Paderborn: Junfermann, 2009. – 313 S.
- Zuschlag B., Thielke W.* Konfliktsituationen im Alltag: Ein Leitfaden für den Umgang mit Konflikten in Beruf und Familie. – Stuttgart: Verl. für angew. Psychologie, 1989. – 233 S.

УДК: 81

Л.В. Моисеенко*, А.А. Евдокимова**

**КОНТАКТИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ
И ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ
(На примере языков Испании)**

**Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, liliamoiseenko@gmail.com*

***Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, ana.evdokimova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются региональные и миноритарные языки Испании в ракурсе языковых конфликтов. Анализ языковой ситуации в автономиях позволяет выделить три типа языковых конфликтов. 1. *Противостояние с государственным – испанским – языком.* Коофициальные региональные языки, имеющие устойчивый языковой статус, например, каталанский и баскский, вступают в *противостояние с государственным – испанским – языком*, стремясь завоевать лидирующие позиции на территории своей автономии. 2. Лингвистическая оппозиция *язык vs диалект*. Ареной политической борьбы с проявлениями национализма и сепаратизма становится лингвистическая оппозиция *язык vs диалект*. Так, по политическим мотивам самостоятельный *лингвистический статус* получили *валенсийский и аранский* (окситанский) языки, не обладающие всем набором функций для существования в качестве полноценных литературных языков. 3. Конфликтотенной является *разработка нормы* региональных языков. Это происходит в случае с галисийским языком, где на основе существующих вариантов (близких или далеких к португальскому языку) имеет место существование двух противоположных тенденций: официальной и пропортугальской, рассматривающей галисийский язык как *диалект португальского языка*.

Введение

Испанский язык – один из самых контактирующих¹ языков мира. Языковые контакты лежат в основе формирования испанского языка (автохтонные языки Средиземноморья, послужившие субстратом, и народная латынь) в ходе его распространения на Пиренейском полуострове (астурийский, арагонский, галисийско-португальский², мосарабский идиомы; арабский, каталанский³, галисийский языки). Экспорт испанского языка за океан обусловил его контакты с индейскими языками Латинской Америки. Победоносное шествие испанского языка по Пиренейскому полуострову и в Латинской Америке заведомо ставило контактирующие с ним языки в приниженное положение: некоторые индейские языки исчезли, другие занимают маргинальное положение в социуме. Спустя столетия ситуация повторяется с точностью до наоборот в отношении испаноязычных иммигрантов в США, где престижным в политическом, социальном и культурном отношении является английский язык, а испаноязычное сообщество составляет меньшинство [Siguán, электрон. ресурс].

Целью настоящей статьи является описание современной языковой ситуации Испании на примере близкородственных (романских) языков, выявление причин языковых конфликтов и роли государства в их решении.

Региональные и миноритарные языки на территории Испании

Под *региональным языком* понимается язык, существующий автономно от официального языка на определенной территории

¹ Понятия «контактирующие языки», «языки в контакте» отличаются от понятия «контактные языки», которыми являются, например, креольские языки, пиджины.

² В статье используется термин «идиом», обобщающий понятия «язык», «диалект», «говор», «социолект» и др. [Виноградов, 1990], в связи с тем, что статус этих структурно-функциональных систем четко не определен. Ср., например, у В.И. Томашпольского, который называет эти идиомы и региональными диалектами, и языками [Томашпольский, 2019, с. 12, 23].

³ В работе принято традиционное для российской лингвистики название от самоназвания жителей региона и носителей языка: *kam. català* – каталанский язык, в отличие от названия региона – Каталония, каталонцы [Лamina, 1989; Нарумов, 2001; Бигвава, Харшиладзе, 2002; Гринина, 2005].

государства, но имеющий официальный статус в рамках административно-территориального субъекта.

Под *миноритарным языком* или *языком национального меньшинства*¹ понимается язык, используемый меньшей группой населения и отличающийся от официального языка. Миноритарный язык – более широкое понятие, чем региональный язык, так как не каждый миноритарный язык имеет статус официального в рамках административно-территориального субъекта.

На территории европейских стран в XIX–XX вв. языком межнационального общения, образования и СМИ был национальный / государственный язык. Во времена диктатуры генерала Франко использование других языков, кроме государственного, в течение 40 лет было под полным запретом. Но это касалось только определенных социальных функций языка и их объема (использования средствами массовой информации, системой образования и др.), поскольку запретить человеку пользоваться родным языком невозможно, это означало бы уничтожить или ограничить его мышление. Миноритарные языки существовали в сфере семейного общения.

В 1975 г. Хуан Карлос де Бурбон подписывает декрет № 2929, в котором говорится о том, что региональные языки являются культурным наследием испанской нации, и все они признаются национальными языками [Decreto 2929/1975, электрон. ресурс].

Отношение к миноритарным языкам изменилось во второй половине XX в.: они стали рассматриваться как часть культурного наследия [Марусенко, 2014, с. 15–16] и культурного многообразия, *Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств* [Европейская хартия, 1992. Электрон. ресурс] стала конвенцией о защите и поддержке миноритарных языков², призывающей уважать языковые права миноритарных народов для их мирного существования в рамках многонациональных государств.

¹ Язык национального меньшинства – термин, зафиксированный в *Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств*. В документе региональные языки и языки меньшинств фигурируют как синонимы [Европейская хартия, 1992. Электрон. ресурс].

² По словам В.А. Марусенко, Европейский союз *de jure* провозглашает принцип полного многоязычия, однако в его деятельности наблюдается определенная языковая иерархия в пользу так называемых парламентских языков и дискриминация миноритарных языков [Марусенко, 2014, с. 30–31].

Современное коммуникативное пространство Испании определяется как полилингвальное с выделением регионов двуязычия на государственном уровне. Специфика языковой политики обусловлена тем, что наряду с действующим на всей территории Испании государственным испанским (кастильским)¹ языком, согласно Конституции Испании 1978 г., статус официальных (коофициальных) языков в пределах соответствующих территориальных образований получили пять региональных языков. К ним относятся: баскский, каталанский, галисийский, аранский (окситанский)² и валенсийский языки. Коофициальный язык (*lengua cooficial*) обладает равными с государственным языком правами на территории соответствующего автономного образования.

Идиомы балеарский, арагонский, астурийский бабле, арабский Сеуты, тамазит Мелильи, а также кало и херга цыган, проживающих на территории Андалусии, не получили официального признания. Тем не менее их носители требуют проведения такой языковой политики, которая не ущемляла бы их право на использование родного языка [Гринина, 2012, с. 223].

Языковая ситуация, определяемая как лингвогеографическое единство контактирующих идиомов в виде социально-коммуникативной системы, представляется сложной и политизированной в условиях существования двух противоборствующих тенденций: к экономической и политической интеграции, с одной стороны, и к культурно-языковой диверсификации – с другой. Эти тенденции отражаются также на функционировании региональных и миноритарных языков (далее – РМЯ). С одной стороны, они вытесняются языками, играющими первостепенную роль в межэтническом общении, социальном и профессиональном росте (испанский и английский языки), с другой – отмечается рост интереса к региональным и миноритарным языкам как средству сохранения этнической идентичности.

¹ В статье испанский и кастильский используются как синонимы в отношении государственного языка Испании.

² Согласно статье 6 Статута Каталонии, окситанский язык называется аранским на территории региона Аранской долины и является собственным языком указанного региона и официальным языком Каталонии [Ley Orgánica 6/2006, электрон. ресурс].

Языковая политика государства и языковая политика в автономиях

Языковое планирование [Хауген, 1975, с. 469] / языковой инжиниринг (language engineering) [Kaplan, 2013, p. 2] / языковое строительство [Аврорин, 1975] неразрывно связаны с языковой политикой.

Под языковой политикой государства подразумевается государственная политика по национально-языковым вопросам, меры по изменению (сохранению) функционального распределения языков и их подсистем, а также нормированию языка, кодификации литературной нормы, выбора языкового образования [Цыбденова, 2016, с. 89].

Языковая политика, целью которой является «изменение языковой среды в желаемом направлении» [Марусенко, 2014, с. 7], осуществляется через законодательство, средства массовой информации и систему образования автономий.

Современные исследователи выделяют три основных направления языковой политики:

- расширение *корпуса языка*, включая стандартизацию;
- повышение *статуса языка*;
- распространение *изучения языка*.

Воздействие на корпус языка (создание алфавита, реформа орфографии, создание неологизмов и т.д.) чаще всего вызвано необходимостью воздействия на статус языка. Статус языка определяется юридически и предполагает положение языка по отношению к другому [Марусенко, 2014, с. 6–7, 15]. В связи с официальным признанием региональных языков Испании, *языковой статус* предполагает обретение национальными языками автономных образований Испании самостоятельности, признания их государственности.

Первыми отстаивать свои языковые права, в том числе на законодательном уровне, стали Каталония и Страна Басков. В Статутах этих автономий (1979) национальные языки – каталанский и эускера или баскский – объявляются *официальными на территории автономий*, тогда как испанский (кастильский) объявляется официальным языком Испании.

При этом в Статуте Страны Басков (статья 6 Введения) положение о том, что все жители *имеют право изучать* оба языка и пользоваться ими [Ley Orgánica 3/1979, электрон. ресурс] противо-

речит Конституции, провозглашающей *обязанность* всех испанцев *знать* испанский язык.

В Статут об автономии Каталонии (пункт 1 статьи 6) было внесено положение о *предпочтительном использовании каталанского языка* в административных учреждениях, в средствах массовой информации и в образовании [Ley Orgánica 6/2006, электрон. ресурс], что также противоречит Конституции Испании. Решением Конституционного суда Испании в упомянутую статью была внесена поправка, признающая неконституционным использование слова «*предпочтительно*» [Sentencia 31/2010, электрон. ресурс].

Конституционный суд Испании отмечает, что в автономиях, где наряду с кастильским языком существует также собственный язык, жители *обязаны знать кастильский язык*, который, согласно статье 3.1 Конституции Испании, является официальным языком всех испанцев [Sentencia 337/1994, электрон. ресурс].

После принятия Статута об автономии Галисии в Законе 3/1983 «О лингвистической нормализации» [Ley 3/1983, электрон. ресурс] постулируется, что все галисийцы обязаны знать галисийский язык и могут использовать его. Конституционный Трибунал вынес постановление 84/1986 [Sentencia Constitucional 84/1986. Электрон. ресурс] о признании положения об обязательном владении галисийским языком неконституционным. Кастильский язык, будучи официальным языком Королевства Испания, имеет более высокий статус, и только он должен являться обязательным для изучения.

Символическое значение для укрепления статуса галисийского языка связано с принятием Государственного закона 2/1998 [Ley 2/1998, электрон. ресурс], постановившего, что галисийские провинции La Coruña и Ourense будут называться по-галисийски A Coruña и Ourense.

Согласно статье 10 Закона о нормализации галисийского языка [Ley 3/1983, электрон. ресурс] все топонимы должны писаться на галисийском языке. Однако решение об изменении топонимов было приостановлено королевским указом 781/1986 [Real Decreto Legislativo 781/1986. Электрон. ресурс] на основании того, что только Генеральные Кортесы имеют право на внесение изменений в названия городов и провинций.

Королевские декреты 1978–1979 гг. [Real Decreto 2092/1978; Real Decreto 1049/1979; Real Decreto 1981/1979] законодательно закрепили введение коофициальных языков – на тот момент речь

шла о каталанском, баскском и галисийском языках – в систему образования соответствующих регионов Испании.

Статус самостоятельного получил аранский язык. Он успешно введен в систему начального и среднего образования [Ley 35/2010, электрон. ресурс]. Это единственная территория в мире, где аранский язык преподается в школе в качестве обязательного предмета, хотя он не может претендовать на то, чтобы стать языком высшего образования в связи с небольшим (6,1 тыс.) числом носителей.

Позднее в Законе об образовании 2006 г. [Ley Orgánica 2/2006, электрон. ресурс] официально закрепляется преподавание предметов на РМЯ в начальной, средней и старшей школе в следующем соотношении: на РМЯ – 49% (гуманитарное направление и социальные науки), на испанском языке – 51% (математическое и естественно-научное направления) с достижением уровня В2 европейской шкалы уровня языка по РМЯ по окончании школы. Благодаря этому уровень владения региональными языками значительно вырос.

В 2010 г. Европейский парламент и Европейский совет разрабатывают рекомендации относительно основных компетенций, которыми должны владеть граждане Евросоюза, а именно владение иностранными языками, в первую очередь английским [L 394/10, электрон. ресурс]. Последовавшее за этим принятие правительствами автономий законов о *многоязычии* изменяет языковую ситуацию в средней школе, где часы преподавания предметов распределяются следующим образом; на РМЯ – 33%, на испанском языке – 33%, на английском языке – 33% (см. табл. 1).

Тем самым региональные языки приобретают нового конкурента в лице английского языка, что негативно сказывается на их нынешнем положении.

С другой стороны, принятый в Валенсийской автономии новый Закон «О регулировании и продвижении многоязычия в образовании Валенсийской автономии» [Ley 4/2018, электрон. ресурс] не только вводит в обязательную программу валенсийский язык, но и обязывает изучать его. Однако в Валенсийской автономии проживает коренное население, для которого родным языком является испанский (например, район Аликанте). Они выступают против новой нормы, так как считают, что изучение предметов на региональном языке приведет к тому, что учащиеся недостаточно хорошо овладеют государственным языком Испании и не смогут овладеть языковыми компетенциями, необходимыми для поступления в университеты за пределами автономного образования.

Таблица 1

Региональные языки в системе образования Испании

Закон об образовании (LOGSE) 1991 г.	Новый Органический Закон об образовании 2006 г.	Закон Евросоюза от 2010 г. L/394; Декреты о многоязычии автономий
Билингвизм	Билингвизм	Мультилингвизм
Повышение уровня владения РМЯ	Достижение уровня РМЯ – В2 по окончанию школы	Достижение уровня иностранных языков – А2; РМЯ – В2
<i>Начальная школа:</i> обучение на родном для учащихся языке; <i>Средняя школа:</i> стремится к увеличению часов РМЯ	<i>Преподавать</i> на всех трех ступенях школы: РМЯ – 49%; Испанский – 51%	<i>Преподавать</i> – начальная и средняя школа: РМЯ – 33% Испанский – 33% Английский – 33%
<i>РМЯ</i> – Гуманитарное направление	<i>РМЯ</i> – Гуманитарное направление и социальные науки	<i>РМЯ и английский язык</i> – Гуманитарное и социальное направления
<i>Испанский язык</i> – социальные науки, математическое и естественно-научное направления	<i>Испанский язык</i> – математическое и естественно-научное направления	<i>Испанский язык</i> – математическое и естественно-научное направления
Школьный документооборот (аттестаты, расписания, личные дела) на <i>региональном языке</i>	Общение на РМЯ	Общение на английском языке

Благодаря государственной языковой политике, а также ее реализации властями автономий статус региональных языков был закреплён на законодательном уровне, а во многих автономиях уровни знания государственного испанского языка и коофициальных языков практически сравнялись.

Этот процесс нельзя назвать бесконфликтным. Так, региональные власти пытались необоснованно закрепить в своих Статутах неконституционные положения об обязательном знании регионального языка; о предпочтительном использовании регионального языка на территории автономии; о необязательном знании испанского языка. Были приостановлены попытки нового написания топонимов на языке автономии. Искусственное навязыва-

вание регионального языка (например, принуждение к изучению валенсийского языка тех валенсийцев, которые не являются его носителями), может характеризоваться как проявление национализма и привести к развитию сепаратизма. Из этого следует, что центральные и региональные власти Испании, стремящиеся к европейской интеграции, должны осторожно обращаться с инструментами языковой политики.

Диглоссия и билингвизм: конфликт на почве конкуренции с государственным языком

Современная лингвистика выделяет два основных типа языковой ситуации: диглоссия и билингвизм [Никольский, 1986; Фергюсон, 2012]. Диглоссией называется «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых *в разных функциональных сферах*» [Виноградов, 1990, с. 136]. В условиях существования диглоссии один из языков является высоким, престижным, языком культуры, науки, образования, делопроизводства и законодательства, другой – менее престижным, бытовым. Высокий язык чаще всего не является родным для носителей.

Показателем престижности языка является количество билингвов в одной и другой группе [Siguán, электрон. ресурс]. Как правило, билингвов больше в группе с менее престижным языком, так как носители более престижного языка мало мотивированы к изучению миноритарного языка. Кроме того, менее престижный язык более подвержен влиянию со стороны более престижного (заимствования, кальки и т.п.), т.е. социальный статус языка является определяющим в условиях двуязычия.

Языковые контакты имеют своим следствием, как правило, два результата.

1. Они могут привести к глубоким структурным преобразованиям [Чельшева, 2009, с. 133] в области лексики (влияние на корпус), морфологии, синтаксиса, фонетики, орфографии.

2. Они находят выражение в изменении социального статуса контактирующего языка.

Под билингвами обычно понимаются носители одного языка, свободно переходящие на другой язык при общении. При этом оба языка служат как для официального, так и неофициального общения, применяются во всех сферах деятельности, сосуществуют

друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в зависимости от ситуации.

Изменение внешних условий ведет к изменению типа языковой ситуации. Так, носители окситанского языка на юге Франции прошли путь от билингвизма к диглоссии (билингвизм → диглоссия) [Гринина, 2013; Гринина, 2016; Романова, 2016], в то время как языковая ситуация Каталонии, Галисии и Страны Басков может быть определена как движение от диглоссии к билингвизму (диглоссия → билингвизм).

Согласно статистическим данным, уровень владения региональными языками или языками меньшинств в Испании достаточно высок (около 90% всего населения автономий), региональные языки являются языками общения и дома, и на работе (см., например, табл. 2).

Таблица 2

**Степень владения валенсийским языком
в Валенсийском сообществе в зависимости
от демографических показателей**

Население	Всего	15-летние
Понимают	86,4%	72,4%
Говорят	48,9%	50,9%
Читают	47,2%	52,9%
Пишут	24,1%	34,7%

В ракурсе экzogлоссных отношений языковая ситуация в Каталонии и Галисии сбалансирована, так как языковые системы коофициального и испанского языков можно рассматривать как функционально относительно равнозначные по объему и характеру функций, выполняемых в различных социальных сферах. В Валенсийском сообществе и в Аранской долине эти социальные функции не столь широки и объемны. Однако факт *признания валенсийского и аранского идиомов официальными языками* указывает на то, что детерминирующими в этом вопросе являются не языковые, а политические факторы.

Билингвизм в автономных регионах стал детерминирующим явлением. Языковая ситуация в каждой из них отличается своеобразием. Так, например, Галисия – уникальный регион, где мирно сосуществуют два романских языка – испанский и галисийский, в

то время как в Каталонии идет открытое соперничество за языковое лидерство. Недавние события в Автономии свидетельствуют о напряженности в сфере языковой политики, обусловленной сепаратистскими настроениями (уличная борьба с вывесками на испанском языке, изменение названий топонимов в пользу каталанского и др.). Перед нами одна из разновидностей языкового конфликта: через языковое противостояние «региональный язык – государственный язык» осуществляется борьба за политическое, экономическое и этническое доминирование регионального языка.

Конфликтогенные основания статуса идиома: «Язык» vs «диалект»

Согласно словам М. Вайнрайха в отношении разграничения языка и диалекта, язык – это диалект, но с армией и флотом¹. Несмотря на шуточный тон высказывания, в нем подчеркнут конфликтный характер, лежащий в основании определения самостоятельности идиома.

Статус валенсиá / валенси́йского идиома

Отечественная лингвистика [Алисова, Репина, Таривердиева, 1987, с. 9–32] не наделяет валенси́йский идиом самостоятельным языковым статусом. Самостоятельный статус валенсиá является предметом лингвистических дискуссий среди испанских, прежде всего валенси́йских, лингвистов, мнение которых можно представить в следующем виде:

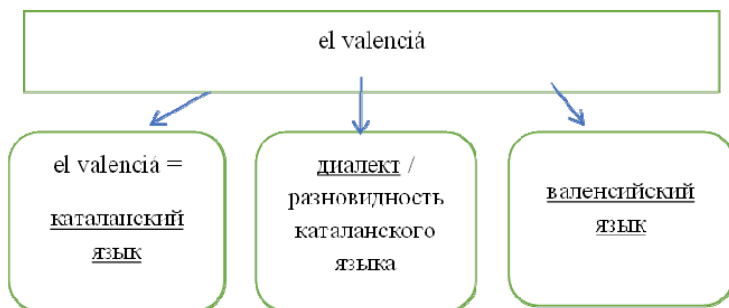

Рис. 1. Точки зрения на статус идиома el valenciá

¹ Цит. по: [Hitchings, 2012, p. 20].

В Статуте Валенсийского сообщества валенсийский язык был провозглашен собственным языком Автономии и уравнен в правоприменении с испанским (кастильским) [Ley Orgánica 5/1982, электрон. ресурс].

Суть спора о статусе *el valenciá* сегодня определяется признанием / непризнанием его частью каталанского языкового пространства «Каталонские земли» (Països Catalans). Каталония, не признавая самостоятельность валенсийского языка (валенсийский – это не язык, а диалект каталанского языка), стремится создать языковое и культурное пространство, которое должно включать Каталонию, Валенсию и Балеарские острова [Гринина, 2011, с. 140–144]. Здесь первостепенное значение имеет статус языка, который призван обеспечить политическую и территориальную (!) самостоятельность Валенсии.

Статус аранес / аранского идиома

Аранский идиом используется жителями Аранской долины в центральных Пиренеях (провинция Льейда, Каталония). Вопрос о его статусе, который является, по мнению одних ученых, диалектом окситанского языка (другое название: провансальский язык, язык трубадуров в Средние века), по мнению других – его поддиалектом, также достаточно спорный (см. рис. 2).

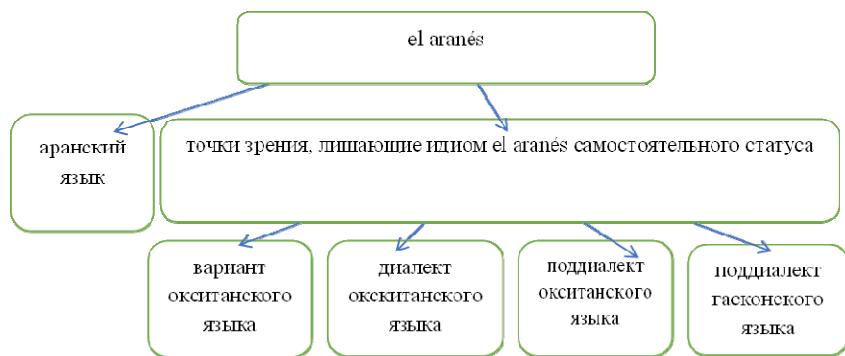

Рис. 2. Спорные точки зрения в отношении статуса идиома *el aranès*

Закон об окситанском языке [Ley Orgánica 6/2006, электрон. ресурс], который представлен на территории Каталонии аранским языком, объявляет последний официальным на всей территории региона.

В регионе Аранская долина создана ситуация, при которой язык, не обладающий всем функциональным набором полноценного литературного языка, приобретает статус официального языка региона [Гринина, 2012; Гринина, 2015; Гринина, 2016] под влиянием политических факторов.

Лингвистическая оппозиция *язык / диалект* в настоящее время становится ареной политической борьбы с проявлениями национализма и сепаратизма. Так, Валенсийское сообщество закрепляет в своем Статуте статус валенсийского как самостоятельного языка. Этому противятся сторонники каталонского националистического пути развития, считающие этот идиом диалектом каталанского и на этом основании пытающиеся включить валенсийские земли в единое пространство «Каталонские земли» (Països Catalans), а аранский язык, не обладающий всем функциональным набором полноценного литературного языка, приобретает статус официального языка региона по политическим мотивам.

Языковая норма как инструмент политической игры

Некоторые зарубежные авторы [McArthur, 2000, p. 114] выражают критическое отношение к норме и нормированию языка, рассматривая языковые стандарты как инструмент властных структур для обеспечения контроля над массами в целях политического, экономического и этнического доминирования, когда социальное неравенство легитимизируется языком¹.

Нормы РМЯ, существующих в условиях двуязычия, зачастую окончательно не сформированы, неустойчивы, несмотря на разработанные грамматики и словари. Изучение становления нормы предполагает изучение вариативности языковых средств – в фонетике, орфографии, грамматике и лексике региональных языков. Большая или меньшая степень варьирования влияет на определение языкового статуса регионального языка.

Эта вариативность на основе существующих вариантов (близких или далеких к португальскому языку) отражает борьбу противоположных тенденций: официальной галисийской (*isolacionista-oficialista*) и пропортугальской реинтеграционистской (*reintegracionista-lusista*). Реинтеграторы рассматривают галисийский язык как *диалект португальского* и даже настаивают на адаптации галисийского языка к существующей норме португальского языка.

¹ Цит. по: [Германова, 2016, с. 109–111].

Вариативность нормы галисийского языка

	ИГЯ/КАГ¹ Официалисты (ILG/ARG)	АГЯ Рейнтегристы (AGAL)
Орфография	Ближе к кастильскому <i>levalo (levar+o)</i> <i>vario, vario</i> <i>cóncavo, burgués</i>	Ближе к португальскому <i>levá-lo</i> <i>vário, vario</i> <i>côncavo, burguês</i>
Лексика исконная	<i>moito, loita, catro</i>	<i>muito, luita, quatro</i>
Лексика заимствованная	<i>lector, concepto</i> <i>espacio, xustiza</i> <i>doenza, diferençia</i> <i>viaxe</i>	<i>leitor, conceito</i> <i>espaço, justiza</i> <i>doenza, diferença</i> <i>viage/viagem</i>
Морфологические признаки имени	<i>man/s, can/s</i> <i>razón/s</i> <i>tales, fáciles</i>	<i>mao/s, can/s-cais</i> <i>razón/s-razois</i> <i>tais, fáceis</i>
Морфологические признаки глагола	<i>dicir, vivir, escribir</i> <i>andades, bebín,</i> <i>bebiches</i>	<i>dizer, viver,</i> <i>escrever</i> <i>andades/andais,</i> <i>bebím/bebi,</i> <i>bebeche/bebeste</i>

В случае с валенсийским языком существующий языковой конфликт между Валенсией и Каталонией вообще подвергает сомнению существование собственной нормы валенсийского языка.

Отличительные особенности в фонетике валенсийского и каталанского языков

Валенсийский язык	Каталанский язык
Deuservèrt, com l'hèrba, no ròig.	Ha de esser verd, com la gespa, no pas vermell
Articul, vehicul, vincul	Article, vehicle, vincle
Formalisar, realisar, analisà	Formalitzar, realitzar, analitzada
Chufa, chutar, che (uso de "ch-")	Xufra, xutar, xe (uso de "x-")
Mege, plaja, coche	Metge, platja, cotxe
Novela, ilicità, colege	Novel·la, il·licità, col·legi

¹ АГЯ – Ассоциация галисийского языка (AGAL); ИГЯ – Институт Галисийского языка (ILG); КАГ – Королевская Академия Галисии (ARG).

Данные, приведенные в таблице 4, показывают, что существующие различия между валенсийским и каталанским языками в фонетике незначительны. Однако в том, что касается лексики, здесь отмечаются существенные различия (их фиксируют два словаря Валенсийской Академии языка).

Таблица 5

**Отличительные особенности в лексике
валенсийского и каталанского языков**

Часть речи	Валенсийский язык	Каталанский язык
Прилагательное	Doshomens menuts ydoschiquesboniques (usode "menut/chicotet")	Dos homes petits i dues noias macas (uso de "petit" diminutivo, "dues" femenino)
Глагол	Eixir, agarrar, parar, vòre, tindre, vindre, assentarse, naixer, traure.	Sortir, agafar, aturar, veure, tenir, venir, seure, neixer, treure.

Таблица 6

**Отличительные особенности в грамматике
валенсийского и каталанского языков**

	Валенсийский язык	Каталанский язык
Личные местоимения	Mosatros, vosatros, mos, vos.	Nosaltres, vosaltres, ens, us
Указательные местоимения	Este, esta, estos, estes. Este – Eixe – Aquell	Aquest, aquesta, aquests, aquestes Aquest – Aqueix – Aquell
Безличные глаголы	Se diu molt pronte com parar un servici roïn	Hom diu força aviat com aturar un servei dolent
Использование глаголов ser/estar	Hui, els bous estan en Muchamel (uso del verbo "estar", uso de "en")	Avui, els toros son a Mutxamel (uso del verbo "ser", uso de "a")

Анализируя приведенные выше данные, можно сделать вывод о том, что признанный официальным вариант валенсийского языка *очень близок* к каталанскому языку. Тем не менее валенсийский признается самостоятельным языком.

Что касается аранского языка, то отсутствие политического конфликта интересов обуславливает сформированность нормы.

Таким образом, вариативность, предполагающая наличие параллельных языковых средств и являющаяся одним из характерных признаков процесса нормализации, в некоторых случаях социально обусловлена и даже конфликтогенна, а становление языковой нормы находится на острие политического противостояния.

Выводы

Таким образом, анализ языковой ситуации в автономиях с РМЯ позволяет выделить три типа языковых конфликтов.

1. *Противостояние с государственным – испанским – языком.* Коофициальные региональные языки, имеющие устойчивый языковой статус, например каталанский и баскский, вступают в *противостояние* с государственным – испанским – языком, стремясь завоевать лидирующие позиции на территории своей автономии. Региональные власти автономий пытались необоснованно закрепить в своих Статутах неконституционные положения об *обязательном знании регионального языка*; о *предпочтительном использовании регионального языка* на территории автономии; о *необязательном знании испанского языка*. Были приостановлены попытки нового написания топонимов на языке автономии в Галисии (1986) и Каталонии (2017), что также свидетельствует о напряженности в сфере языковой политики, обусловленной сепаратистскими настроениями.

Искусственное навязывание регионального языка (например, принуждение к изучению валенсийского языка тех валенсийцев, которые не являются его носителями) может характеризоваться как проявление национализма.

Языковой конфликт выражается через языковое противостояние «региональный язык – государственный язык» и является инструментом в борьбе за политическое, экономическое и этническое доминирование регионального языка.

2. Лингвистическая оппозиция *язык vs диалект* в настоящее время становится ареной политической борьбы с проявлениями национализма и сепаратизма. Так, по политическим мотивам самостоятельный *лингвистический статус* получили валенсийский и аранский (окситанский) языки, не обладающие всем набором функций для существования в качестве полноценных литературных языков. На основании различий с каталанским языком в об-

ласти фонетики, орфографии, грамматики и лексики делается вывод, что каталанский и валенсийский – это не разные формы одного и того же языка, а разные языки, т.е. обосновывается самостоятельный *лингвистический статус валенсийского языка*, что закрепляется в Статуте Валенсийского сообщества. Сторонники каталонского националистического пути развития считают этот региональный язык диалектом каталанского и по этой причине пытаются включить валенсийские земли в единое языковое и культурное пространство «Каталонские земли» (Països Catalans).

Испания является единственной страной в мире, где аранский (окситанский) язык, находящийся под угрозой исчезновения, получил статус самостоятельного языка. Отсутствие политического конфликта интересов, подобно тому, который существует между Валенсией и Каталонией (Аранская долина уже относится к территориально-административному субъекту Каталония), обуславливает относительную сформированность нормы аранского (окситанского) языка.

На статус языка, который призван обеспечить политическую и территориальную самостоятельность, оказывает влияние трансграничное положение территории его распространения: *галисийский язык* как официальный язык Галисии, а не *диалект португальского*; *аранский язык* как официальный язык в Каталонии, а не *диалект окситанского*, распространенного на юге Франции.

3. Конфликтогенной является *разработка нормы* региональных языков. Это происходит в случае с галисийским языком, где на основе существующих вариантов (близких или далеких к португальскому языку) имеет место существование двух противоположных тенденций: официальной (*isolacionista-oficialista*) и пропортугальской (*reintegracionista-lusista*), рассматривающей галисийский язык как *диалект португальского*. Реинтеграторы даже настаивают на адаптации галисийского языка к существующей норме португальского языка.

Укрепление статуса национального языка напрямую зависит от успеха языковой нормализации в регионе. На путь нормализации вступил валенсия – идиом Валенсийского сообщества, отстаивающий право быть самостоятельным языком, несмотря на его близость к каталанскому языку, и аранский язык, не обладающий всем набором функций для существования в качестве полноценного литературного языка.

Языковая норма миноритарных языков становится существенным показателем регионализации языка, а процессы нормализации, характеризующиеся фактором стихийности, в некоторых случаях подвергаются регулированию и становятся инструментом политической игры.

Список литературы

- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики). – М.: АН СССР. Ин-т языкознания; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 276 с.
- Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А.* Введение в романскую филологию. – М.: Высш. школа, 1987. – 344 с.
- Бигвава И.О., Харшиладзе М.А.* Учебник каталанского языка: Начальный курс. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – Ч. 1. – 237 с.
- Виноградов В.А.* Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 32–33.
- Германова Н.Н.* Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции: (На материале грамматик английского языка конца XVII – начала XX в.): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2016. – 414 с.
- Гринина Е.А.* Профессор В.С. Виноградов и изучение каталанского языка // Вопросы иберо-романской филологии: сб. статей. – М., 2005. – Вып. 7. – С. 16–19.
- Гринина Е.А.* Валенсийский язык: победа или поражение? // Вопросы иберо-романистики: Сб. статей. – М., 2011. – С. 140–144.
- Гринина Е.А.* *Lenguas regionales en el contexto de la política lingüística de España* // Испанский язык в контексте новых вызовов XXI века: Исследования и преподавание: Материалы 5-й Междунар. науч. конф. испанистов (Москва, 26–28 апреля 2012 года). – М., 2012. – С. 223–224.
- Гринина Е.А.* Риторическая фигура: Взгляд из Средневековья // Риторика ↔ Лингвистика: сб. статей / отв. ред. Тихонова М.П. – Смоленск, 2013. – Вып. 10. – С. 20–28.
- Гринина Е.А.* Государство в государстве: Аранская долина // Древняя и новая Романия. – СПб., 2015. – Т. 16, вып. 2. – С. 336–344. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=26756>
- Гринина Е.А.* Окситания в Каталонии / отв. ред. Ларионова М.В., Хенкин С.М. // Ибероамериканские тетради. – М., 2016. – Вып. 1 (11). – С. 96–100.
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. European Charter for Regional or Minority Languages. – 1992. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007bf4b>

- Ламина К.В.* Каталанский язык в современной Испании // *Iberica: Культура народов Пиренейского полуострова в XX в.* – Л., 1989. – С. 171–178.
- Марусенко М.А.* Языковая политика Европейского союза: Институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. – 288 с.
- Нарумов Б.П.* Каталанский язык // *Языки мира: Романские языки* / ред.: Жданова Т.Ю., Романова О.И., Рогова Н.В. – М., 2001. – С. 492–517.
- Никольский Л.Б.* Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. – М.: Наука, 1986. – 194 с.
- Романова Г.С.* Каталония в Окситании / отв. ред. Ларионова М.В., Хенкин С.М. // *Ибероамериканские тетради.* – М., 2016. – Вып. 1 (11). – С. 90–95.
- Томашпольский В.И.* Романское языкознание: в 2 ч. – М.: Юрайт, 2019. – Ч. 1: Учебное пособие для вузов. – 267 с.
- Фергюсон Ч.* Диглоссия // *Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия:* пер. с англ. / ред. Вахтин Н.Б. – СПб., 2012. – С. 43–62.
- Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // *Новое в лингвистике.* – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7: Социолингвистика. – С. 441–472.
- Цыбденова Б.Ж.* Понятия «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и американской социолингвистике // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы 4-й Междунар. науч.-практич. конф., 19–20 мая 2016 г.* / отв. ред. Боргорякова Т.Г. – Абакан, 2016. – С. 88–91.
- Челышева И.И.* Миноритарные романские языки: Проблемы языковых контактов и тенденции структурного развития // *Миноритарные языки Евразии: Проблемы языковых контактов.* – М., 2009. – С. 113–135.
- Decreto 2929/1975, de 31 de octubre, por el que se regula el uso de las lenguas regionales españolas. – Mode of access: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1975-23450 (дата обращения: 20.07.2019).
- Hitchings H.* The language wars: A history of proper English. – L.: Picador ed., 2012. – 416 p.
- Kaplan R.B.* Language planning // *Applied research on English language.* – Los Angeles, 2013. – N 2, Vol. 2 (issue 1). – P. 1–12.
- L 394/10, de 18 de diciembre de 2006. Recomendación del Parlamento Europeo y del Consejo sobre las competencias clave para el aprendizaje permanente, 2006/962/CE (Diario Oficial de la Unión Europea). – Mode of access: <http://studylib.es/doc/7251420/l-394-10-es-diario-oficial-de-la-uni%C3%B3n-europea-30.12.2006> (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley 3/1983, de 15 de junio, de normalización lingüística. – Mode of access: http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ga-l3-1983.html (дата обращения: 20.07.2019).

- Ley 2/1998, 3 de marzo, sobre el cambio de denominación de las provincias de La Coruña y Orense. – Mode of access: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1998-5184 (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley 35/2010, de 1 de octubre. Ley del Occitano, Aranés en Arán de Cataluña. – Mode of access: <https://legislacion.vlex.es/vid/ley-occitano-aran-227930597> (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley 4/2018, de 21 de febrero, de la Generalitat, por la que se regula y promueve el plurilingüismo en el sistema educativo valenciano. [2018/1773]: Diario oficial de la Generalitat Valenciana, N 8240 / 22.02.2018. – P. 7800–7873. – Mode of access: <https://elauladejavier.com/wp-content/uploads/2018/02/LEY-4-2018-de-21-de-febrero-de-2018-que-regula-el-PLURILINGUISMO-en-la-Comunitat-Valenciana.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley Orgánica 3/1979, de 18 de diciembre, de Estatuto de Autonomía para el País Vasco. – Mode of access: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo3-1979.html (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley Orgánica 5/1982, de 1 de julio, de Estatutode Autonomía de la Comunidad Valenciana. – Mode of access: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1982-17235> (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley Orgánica 2/2006, de 3 de mayo, de Educación. – Mode of access: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/lo2-2006.html (дата обращения: 20.07.2019).
- Ley Orgánica 6/2006, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña. – Mode of access: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/r0-lo6-2006.html (дата обращения: 20.07.2019).
- McArthur A.* An outline of English grammar for the use of schools. – Dublin: Ireland commissioners of nat. educ., 2000. – 170 p.
- Real Decreto Legislativo 781/1986, de 18 de abril. – Mode of access: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1986-9865> (дата обращения: 20.07.2019).
- Real Decreto 2092/1978, de 23 de junio, por el que se regula la incorporación de la Lengua catalana al sistema de enseñanza en Cataluña. – Mode of access: <http://www.filosofia.org/hem/dep/boe/19780902.htm> (дата обращения: 20.07.2019).
- Real Decreto 1049/1979, de 20 de abril, por el que se regula la incorporación de la lengua vasca al sistema de enseñanza en el País Vasco. – Mode of access: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1979-12160 (дата обращения: 20.07.2019).
- Real Decreto 1981/1979, de 20 de julio, por el que se regula la incorporación de la Lengua Gallega al sistema educativo en Galicia. – Mode of access: <https://boe.vlex.es/vid/incorporacion-lengua-gallega-educativo-255228418> (дата обращения: 20.07.2019).
- Sentencia Constitucional 84/1986, Tribunal Constitucional, Pleno, Recurso de inconstitucionalidad6 78/1983, de 26 de Junio de 1986. – Mode of access: <https://www.iberley.es/jurisprudencia/sentencia-constitucional-n-84-1986-tc-pleno-rec->

recurso-inconstitucionalidad-6-78-1983-26-06-1986-12202731 (дата обращения: 20.07.2019).

Sentencia 337/94, de 23 de diciembre, del Tribunal Constitucional. – Mode of access: <http://www.vozbcn.com/extras/pdf/1994-337-Constitucional.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).

Sentencia del Tribunal Constitucional 31/2010, de 28 de junio de 2010. – Mode of access: <https://www.parlament.cat/document/intrade/12100> (дата обращения: 20.07.2019).

Siguán M. El español como lengua en contacto en España. – Mode of access: http://congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/4_el_espanol_en_contacto/siguan_m.htm (дата обращения: 20.07.2019).

УДК: 81

О.К. Клименко

**ИСПАНО-АНГЛИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
НА ТЕРРИТОРИИ США**

*Central New Mexico Community College, Albuquerque, USA
okklim@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются процессы, происходящие в условиях сосуществования испанского и английского языков в США. Рассматривается явление испано-английского двуязычия, которое становится способом адаптации растущего испаноязычного населения к жизни в стране, в которой доминирующим является английский. Уровень языковой компетенции изменяется от поколения к поколению, и в этой связи встает вопрос об условиях и степени сохранения родного (испанского) и освоения английского языков. Отдельно изучается такое понятие, отражающее взаимопроникновение испанского и английского языков, как Spanglish, которое неоднозначно трактуется лингвистами.

Языковые контакты между английским и испанским языками на территории США складывались десятилетиями. На современной территории Соединенных Штатов на испанском языке говорили с XVI в., когда первый испанский конкистадор Понсе де Леон открыл в 1513 г. Флориду. Спустя некоторое время в 1565 г. испанцы основали Сан-Агустин – старейший из ныне существующих городов США. По мере того как территория США расширялась в результате войн и приобретения земель, их испаноговорящее население увеличивалось. Например, когда США приобрели Луизиану у французов в 1803 г., появилось много жителей, говорящих на испанском языке, которые переехали в этот регион, когда он недолгое время, с 1765 по 1800 г., принадлежал Испании. Однако самое большое увеличение испаноязычного населения произошло в конце американо-мексиканской войны в 1848 г., когда

Мексика потеряла почти половину своей территории, включая всю современную Калифорнию, Неваду и Юту и части современных Аризоны, Колорадо, Нью-Мексико, Техаса и Вайоминга. В результате аннексии все испаноязычные жители этой части Мексики стали гражданами США. Испано-американская война 1898 г. закончилась аннексией Кубы и Пуэрто-Рико. Куба получила независимость в 1902 г., а Пуэрто-Рико осталась территорией США. Следующий приток испаноязычного населения в США произошел с появлением мексиканских рабочих, прибывших по программе «брасеро», которая действовала с начала Второй мировой войны и до 1964 г., кубинских мариелитос в 80-е и балсерос в 90-е годы прошлого века. Большое количество иммигрантов из Мексики, Пуэрто-Рико, Сальвадора, Кубы, Доминиканской Республики, Гватемалы, Колумбии и других стран Латинской Америки, гонимые экономическими и политическими проблемами, покидают свои страны и направляются в США начиная с конца XX в. и по настоящее время. В среднем 1,5 млн легальных и нелегальных иммигрантов прибывают в США каждый год, 46% из них – жители стран Латинской Америки, иммигранты из Мексики составляют большинство – 64%. Таким образом, испаноязычное население США стремительно растет, увеличившись на 62% между 1990 и 2000 и еще на 23% между 2000 и 2007 гг., и, по прогнозам специалистов, может превысить 50 млн. Оно растет не только за счет продолжающейся иммиграции, но и увеличивающейся рождаемости [Thompson, Lamboy, 2012]. Количество латиноамериканского населения варьируется по штатам. Самая высокая концентрация латиноамериканцев обнаруживается в штатах Нью-Мексико (44%), Калифорнии (36%), Техасе (35%), Аризоне (29%), Неваде (24%) и Флориде (20%) [Potowski, Carreira, 2010, p. 68]. Показательно, что, притом что некоторые регионы мало населены, в них проживают большое количество латиноамериканцев, в особенности в Нью-Мексико и Западном Техасе. В ряде городов, таких как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго и Хьюстон, отмечается как большая плотность населения, так и значительное присутствие латиноамериканцев. Три самые большие группы латиноамериканцев в США составляют мексиканцы (65%), пуэрториканцы (9%) и кубинцы (4%). Самая большая концентрация мексиканцев наблюдается на Юго-Западе, пуэрториканцев – на Северо-Востоке и кубинцев – в Майами. В крупных городах, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Чикаго начинают появляться смешанные этнические группы, такие как «мексиканцы» (*Mexiricans*) [Rua, 2001; Potowski, 2008].

Рост латиноамериканского населения в США некоторыми воспринимается отрицательно. Так, С. Хантингтон [Huntington, 2004] выражает озабоченность в отношении латиноамериканской иммиграции. Он утверждает, что размах и природа этой иммиграции принципиально отличаются от предыдущей иммиграции, и успехи в ассимиляции вряд ли будут повторены современным потоком иммигрантов из Латинской Америки. По его мнению, это угрожает национальному единству США, которые могут превратиться в страну с двумя народами, двумя культурами (англосаксонской и латиноамериканской) и двумя языками (английским и испанским). Он также указывает на особенности мексиканской иммиграции, которые могут сделать возможным разделение США на два совершенно отдельных региона, среди них концентрация мексиканского населения в определенном регионе (на Юго-Западе), его близость к Мексике и историческое присутствие в нем, браки внутри общины, испанский язык и национальная идентичность. П. Бьюканен [Buchanan, 2001] в книге «Смерть Запада» также считает, что компактные поселения мексиканских общин могут представлять опасность из-за возможного возникновения на территории США этнического анклава, население которого может в дальнейшем потребовать признания своей принадлежности к отдельной и уникальной испанской культуре и права на особые отношения с Мексикой, и называет это новой реконкистой.

Поскольку по прибытии в США латиноамериканцы оказываются вынуждены жить в обществе, в котором доминирующим языком является не испанский, а английский, то возникает проблема взаимодействия этих двух языков, которая рассматривается учеными с разных точек зрения. Большое внимание уделяется как проблеме ассимиляции и освоения английского языка, так и сохранению родного языка, социологическим, психологическим и стилистическим особенностям его использования, проблеме билингвизма.

Е.В. Антонюк [Антонюк, 2007] полагает, что множество мнений по поводу перспектив развития испанского языка на территории США можно свести к трем основным. 1. Ассимиляция, *melting pot*. В первом поколении иммигранты еще верны ценностям автохтонной культуры и языка; во втором поколении происходит частичная аккультурация или растворение в доминирующей культуре; в третьем поколении этот процесс становится уже необратимым. Однако данные последних лет, а также динамика роста иммиграции свидетельствуют о том, что полная ассимиляция ис-

панского языка с английским представляется маловероятной, даже несмотря на определенное ужесточение языковой политики по отношению к меньшинствам со стороны государства. 2. Диглоссия, понимаемая в данном случае как сосуществование престижной и непрестижной языковых систем, обладающих разными функциями, т.е. как функциональная распределенность систем двух самостоятельных языков. Падение престижности испанского языка укрепляет функциональный статус английского языка в сфере политики, бизнеса, экономики, СМИ, любых форм письменного дискурса, т.е. «высокой» языковой системы, а за испанским остается сфера устного бытового или неформального внутриэтнического общения, функциональный статус «низкой» языковой системы. При такой ситуации, также маловероятной, существенно бы сократилось использование испанского языка в СМИ и усилилась тенденция к сохранению территориальных диалектных различий испаноязычных диаспор. 3. Билингвизм и бикультурализм. Этот путь развития испанского языка в США представляется автору наиболее вероятным.

Экономическое, политическое и культурное влияние латиноамериканской диаспоры растет, и американское общество может пойти по пути билингвизма и мирного сосуществования двух культур, по крайней мере в отдельных штатах. А. Готтардо, А. Грант [Gottardo, Grant, 2008] подчеркивают, что билингвизм – сложное явление, и на него влияют различные факторы, такие, как возраст освоения второго языка, продолжительность воздействия первого языка, языковая компетенция в каждом из языков и обстоятельства, при которых каждый из языков был изучен. С. Ромейн [Romaine, 2010, p. 30] полагает, что для большинства иммигрантских меньшинств билингвизм – это временная и переходная стадия в изменении языка между поколениями, позволяющая перейти от полной монолингвальной компетенции в родном языке к фактической монолингвальной компетенции в английском. По наблюдениям К. Потовски и М. Каррейры [Potowski, Carreira, 2010], большая часть латиноамериканцев в США (75%) в какой-то степени говорит на испанском, в то время как 25% в основном – на английском. Однако количество испаноговорящих латиноамериканцев уменьшается в результате смены поколений. Д. Эркер [Erker, 2017] обращает внимание на то, что по результатам последней переписи населения, 22 млн из 32 млн старше пяти лет говорят на испанском дома, при этом очень хорошо знают английский. Как правило, родившиеся за границей предпочитают родной язык

английскому, но с каждым успешным поколением владение родным языком резко уменьшается. В третьем поколении мало кто владеет языком своих бабушек и дедушек. Поколенческая потеря испанского языка компенсируется постоянным притоком иммигрантов из Латинской Америки. Однако, как полагают авторы, с уровнем рождаемости, который опережает уровень иммиграции, количество испаноговорящих в США безусловно уменьшится на протяжении века, вопрос только в том, насколько. Приводятся данные [Spanish in contact, 2007], что 40% латиноамериканцев, проживающих в США, родились за границей, а другие 60% уже родились и выросли в основном в англоязычной среде в США. Факты говорят о том, что поколенческая потеря испанского языка происходит быстро и всеобъемлюще. Например, С. Вельтман [Veltman, 2000] приводит доказательство того, что сейчас испаноязычные молодые люди больше склонны усваивать английский, чем их ровесники какое-то время тому назад, и заключает, что способность латиноамериканцев поддерживать испанский как доминирующий существенно стала убывать с 1976 г. (см. также С. Ривера-Миллз [Rivera-Mills, 2001]). Исследование, проведенное в Южной Калифорнии, обнаруживает, что «способность говорить на очень хорошем испанском исчезает между вторым и третьим поколением во всех группах» [Rumbaut, Massey, Bean, 2006, p. 458]. Многие ученые, в том числе А. Хадсон-Эдвардс, Э. Эрнандес Чавез, Д. Биллз [Hudson-Edwards, Hernandez Chavez, Bills, 1995], полагают, что одни только рожденные в США латиноамериканцы не могут поддержать испанский язык в этой стране. «Поддержание испанского языка на Юго-Западе в плане только количества говорящих на нем во многом зависит от их притока из Мексики в общины, находящиеся в США, и не гарантирует выживания испанского ниже той точки, когда они уже не смогут компенсировать потерю испаноязычного населения, живущего к северу от границы, в результате смертности или ассимиляции» [Ibid., p. 182]. Р. Отегай, А. Зентелла [Otheguy, Zentella, 2011], изучая языковую ситуацию среди латиноамериканцев в Нью-Йорке, выделяют три их категории: 1) вновь прибывшие, 2) укоренившиеся и 3) выросшие в Нью-Йорке, различающиеся двумя признаками – возрастом прибытия в США и количеством лет проживания в Нью-Йорке. Точка зрения этих авторов существенно отличается от мнения многих других ученых, которые вслед за К. Сильвой-Корвалан [Silva-Corvalan, 1994] под понятием «поколение» имеют в виду только возраст прибытия латиноамериканцев или их родителей в США.

С точки зрения К. Потовски [Potowski, 2008], сочетание двух факторов – возраста прибытия и времени нахождения в США – дает возможность более точно оценить языковую зрелость и подверженность изменениям языка латиноамериканцев. Тем не менее Э. Лэмбой [Lamboy, 2004] обращает внимание на то, что уровень сохранения испанского языка латиноамериканцами в США остается достаточно высоким. Кубинцы имеют самый высокий уровень сохранения испанского (75,5%), за ними идут пуэрториканцы (66,7%) и мексиканцы (64,6%). Каждая группа демонстрирует самую высокую степень поддержания испанского языка в районах, где проживает наибольшее количество ее представителей – кубинцев – во Флориде, пуэрториканцев – в Нью-Йорке, мексиканцев – на Юго-Западе. Использование испанского и английского языков остается основным способом приспособления латиноамериканцев к американской окружающей среде, однако билингвизм латиноамериканцев ограничен уровнем владения этими языками. С. Мотел, Э. Паттен [Motel, Patten, 2012] приводят таблицу распределения знаний английского языка среди представителей основных десяти групп латиноамериканцев (пять лет и старше) в США. Среди тех, кто заявляет, что разговаривает на английском языке дома или говорит на английском языке «очень хорошо», на первом месте находятся пуэрториканцы (82%), за ними следуют мексиканцы (64%), колумбийцы (59%) и перуанцы (59%). Уровень билингвизма уменьшается в тех районах, где имеет место наибольшая концентрация латиноамериканцев. Знание и использование испанского и английского языков варьируются в зависимости от поколения и места рождения. В целом существует тенденция доминирования испанского языка в первом поколении. Первое поколение проходит через стадию зарождающегося билингвизма, овладевая навыками английского языка. Ко второму поколению наблюдается прогрессирующий билингвизм, при котором навыки испанского языка удерживаются в результате общения дома, а владение английским языком приближается к свободному в силу ежедневного общения на учебе или работе на английском языке. Третье поколение является примером регрессирующего билингвизма, так как необходимость общения с родителями на испанском языке исчезает [Only English by the third generation? 2002; Lamboy, 2004; Schmidt, 2000; Telles, Ortiz, 2008]. 38% латиноамериканцев заявляют об испанском языке как основном, 38 – считают себя билингвами, 24 – считают английский основным. 82% взрослых латиноамериканцев утверждают, что знают испан-

ский и 95% считают важным обучение испанскому будущему поколение. Однако языковая реальность такова, что для латиноамериканцев в США очень важно изучение и использование английского языка. Более половины латиноамериканцев, родившихся в США (51%), считают английский основным, а 87% говорят, что взрослые иммигранты-латиноамериканцы должны изучать английский, чтобы быть успешными в этой стране. Выясняется, что место учебы или работы, а также визуальные СМИ являются теми областями, где языковые предпочтения латиноамериканцев сводятся к английскому. Однако дома, в неформальной обстановке, при прослушивании радио и чтении на досуге эта группа американского населения предпочитает испанский язык. Из этого Д. Питолин [Питолин, 2014] заключает, что языковая ассимиляция латиноамериканцев проходит успешно в тех ситуациях, где мажоритарный язык преобладает.

Само существование билингвального сообщества предполагает наличие двух противоположных явлений – смены языка (*language shift*) и сохранения языка (*language maintenance*). Смена языка представляет собой постепенный процесс освоения доминирующего языка и потери родного [Fishman, 2006]. Сохранение миноритарного языка означает, что члены общины предпочитают общаться на своем родном языке и передавать его от поколения к поколению. Э. Филд [Field, 2011] отмечает, что сохранение миноритарного языка требует больших усилий и сильной мотивации. Сохранение языка может быть полным, частичным, минимальным или вообще отсутствовать. Различные билингвальные явления могут способствовать поддержанию языка хотя бы в течение короткого периода времени. Смена языка предотвращается, даже если язык используется в небольшом количестве случаев или просто ограничивается употреблением в неформальной обстановке, в кругу семьи и друзей. Тем не менее так как латиноамериканцы все больше ассимилируются в США, важность испанского языка может уменьшаться. Для некоторых выбор остается достаточно простым, и при условии монолингвального напора со стороны американской системы образования (и его последствий) сопротивление кажется бесполезным.

В условиях данной культурной и языковой ситуации всегда сохраняется напряженность между статусами миноритарных и мажоритарных языков, и языковые меньшинства сталкиваются каждый день с такими явлениями, характерными для языковых

контактов, как диглоссия, заимствования и различные типы переключения кода.

Такие явления, характеризующие билингвизм, как заимствования, калькирование и переключение кода, отмечаются многими исследователями. Одни лингвисты называют эти явления испано-английского билингвизма *Spanglish*, другие этот термин отвергают как уничижительный и мешающий разграничению явлений самого разного характера. Термин *Spanglish* был введен пуэрториканским филологом Сальвадором Тио, опасавшимся, что распространение этого явления приведет к креолизации испанского языка по типу птаха (креольского английского Ямайки), и стал особенно популярен в 1980-е годы после публикации статьи Уильяма Милана «Испанский язык в центре города: пуэрториканская речь в Нью-Йорке». Разные исследователи называют *Spanglish* жаргоном, диалектом, отклонением от языковой нормы, насилием над языком, вторжением английского языка, пиджином, креолом или интеръязыком. На природу явления, называемого *Spanglish*, существуют различные точки зрения. Президент Североамериканской академии испанского языка Одон Бетансос Паласиос назвал *Spanglish* уродливой и извращенной смесью, временным средством общения, которое исчезнет, как только новое испаноязычное поколение оценит благо билингвизма и будет серьезно изучать оба языка, что необходимо для грамотного и культурного общения [цит. по: Lipski, 2008, p. 46]. По мнению испаниста Хосе Кастро Роча, *Spanglish* – это вид жаргона, являющийся смесью английского и испанского, на котором говорят некоторые испаноязычные жители США. Он называет *Spanglish* всего лишь средством. Назвать же его языком или диалектом означает ввести его в одну категорию с креольскими языками. А. Зентелла [Zentella, 2016] полагает, что *Spanglish* является неформальным внутригрупповым стилем общения между испано-английскими билингвами, подчиняющимся как правилам испанского, так и английского языков. Р. Отерай, Н. Стерн [Otheguy, Stern, 2010] считают неоправданным и неудачным употребление термина *Spanglish* по отношению к народной форме испанского языка и предлагает заменить его на термин «испанский язык в Соединенных Штатах». По их мнению, он не носит гибридного характера, и, в сущности, не отличается структурным смешением с английским языком. Признание этого факта даст возможность говорящим на нем изучать как стандартную форму испанского языка, так и английский язык. Профессор испанской и сравнительной литературы Йельского университета

Роберто Гонсалес-Эчеверрия [Gonzalez-Echeverria, 1997] считает, что говорить на *Spanglish* означает обесценивать испанский. По его словам, *Spanglish*, являясь гибридом испанского и английского языков, представляет серьезную опасность для испанской культуры и успешной интеграции испаноязычного населения в американское общество. Выходцы из стран Латинской Америки в США, будучи малограмотными в обоих языках, примешивают к повседневной речи английские слова и конструкции в случае, когда не в состоянии высказаться правильно ни на английском, ни на испанском. Образованные же иммигранты пользуются английскими словами или калькируют английские идиоматические выражения. М.Г. Кочетова [Кочетова, 2015] условно делит тех, кто использует *Spanglish*, на три категории. Первую составляют малограмотные испаноязычные жители США, которые не владеют в достаточной степени английским языком. Их язык представляет случайную смесь английского и испанского языков. Ко второй категории относятся грамотные носители английского и испанского языков, которые намеренно отступают от языковых норм, заменяя в речи определенные английские слова испанскими, и наоборот. Процентное соотношение английского и испанского языков в их речи может широко варьироваться в зависимости от их намерений, целевой аудитории и социокультурного контекста. Третью категорию составляют дети-билингвы, которые, владея двумя языками, используют в своей речи прием переключения кода – свободный переход между английским и испанским языками, подчиненный тем не менее определенным правилам. М. Солженицына [Солженицына, 2014] сопоставляет *Spanglish* как языковой феномен с диалектом, вариантом, креольским языком, пиджином и определяет его основные отличия от данных коммуникативных систем. Она предлагает использовать в отношении этого гибридного языкового явления термин «смешанный код», механизмами которого являются заимствование, калькирование и кодовое переключение, а необходимым условием возникновения – двуязычие индивида и принадлежность его и адресата к одной лингвоэтнической общности. Далее отмечается, что явления кодового переключения, заимствований и калькирования ставят под сомнение рассуждения некоторых лингвистов о ненужности термина *Spanglish* и необходимости его замены термином «кодовое переключение». По его мнению, последний только частично отражает природу рассматриваемого явления. Движущим фактором, благодаря которому *Spanglish* развился в контактный язык, был процесс аккультурации

и смены идентичности (*identity shift*). Кроме того, *Spanglish* в отличие от пиджина и креола не становится ни вторым, ни родным языком. Если в пиджине и креольском языке разграничивают суперстрат и субстрат, то в смешанном коде *Spanglish* языки проявляют себя как матричный (язык-рецептор, в данном случае испанский) и гостевой (язык-донор, в данном случае английский) вне зависимости от социоэкономического статуса или доминирующего характера одного из них. С. Ромейн [Romaine, 2010] полагает, что при наличии продолжающейся иммиграции, пополняющей испаноязычное население США, маловероятно, что *Spanglish* заменит испанский, но также маловероятно, что он прекратит свое существование. «Те, кто с готовностью отбрасывают *Spanglish* как переходное явление, не замечают того факта, что смешанные языки сохраняются на протяжении длительного периода времени несмотря на отрицательное к ним отношение, частично, потому что они выполняют очень важную роль показателей внутригрупповой идентичности» [Ibid., p. 43]. Она ссылается на Г. Анзалдуа [Anzaldua, 1999], которая утверждает, что *Spanglish* больше, чем обычная стратегия, используемая в разговоре с другими билингвами, это важный знак принадлежности к группе. «Для людей, которые не являются испанцами и не живут в стране, в которой испанский является первым языком; для людей, которые живут в стране, в которой правит английский, и не принадлежат к англосаксам; для людей, которые не могут отождествить себя ни с кастильским испанским, ни с стандартным английским, что им остается как ни создать свой собственный язык? Язык, который может их идентифицировать, язык, на котором можно говорить о реалиях и ценностях, значимых для них, язык, который не является ни английским, ни испанским, а тем и другим одновременно. Мы говорим на местном говоре (исп. *patois*), раздвоенном языке (*forked tongue*), разновидности двух языков» [Anzaldua, 1999, p. 77]. Хотя смешанные языки могут выполнять важные функции показателей идентичности, как считают Г. Анзалдуа [Anzaldua, 1999] и другие (Э. Моралес [Morales, 2002] и И. Ставанс [Stavans, 2003]), не все соглашаются с тем, что смешанные языки являются продуктом сознательного создания со стороны билингвальных сообществ, скорее чем ненамеренного результата активных языковых контактов. Тем не менее важно отличать *Spanglish* от *Mock Spanglish*, который используется исключительно образованными, обеспеченными англоязычными людьми в общении с англоязычными людьми того же статуса для достижения юмористического эффекта.

К. Сильва-Корвалан [Silva-Corvalan, 1994] различает следующие типы заимствований из английского языка в испанский: 1) заимствование простых слов, когда заимствуются форма и содержание: *bil* < *bill*; 2) калькирование простых слов, т.е. заимствования значения в уже существующем слове: *carpeta* < *carpet* (исп. *alfombra*); 3) калькирование сложных слов без нарушения семантических и синтаксических особенностей прототипа: *dias de semana* < *weekdays* (исп. *dias laborables*); 4) калькирование сложных слов, которые нарушают лексико-семантические и синтаксические правила языка-реципиента: *eso esta bien conmigo* < *that's fine with me* (исп. *me parece bien*); 5) лексико-синтаксические кальки, которые в свою очередь подразделяются на пять типов: а) перевод английских фраз с сохранением их первоначальной идиоматической коннотации: *llamar para atras* < *to call back* (исп. *devolver la llamada*); *pagar para atras* < *to pay back* (исп. *devolver*); б) воспроизведение модели языка-источника и ее комбинаторное сужение в языке-реципиенте: *mi padre es seis pies* < *my dad is six feet* (исп. *mi padre mide seis pies*); в) калькирование с помощью испанских языковых средств с сохранением английского предлога: *Yo voy a una parte en los jueves* < *I go to a place on the Thursdays* (исп. *yo tengo un compromiso los jueves*); г) нарушение порядка слов при калькировании модели из языка-источника: *la mas importante persona* < *the most important person* (исп. *la persona mas importante*); д) дословное копирование англоязычной модели, что приводит к нарушению правил испанского синтаксиса: *yo naci a diez millas afuera de Ciudad de Santa Fe* < *I was born ten miles away from Santa Fe* (исп. *yo naci a diez millas de la ciudad de Santa Fe*). Говоря о способах проникновения англицизмов в испанский язык, она называет следующие виды, характерные для *Spanglish*. 1. Гипергенерализация (сверхобобщение языковых форм), проявляющаяся в игнорировании исключений из основного правила. Например, все существительные, оканчивающиеся на *-a*, приобретают женский род: *la problema, la sistema, la idioma*; меняются и некоторые глагольные формы: *tene* вместо *tiene*, *move* вместо *mueve*, *pudio* вместо *pudo*. 2. Трансференция (перенос значения), т.е. употребление слов общей этимологии или с похожей графикой в испанском варианте в нужном значении, например, слово *registracion* употребляется по аналогии с англ. *registration*, вместо *matriculacion*, слово *asiguranzas* употребляется вместо *seguros* по аналогии с англ. *assurance*. 3. Симплификация (упрощение), т.е. отступление от правил согласования времен в испанском языке. 4. Смена кода, т.е.

смешение языков, а также изменение порядка слов, принятого в испанском языке. Например, *You got a mancha on your camisa* вместо *Tienes una mancha en tu camisa* («У тебя пятно на рубашке»). *Income tax service abierto todo el año* вместо *Servicio del impuesto sobre la renta abierto todo el año* («Служба подоходного налога открыта весь год»). *Numero uno market* вместо *mercado numero uno* («рынок номер один»).

Объем самого термина «кодовое переключение» трактуется различными исследователям по-разному, хотя в широком смысле под переключением кода в условиях языкового контакта понимается переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации. Если переключение кода когда-то считалось произвольным, вызванным недостаточной языковой компетенцией говорящего в одном из языков, то теперь это явление признается сложной формой коммуникации двух билингвов, подчиняющейся определенным правилам [Bullock, Toribio, 2009]. Важным положением для понимания сущности разных типов переключения кодов является выдвинутое К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993 b] противопоставление «маркированного» и «немаркированного» выбора при переключении кода. Немаркированное переключение кода имеет место тогда, когда говорящий следует установившемуся в языковом сообществе правилам речевого поведения и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего; маркированное переключение имеет место в том случае, если говорящий сознательно производит переключение таким образом, что оно замечается собеседником как отклонение. Противопоставление переключения кода на границе предложений («интерсентенциальное») и внутри предложения («интрасентенциальное») существенно для всех теорий, но трактуется по-разному. Так, Р. Аппел, П. Мэйскен [Appel, Muysken, 1987] выделяют три типа переключения кода: 1) *Tag-switch* включает вводное предложение на другом языке, например, *Oye, when...* «Послушай, когда...» в начале предложения. С. Поплак [Poplack, 1980] назвал этот тип переключения кода «эмблематичным переключением» (*emblematic switching*), имея в виду, что вводное слово является билингвальным признаком монолингвального во всех других отношениях предложения; 2) интрасентенциальное переключение, которое происходит внутри предложения *I started acting real curiosa* «Я начал вести себя очень любопытно»; 3) интерсентенциальное переключение, которое происходит между предложениями. К. Майерс-Скоттон ввела важное противопоставление

языков, участвующих в «внутрисентенциальном» переключении кода, противопоставив матричный язык включенному. Тем самым для всех случаев переключения кода внутри предложения постулируется основной язык, язык грамматической рамки предложения, язык, к которому относятся, как правило, большая часть лексики и грамматические морфемы и язык, «из которого делаются вставки». П. Мэйскен [Muysken, 2004], напротив, выделяет внутри «внутрисентенциального» переключения кода два разных явления: «включение» (*insertion*) материала (лексических единиц или целых составляющих) из одного языка в структуру другого языка и «альтернацию» (*alternation*) между структурами из двух языков. Весьма важна проблема отграничения отдельных внедрений элементов из другого языка при переключении кода от заимствований. К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993 a], признавая отличия явления переключения кода от заимствований, отмечает, что нет надежного критерия для их разграничения в билингвальных текстах. Многие авторы отмечают, что переключение кода имеет лингвистические, психолингвистические и социально-ситуативные аспекты, представленные изначально С. Зентеллой [Zentella, 1990] как: а) структурные, лингвистические факторы «*out of the mouth*», которые обуславливают то, что две монологические грамматики билингвальных говорящих были бы совместимы для того, чтобы могло произойти переключение кода; б) внутренние, психолингвистические факторы «*in the head*», которые связаны со стилистическим значением и коммуникативными намерениями говорящего при переключении кода; в) внешние, социальные факторы «*on the spot*», которые учитывают социальные роли адресата и адресанта, их языковые предпочтения и компетенцию, а также окружающую обстановку. К. Беккер [Becker, 1997] предложила синкретичную модель испано-английского билингвизма, объединяющую все три фактора.

Дж. Козиол [Koziol, 2000], проанализировав 168 высказываний, выделяет 14 категорий испано-английского переключения кодов. Многие из них отмечались и ранее, но изучались по отдельности и не были систематизированы.

1. Персонализация. Самый распространенный, с точки зрения автора, тип переключения кода. Это тип кода, когда говорящий начинает свою речь с английского, а затем переходит на испанский, с тем чтобы собеседник почувствовал вовлеченность в разговор, как отмечает М. Столен [Stolen, 1992, p. 227], – особую атмосферу общего этнического опыта, корней, самобытности. *I'm so glad you*

came. Como estas? Д. Гамперз [Gumperz, 1964] назвал этот тип переключения кода «we code» / «they code». В данном случае испанский представляет собой «we code», а английский – «they code».

2. Повтор. Эта функция используется, когда говорящий повторяет то, что он сказал на другом языке, чтобы подчеркнуть свою мысль. *That's just not fair, es injusto!*

3. Названия (ласкательные имена и обзывания). Эта категория нигде не упоминается, но является достаточно распространенной, особенно среди молодежи. *Hey, chica, where have you been?* Это обращение на испанском выполняет ту же функцию, что и ласкательные имена на английском, такие как *honey* или *sweetie* в монолингвальных высказываниях. На испанском чаще, чем английском, употребляются негативные обращения: *You pendejo! Give that back!*

4. Приложение. Это еще одна новая категория, выделяемая автором, выполняет функцию уточнения и дополнительной информации. *Tonio, mi hijo, is the boy with the red jacket.*

5. Выделение (подчеркивание). Следующее предложение демонстрирует, как выбор одного кода может подчеркнуть основную мысль высказывания. *Los Hispanicos no son importantes para los politicians o para la policia, except in this election.* В середине предложения употребляется английское слово *politicians* вместо испанского *politicos*, чтобы привлечь внимание к категории людей, которые не являются частью латиноамериканского сообщества, а в конце предложения выражение, которое подчеркивает, что латиноамериканцы играют большую роль в выборах, но при этом американские институты власти им не сочувствуют.

6. Пояснение. Например, *She needs things for college... Una lama, toallas, mantas.* Здесь происходит переключение с английского на испанский, чтобы собеседник лучше понял, какие вещи нужны для колледжа.

7. Объективизация. Функция, противоположная персонализации, когда цель переключения кода с испанского на английский – помешать созданию дружелюбной, комфортной обстановки.

Mother: ...*This semester, just try to do better.*

Daughter: *I'm already trying, pero es dificil. Mis amigos -*

Mother: *Don't bring your friends into this...*

Мать хочет остаться отстраненной и строгой, чтобы дать понять дочери всю серьезность ситуации, и с этой целью выбирает английский как форму ведения разговора.

8. Непереводаемость. Обычно непереводаемость относится к понятиям, которые не имеют эквивалентов в другом языке. Например, *In la cultura chicana, there is what we call compadrazgo, but that is missing in Americans*. Здесь слово *compadrazgo* означает понятие близости друг к другу в качестве друзей, но не имеет эквивалента в американском английском.

9. Смягчение. Некоторые исследователи называют этот тип переключения кода «контролирование адресата», но это название кажется автору слишком манипулятивным. Часто для смягчения просьбы, чтобы заставить ее звучать более вежливо и менее требовательно, говорящий использует испанский. Например, *Can we eat in el curate con la television? Limpiaremos luego*.

10. Междометия. а) разговор на английском – *Dios mio, it's past your bedtime*; б) разговор на испанском – *Hey you, ese es mi silla*. В обоих предложениях говорящий использовал междометие на языке, отличном от остальной части предложения, чтобы привлечь внимание собеседника.

11. Вводное предложение. Например, *Do you remember Mrs. Sanchez – (del coro a la iglesia) – she is having a baby*. Переключение кода в вводном предложении говорящий использует, чтобы привлечь внимание к дополнительной информации, которая может быть не замечена или проигнорирована собеседником, апеллируя к его памяти.

12. Ужесточение. Функция, противоположная смягчению, подчеркивающая важность задачи. В этом случае говорящий переходит с испанского на английский, так как требование на нем звучит более властно, чем на испанском, который делает просьбу более вежливой и личной для собеседника. Например, мать говорит сыновьям, что им нужно сделать перед сном: *Dientes, cara, pijamas... Move it!*

13. Цитирование. Прямые цитаты обычно приводятся на том языке, на каком они были сказаны, как и в том случае, который приводит автор: *He said 'con carino'. What else could it mean?*

14. Изменение темы разговора. Автор отмечает, что резкого изменения темы в разговоре обычно не происходит, и этот момент трудно зафиксировать. В целом есть тенденция к обсуждению семейных дел на испанском, а, например, учебных – на английском. *Then she's getting good grades? – Oh, yes. She has to keep her scholarship pero es dificil con el bebe...* Автор приходит к выводу, что большинство способов переключения кода, были ли они сделаны сознательно или нет, направлены на то, чтобы персонализировать

сообщение. Также он обращает внимание на то, что женщины и молодые люди переключаются на другой код чаще, чем мужчины и пожилые люди.

Рассмотрев испано-английские языковые контакты на территории США, можно заключить, что латиноамериканские сообщества, демонстрируя от поколения к поколению разные уровни языковой компетенции, прочно связаны с английским языком и культурой.

Список литературы

- Антонюк Е.В. Испанский язык на территории США: (Штат Флорида): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.
- Кочетова М.Г. Лингвокультурный феномен в современном англоязычном мире: Спэнглиш // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 7, ч. 1. – С. 103–105.
- Питолин Д.В. Спанглиш как явление языковой межкультурной коммуникации // Пед. образование в России. – Екатеринбург, 2014. – № 6. – С. 55–58.
- Солженицына М.В. Социолингвистические механизмы порождения и особенности функционирования *Spanglish*: (На материале аудиовизуальных медиатекстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 27 с.
- Anzaldúa G. Borderlands / La Frontera: The new mestiza. – San Francisco: Aunt Lute Books, 1999. – 102 p.
- Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. – London; Baltimore, MD: Edward Arnold, 1987. – 215 p.
- Becker K. Spanish / English bilingual codeswitching: A syncretic model // Bilingual rev. – Tempe, 1997. – Vol. 22, N 1. – P. 3–31.
- Buchanan P. The death of the West: How dying population and immigrant invasions imperil our culture and civilization. – N.Y.: St.Martin's Griffin, 2001. – 320 p.
- Bullock B., Toribio J. The Cambridge handbook of linguistic codeswitching. – Cambridge, 2009. – DOI: 10.1017/CBO9780511576331.
- Erker D. The limits of named language varieties and the role of social salience in dialectal contact: The case of Spanish in the United States // Language a. linguistic compass. – Blackwell, 2017. – Vol. 11, N 1. – P. 1–20.
- Field F. Bilingualism in the USA: The case of the Chicano-Latino community. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. – 320 p.
- Fishman J. Language maintenance, language shift and reversing language shift // The handbook of bilingualism. – Blackwell, 2006. – P. 406–436.

- Gonzalez-Echeverria R.* Is «Spanglish» a language? // New York Times. – 1997. – March, 28. – Mode of access: <http://www.ampersandcom.com/GeorgeLeposky/spanglish.htm> (дата обращения: 20.07.2019).
- Gottardo A., Grant A.* Defining bilingualism. [Электрон. ресурс]. – 2008. – Mode of access: http://www.researchgate.net/publication/267152186_Defining_Bilingualism (дата обращения: 20.07.2019).
- Gumperz J.* Linguistic and social interaction in two communities // Amer. anthropologist. – Hoboken, 1964. – Vol. 66, N 6. – P. 137–154.
- Hudson-Edwards A., Hernandez Chavez E., Bills G.* The many faces of language maintenance: Spanish language claiming in five southwestern states // Spanish in four continents: Studies in language contact and bilingualism. – Wash. (D.C.), 1995. – P. 165–183.
- Huntington S.* Who are we?: The challenges to America's national identity. – N.Y.: Simon&Schuster, 2004. – 448 p.
- Koziol J.* Code switching between Spanish and English in contemporary American society: MA thesis, St. Mary's College of Maryland. – St. Mary's City, 2004. – 86 p.
- Lamboy E.* Caribbean Spanish in the metropolis: Spanish language among Cubans, Dominicans and Puerto Ricans in New York. – N.Y.: Routledge, 2004. – 128 p.
- Lipski J.* Varieties of Spanish in the United States. – Wash.: Georgetown Univ. Press, 2008. – 317 p.
- Montrul S.* Interpreting mood distinctions in Spanish as a heritage language // Spanish in contact: Educational, linguistic and social perspectives. – N.Y., 2007. – P. 23–40.
- Morales E.* Living in Spanglish: The search for Latino identity in America. – N.Y.: L.A. Weekly Books, 2002. – 310 p.
- Motel S., Patten E.* The 10 largest Hispanic origin groups: Characteristics, ranking, top countries. Pew Hispanic Center [Электрон. ресурс]. – 2012. – Mode of access: <http://www.pewhispanic.org/2012/06/027/the-10-largest-hispanic-origin-groups-characteristics-rankings-top-counties> (дата обращения: 20.07.2019).
- Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. – 326 p.
- Myers-Scotton C.* Duelling language: Grammatical structure in codeswitching. – Oxford: Clarendon Press, 1993 a. – 306 p.
- Myers-Scotton C.* Social motivations for codeswitching: Evidence from Africa. – Oxford: Clarendon Press, 1993 b. – 177 p.
- Only English by the third generation? Loss and reservation of the mother tongue among the grandchildren of contemporary immigrants / Alba R., Logan J., Lutz A., Stults A. // Demography. – N.Y., 2002. – Vol. 39, N 3. – P. 467–484.
- Otheguy R., Stern N.* On so-called Spanglish // Intern. j. of bilingualism. – L., 2010. – Vol. 15, N 1. – P. 85–100.
- Otheguy R., Zentella A.* Spanish in New York: Language contact, dialectal leveling and structural continuity. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. – 341 p.

- Poplack S.* Sometimes I'll start sentence in Spanish y termino en espanol: Toward typology of code-switching // *Linguistics*. – B., 1980. – Vol. 18. – P. 581–618.
- Potowski K.* «I was raised talking like my mom»: The influence of mothers in the development of Mexicans phonological and lexical features // *Linguistic identity and bilingualism in different Hispanic contexts*. – N.Y., 2008. – P. 201–220.
- Potowski K., Carreira M.* Spanish in the USA // *Language diversity in the USA*. – N.Y., 2010. – P. 66–80.
- Rivera-Mills S.* Acculturation and communicative need: Language shift in an ethnically diverse Hispanic community // *Southwest j. of linguistics*. – El-Paso, 2001. – Vol. 20. – P. 211–223.
- Romaine S.* Language contact in the USA // *Language diversity in the USA*. – N.Y., 2010. – P. 25–46.
- Rua M.* Colao subjectivities: PoroMax and MexiRican perspectives on language and identity // *Centro j.* – N.Y., 2001. – Vol. 13, N 2. – P. 117–133.
- Rumbaut K., Massey D., Bean F.* Linguistic life expectancies: Immigrant language retention in Southern California // *Population a. development rev.* – Oxford, 2006. – Vol. 32, N 3. – P. 447–460.
- Schmidt R.* Language policy and identity politics in the United States. – Phila-Delphia: Temple Univ. Press, 2000. – 213 p.
- Silva-Corvalan C.* Language contact and change: Spanish in Los Angeles. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – 255 p.
- Spanish in contact: Policy, social and linguistic inquiries* / Ed. by: Potowski K., Cameron R. – Amsredam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. – 397 p.
- Stavans I.* Spanglish: The making of a new American language. – N.Y.: Rayo, 2003. – 274 p.
- Stolen M.* Codeswitching for humor and ethnic identity: Written Danish-American songs // *J. of multilingual a. multicultural development*. – Oxford, 1992. – Vol. 13, N 1/2. – P. 215–228.
- Telles E., Ortiz V.* Generations of exclusion: Mexican-American assimilation and race. – N.Y.: Russel Sage Foundation, 2008. – 410 p.
- Thompson G., Lamboy E.* Spanish in bilingual and multilingual settings around the world. – Leiden; Boston: Brill, 2012. – 280 p.
- Veltman C.* The American linguistic mosaic: Understanding language shift in the United States // *New immigrants in the United States*. – Cambridge, 2000. – P. 58–93.
- Zentella A.* Integrating qualitative and quantative methods in the study of bilingual code switching // *The use of linguistics*. – N.Y., 1990. – Vol. 583. – P. 75–92.
- Zentella A.* Spanglish: Language politics versus *el habla del pueblo* // *Spanish-English codeswitching in the Caribbean and the US*. – Philadelphia, 2016. – P. 11–35.

**ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректоры М.П. Крыжановская, А.А. Чукаева

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 24/XII – 2020 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 14,0 Уч.-изд. л. 12,0

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 192

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел.: +7(925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У